

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ДЖОРДЖЕТ

ХЕЙЕР

УБИЙСТВА
НА ЧАРЛЗ-СТРИТ

КОМУ ПОМЕШАЛ
СЭМПСОН УОРРЕНБИ?

ДЖОРДЖЕТ

ХЕЙЕР

Джорджет Хейер – родоначальница популярного жанра «любовный роман в стиле эпохи Регентства», автор историко-приключенческих произведений, писательница, чьи книги в XXI веке переживают второе рождение.

Она обращалась к криминальному жанру не так уж часто, однако ее книгами восхищалась Агата Кристи и они считаются классическими образцами английского детектива.

ДЖОРДЖЕТ

ХЕЙЕР

УБИЙСТВА
НА ЧАРЛЗ-СТРИТ

.....

КОМУ ПОМЕШАЛ
СЭМПСОН УОРРЕНБИ?

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Х35

Серия «Золотой век английского детектива»

Georgette Heyer

DUPLICATE DEATH
DETECTION UNLIMITED

Перевод с английского *А. Ю. Кабалкина*

Серийное оформление и компьютерный дизайн
В. Е. Половцева

Печатается с разрешения Heron Enterprises Ltd
и литературного агентства The Buckman Agency.

Хейер, Джорджет.

Х35 Убийства на Чарлз-стрит. Кому помешал Сэмпсон Уорренби? : [романы] / Джорджет Хейер ; [пер. с англ. А. Ю. Кабалкина]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 576 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-097109-1

Респектабельная партия в бридж в шикарном особняке миссис Хаддингтон завершилась убийством: кто-то задушил близкого друга хозяйки. Однако это еще не все: очень скоро убийца нанес новый удар, и на сей раз его жертвой стала сама миссис Хаддингтон!

Но кто же убийца? Инспектор Хемингуэй, которому поручено расследование, понимает: все свидетели нагло ему лгут. Молодая секретарша, эксцентричный лорд, светская львица, даже красавица дочь одной из жертв. Им всем явно есть что скрывать...

Убийство провинциального юриста Сэмпсона Уорренби никого не опечалило, скорее прямо наоборот. Но преступление есть преступление, и убийца должен понести заслуженную кару.

Однако на сей раз у инспектора Хемингуэя особенно много подозреваемых: ведь Уорренби успел насолить абсолютно всем, кто хорошо его знал, от собственной племянницы и ее возлюбленного до местного сквайра, от соседа писателя до отставного майора, разводящего пекинесов.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-097109-1

© Georgette Heyer, 1951, 1953
© Перевод. А.Ю. Кабалкин, 2017
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

КОМУ ПОМЕШАЛ
СЭМПСОН УОРРЕНБИ?

Глава 1

Мистер Тэддиас Драйбек, сошедший с аккуратной гравийной дорожки, проложенной от его дома к дороге, обнаружил, что дальнейшее движение затруднено и даже невозможно ввиду внезапной атаки свирепой своры пекинесов, принявшихся с астматическим хрипением прыгать у его ног. Преодолев побуждение смахнуть их на обочину теннисной ракеткой, он загородил ею свои ноги, поскольку одна из шавок миссис Миджхолм слыла кусачей.

— Кыш! — раздраженно зашипел Драйбек. — Пошли прочь!

Пекинесы, доведенные до иступления такой пренебрежительностью, усилили натиск, одна собачонка даже покусилась на ракетку Драйбека.

— Пеки, Пеки! — раздался воркующий любящий голосок. — Фу, негодницы! Живо назад, к мамочке! Они просто шалят, мистер Драйбек.

Три пекинеса, сочтя ситуацию исчерпанной, утратили интерес к Драйбеку, однако четвертый, решительно преградив ему дорогу, тьякал и рычал на него до тех пор, пока не очутился на руках у хозяйки, ограничившейся шутливым шлепком и заявившей:

— Разве не прелесть? Это старшенькая, мое сокровище! Ну-ка, попроси прощения у бедного мистера Драйбека.

Опасаясь, что снова станет объектом травли, Драйбек отшатнулся.

— Вы ее обидели! — заявила миссис Миджхолм, целя собачку в голову. — Видишь, Урсула, он отказывается пожать тебе лапку. Не обращай внимания.

В вытаращенных глазенках Урсулы читалось скорее омерзение, чем обида, однако Драйбек оставил это наблюдение при себе и объяснил:

— Боюсь, я не любитель собак.

— Уверена, вы их любите! — возразила миссис Миджхолм, не желавшая судить о ближнем дурно. Глаза навывкате, слегка похожие на глаза ее любимиц, оглядели соседа с одобрением.

— Полагаю, вы собрались к Хасуэллам, — проницательно промолвила она. — Вы, наверное, заядлый теннисист?

Драйбек отверг это предположение, хотя был с ним согласен. В молодости он посвящал теннисным состязаниям все летние каникулы и нередко побеждал, о чем свидетельствовала выставка кубков на каминной полке у него в столовой. Стиль игры был старомоден, как и он сам, но молодежь, считавшая его музейным экспонатом, на корте порой обламывала об него зубы. Драйбек был адвокатом, последним выжившим членом фирмы, давно обосновавшейся в соседнем Беллингэме. Старый холостяк, он служил воплощением собранности и отвергал современный прогресс почти во всех его проявлениях, чем и объяснялось неуклонное сокращение его клиентуры. Старейшины местности, где Драйбек прожил всю жизнь, еще хранили ему верность, более же молодые предпочитали методы его ненавистного соперника Сэмпсона Уорренби, выскочки, проработавшего в округе жалких полтора десятка лет. Быстро развившееся дело Сэмпсона Уорренби, начинавшееся как пустяч-

ная заноза в пятке у Драйбека, стремительно приобрело угрожающие масштабы, а с того злосчастливого дня вскоре после окончания войны, когда дурной вкус повлиял на его решение переселиться из Беллингэма в доселе изысканный Торнден, разгневанный Драйбек окончательно лишился возможности игнорировать его существование. Приобретенный Уорренби дом располагался в проулке, выходявшем на главную беллингэмскую дорогу чуть ли не напротив маленького наследственного гнездышка Драйбека.

— Увы, мои теннисные деньки уже позади, — посетовала миссис Миджхолм. — Зато вы встретите там моего Лайона.

Это предупреждение не вызвало у Драйбека тревоги. Майор Миджхолм, нареченный Лайоном родителями-оптимистами, мечтавшими вырастить льва, был скромненький, застенчивый и терялся в тени добросердечной, но полностью подавлявшей его супруги.

— Дойду-ка я с вами до угла, — продолжила миссис Миджхолм, беря Урсулу под мышку. — Или вы пойдете по проулку?

Проулком пользовалась мисс Паттердейл, снимавшая угловой домик, и Уорренби, проживавший напротив общинного выгона. Дальше, за приступкой, тянулась вдоль большого сада Хасуэллов и восточной стороны владений сквайра тропинка, выходящая на северную, вспомогательную дорогу на Беллингэм. В дальнем углу сада Хасуэллов имелась калитка, но несмотря на то, что пользование ею изрядно сокращало путь, Драйбек считал неуместным ходить через нее. Он вежливо зашагал рядом с миссис Миджхолм и проводил ее до главной деревенской улицы. Поскольку пекинесов приходилось постоянно увещевать, разговор получился отрывочным. Драйбек, морщась при каждом крике своей спутницы,

обращенном к Умбрелле, Умберто и Уппиш, не переставал напоминать себе, что Флора Миджхолм — женщина добросердечная и решительная, не жалующаяся на тяготы сократившегося дохода, отказавшаяся от служанки, разводящая собак для заработка и всегда демонстрирующая окружающим довольство своей участью. Смущали его разве что абсурдные клички, которыми она награждала своих питомцев.

Последнее было, впрочем, неизбежно. Уволившись с военной службы, майор Миджхолм построил бунгало в Торндене, в конце деревенской улицы, там, где обрывалось мощеное покрытие дороги и начинался проселок, ведущий через поля к маленькой ферме. Миссис Миджхолм взбрело в голову назвать дом «Ультима Фула»*, а когда она со временем взялась за разведение пекинесов, слово «Ультима» показалось ей единственной логичной приставкой к их кличкам. Ультима Улисс и Ультима Уна, прародители многочисленного и прибыльного рода, были наречены в припадке вдохновения, за ними последовали Урсула, Урбан и Урания. Установилось правило чередования, тем более что выбор подходящих кличек угрожающе быстро иссякал. Его окончательно исчерпали Умберто, Урия и Укица, и щенки последующих поколений получали клички уже просто из словаря. «Подумаешь! — восклицала неунывающая миссис Миджхолм. — Зато какие они чудесные! Унреди выиграл на собачьей выставке “Крафтс” в Бирмингеме два главных и два вторых приза!»

В перерывах между обращенными к Умберто, Умбрелле и Уппиш призывами покинуть чужие владения миссис Миджхолм сообщила своему спутнику, что

* Местность к северу от Британии, которую античные географы считали крайним пределом обитаемого мира. — *Здесь и далее примеч. пер.*

ее тоже приглашали в «Кедры» любоваться теннисом и пить чай, но ей пришлось отказаться.

— Скажу вам начистоту, мистер Драйбек, я сомневаюсь, что смогла бы сдержаться!

— Неужели? — изумился Драйбек.

— Представьте! — Миссис Миджхолм сверкнула глазами. — Вдруг мне пришлось бы говорить с мистером Уорренби? Если он там, что вполне вероятно, то ничто не заставит меня смолчать. Лучше мне туда не ходить.

— Жаль! Я не знал, что между вами и Уорренби пробежала кошка.

— Это случилось вчера. Хотя я всегда недолюбливала его. Между нами говоря, после того как в войну Уорренби повел себя с Лайоном, когда тот возглавил местное ополчение, он перестал для меня существовать. Но я не подозревала, что он может быть жестоким с беззащитными животными!

— Надо же! — покачал головой Драйбек. — С какой-то из ваших собак?

— С Улиссом! Представляете? Я заглянула к несчастной племяннице Уорренби, чтобы обсудить вечер консервативного виста, и захватила с собой этого старого песика. А он, негодяй, пнул его ногой!

— Боже правый! — ахнул Драйбек. — Пнул?

— Я глазам своим не поверила! Да еще посмел оправдываться! Я спросила, почему мой ангелочек взвизгнул и прибежал в дом, хромя, а ему хватило наглости ответить, что он пинком согнал его с клумбы. Я буквально взорвалась!

Драйбеку было нетрудно поверить в это. Даже сейчас грудь миссис Миджхолм так вздымалась от волнительных воспоминаний, что грозила лопнуть, а лицо, и без того румяное, побагровело.

— Я бы много чего ему наговорила, но пощадила бедняжку Мэвис. Она не виновата, хотя, скажу вам начистоту, Мэвис дурочка, что не проявила твердости. Что ж, если ей нравится быть безвольной тряпкой, меня это не касается. Иное дело, когда страдают мои обожаемые крошки! Он ни словечка от меня не услышит, пока не извинится! Если бы я пришла в «Кедры» и столкнулась там с ним, то выложила бы все, что о нем думаю. Миссис Хасуэлл было бы неудобно. Вот я туда и не иду. — В приступе любви она еще крепче зажала Урсулу под мышкой и добавила: — И вообще, Мэвис надо было наказать его и сбежать с тем поляком. Вряд ли она так поступит, я надеюсь, она не натворит глупостей, потому что какой с иностранца прок?

— Поляк? — рассеянно произнес Драйбек.

— Разве вы с ним не знакомы? Он работает в «Бесайд» и живет на дальнем краю улицы с коттеджами, за вами. Во всяком случае, ночует там, у старой миссис Докри.

— Я не встречал этого молодого человека, — проговорил Драйбек тоном, в котором не звучало пылкого желания устранить это упущение.

— И немудрено, он здесь недавно. Вообще-то поляк вполне приличный, у его отца вроде бы были в Польше земли, но кто их, иностранцев, разберет? Я видела поляка у Линдейлов, но его, конечно, не все приглашают. Не знаю, как с ним познакомилась Мэвис, но совершенно не удивлена, что он ей приглянулся. Он очень привлекателен: ладный, и манеры превосходные. Бедной Мэвис просто некуда было деваться!

— Это, случайно, не молодой брюнет, гоняющий на ужасно шумном мотоцикле? — неприязненно осведомился Драйбек.

— Он самый, Ладислас Зама и как-то там дальше... Никак не выговорю! А вот и Лайон! Смотрите, кто идет, Пики! Бегите к папочке!

За разговором они добрались до перекрестка. Слева виднелась невыразительная фигура майора Миджхолма, пытавшегося уберечь свои белые брюки от наскоков лающих собачонок. Вправо тянулась деревенская улица с церковью и домом викария. Вбок от улицы уходила дорожка к усадьбе «Кедры», а дальше на ней располагались лавочки и живописные коттеджи, а также дом эпохи королевы Анны — собственность Гэвина Пленмеллера, тонущая в окруженном стеной саду. Улицу обозначали живые изгороди по обеим сторонам, и, миновав открытое пространство, она упиралась во все еще величественные, хоть и изрядно обветшавшие, ворота «Олд-плейс», жилища сквайра.

Торнден не мог похвастаться деревенской лужайкой, здесь не обитали семейства с многовековой историей, зато можно было найти дома, построенные в изящные времена. Любой агент по недвижимости назвал бы их «резиденциями джентльменов», — выдавшие виды, но по-прежнему привлекательные наполовину бревенчатые постройки — и перпендикулярную церковь времен короля Якова с крестной перегородкой, фотографии которой красовались как минимум в трех альбомах по церковной архитектуре. Дом священника, построенный при королеве Виктории, определенно предназначался для большого семейства. Помимо «Олд-плейс», не лишённого очарования сооружения шестнадцатого века, пусть и расширенного последующими поколениями, глаз ласкала розово-красная жемчужина Гэвина Пленмеллера на Хай-стрит, основательный георгианский особняк Генри Хасуэлла в конце Вуд-лейн

и старый, но все еще внушительный дом Сэмпсона Уорренби на Фокс-лейн. Недурно было и незамысловатое, вполне приличное жилище Драйбека на дороге из Триндейла в Беллингэм. Деревня, включая Олд-плейс с его обширным участком, занимала больше половины треугольника, образованного дорогами между Беллингэмом и Триндейлом на юге и Хоксхэдом на севере. Меньшая часть треугольника была отведена под общественный выгон, по которому, правда, тянулась северная дорога. Сюда выходили фасадами патриархальный и чрезвычайно неудобный дом мисс Паттердейл и Фокс-Хаус Уорренби. Общественная земля была каменистой, с рытвинами и кустами утесника. Местная детвора играла здесь в футбол и в крикет, а мисс Паттердейл пахла двух своих коз.

Майор Миджхолм, отогнав пекинесов, присоединился на углу улицы к супруге и к Драйбеку. Он был невысок, худощав, седоват, с щеточкой усов. Поскольку он вышел в отставку в чине всего лишь майора, то считалось, что его военная карьера не задалась, однако на втором году войны, когда создали местное ополчение, Миджхолм удивил соседей неожиданными талантами. Ему, единственному в округе военному, не подлежавшему по возрасту мобилизации, поручили набирать и обучать первых рекрутов. На этом поприще майор Миджхолм добился выдающихся успехов и даже склонил двух известнейших местных браконьеров не только встать под знамена, но и являться порой на занятия по строевой подготовке. Это была, без сомнения, его стихия, и война пришлась ему по душе. С наступлением мира майор Миджхолм опять отступил на роль второй скрипки при жене, которая, как ни странно, никогда не переставала потчевать знакомых баснями о его военных подвигах, мудрости в гражданских делах и спо-

способности блестяще выходить из любой сложной ситуации.

Сейчас она встретила мужа весело и радостно:

— Какая приятная встреча, Лайон! Идешь в «Кедры»? Передай от меня привет миссис Хасуэлл. Какие новости?

Майор, поприветствовав Драйбека небрежным кивком и такой же улыбкой, ответил:

— Никаких.

— Слава богу! — воскликнула миссис Миджхолм, восполняя своим воодушевлением все, чего недоставало в голосе мужа. — Я сомневалась, уходить ли из дому, потому что она вела себя немного беспокоино. — Заговорщически улыбаясь Драйбеку, она посвятила его в тайну, игриво добавив: — Прибавление семейства! Первый помет моей бесценной Уллапулы!

Драйбек не придумал лучшего ответа, чем: «Неужели?» Совесть майор, старавшийся находить оправдание всем изрекаемым женой глупостям, виновато промолвил:

— Эти маленькие проказники такие нежные!

— Нет, Лайон, не нежные! — возразила миссис Миджхолм. — Просто с первым пометом надо быть настороже. Уллапула станет искать мамочку, чтобы я подержала ее за лапку. Все, я убегаю! Желаю вам обоим хорошей игры. Идемте, Пики! Догоняйте мамочку!

Махнув рукой, она засеменила прочь. Двое мужчин зашагали в противоположную сторону, к Вуд-лейн.

— Пекинесы невероятные умницы, — доверительно поведал майор. — А как они любят охоту! По их виду этого не скажешь, но они не пропускают ни одной кроличьей норы.

Драйбек, кое-как изобразив на лице фальшивый интерес, выдавил: «Вот как?» — и приступил к тщет-

ным попыткам найти хоть какое-то дополнение к своему кислому ответу. К счастью, они уже достигли первой лавки, где торговали бакалеей, галантереей и канцелярскими принадлежностями. Здесь же размещалось почтовое отделение, откуда, к облегчению обоих собеседников, появилась мисс Мириам Паттердейл, наклеивая марку на открытку. Кивнув мужчинам и опустив открытку в почтовый ящик, она сказала:

— Это в прачечную. Послушаем, какую отговорку они придумают на сей раз? Вы, наверное, к Хасуэллам? Там Абби. Говорят, она неплохо играет.

— Мало сказать — неплохо! — оживился Драйбек. — Такой сильный удар слева редко встречается у слабого пола.

— Чушь! — скривилась мисс Паттердейл, безжалостно отвергая услышанное. — Сколько можно задерживаться в эдвардианских временах, Тэddieас? Зла на вас не хватает!

— Боюсь, я слишком старомоден.

— Тоже мне, предмет гордости! — усмехнулась мисс Паттердейл.

Драйбек прикусил язык. Хотя он был знаком с мисс Паттердейл, загрубелой старой девой, уже много лет, она не перестала внушать ему страх. Угловатая остролицая особа одевалась строго, коротко стригла седые волосы и не появлялась без монокля в глазу. Последнее, впрочем, вводило в заблуждение: она и с этим приспособлением оставалась подслеповата. Старшая дочь приходского священника, мисс Паттердейл после смерти отца десять лет назад переселилась из его дома в съемный коттедж на углу Фокс-лейн, но и из этого убогого жилища продолжала тиранить паству действующего vicar, за что тот был ей исключительно признателен. Жена преподобного Энтони Клиберна была скромной и застенчи-

вой, и он не мог нахвалиться на добровольную помощницу, взвалившую на себя столько хлопот, тем более что между двумя женщинами царило полное взаимопонимание. Миссис Клиберн часто повторяла, что без Мириам они с мужем были бы как без рук, а сама мисс Паттердейл, отвечая на похвалы, великодушно возвещала, что Эдит, невзирая на свое безволие и отсутствие здравомыслия, желает творить только добро и очень старается.

— Вы доставите нам удовольствие, наведавшись в «Кедры», мисс Паттердейл? — нарушил неловкое молчание майор.

— И не подумаю, милейший! Я не играю в теннис — и никогда не играла, а главное, терпеть не могу наблюдать за играми. И потом, должен же кто-то доить коз!

— Странно, — ухватился за предложенную тему майор, — но мне не нравится козье молоко, ничего не могу с собой поделать. Жене приходилось иногда пить его в военные годы, а я так к нему и не приистрастился.

— Изрядная гадость! — честно заявила мисс Паттердейл. — Местные считают, что оно полезно детям, вот я и держу эту скотину. Какой только ерунды не болтают о детях в наше время! На самом деле все просто: чем их ни пичкать, они все равно растут как на дрожжах!

После этого глубокомысленного умозаключения она одарила мужчин еще одним кивком, поставила монокль глубже в глазницу и удалилась.

— Что за женщина! — сказал майор ей вслед.

— Действительно, — согласился Драйбек без воодушевления.

— Племянница у нее — красotka. Ничего общего с теткой, верно?

— Вся в свою мать, Фанни Паттердейл, всегда считавшуюся миловиднее сестры, — объяснил Драйбек. — Полагаю, вы не были с ней знакомы?

— Нет, это было еще до меня, — признал майор, поняв, что второй по рангу из старейшин деревни поставил его на место. — Я ведь, можно сказать, новичок.

— Не преувеличивайте, Миджхолм, — свеликодушничал Драйбек, оценив его смирение. — Вы новичок только по сравнению со сквайром, со мной и с Пленмеллером. В последние годы здесь столько всего поменялось!

— Причем не всегда к лучшему, — подхватил майор. — Времена меняются, да?

Драйбек чуть поморщился и произнес:

— O tempora; o mores!* А лучше — *tempora mutantur***.

Майор, лишенный возможности высказать свое мнение по данному поводу, промолчал.

— Велико побуждение закончить поговорку, да только я сам будто не меняюсь. Иногда жалеешь, что наше маленькое сообщество претерпело столь грустную перемену. Постоянно вспоминаю былые деньки, когда поместье «Кедры» принадлежало семье Браверли. Я вовсе не настроен ругать Хасуэллов, они — весьма достойные люди, но до Браверли им далеко.

— Полностью согласен, — поддержал его майор. — Начать хотя бы с того, что Браверли никогда никого не принимали. По мне, Хасуэллы — ценное приобретение для Торндена. Приятно видеть, что старинный дом опять приведен в порядок. А вот если говорить о нынешнем владельце Фокс-Хауса — тут я ваш сторонник. От замены им Чернсайков мы определенно проиграли. Я всегда это твержу — и не я один.

Драйбеку его слова пришлись по душе, однако он, стараясь не выказать удовольствия, промолвил безразличным тоном:

* О, времена; о, нравы! (*лат.*)

** Времена меняются (*лат.*).

— Бедняга Уорренби — как рыба, вынутая из воды.

— Вот и я не пойму, чего ради он уехал из Лондона! — подхватил майор. — Наверное, на Мелкинтон-роуд он чувствовал себя как дома, не то что в Фокс-Хаусе. До элегантности ему далеко. Не *rukka sahib**, как говаривали в былые времена.

С этим Драйбек не мог не согласиться, хотя вид у него был такой, словно он сожалеет о недостатках соседа. Дальше оба джентльмена шествовали в молчании. Когда они дошли до угла Вуд-лейн, из калитки в стене вышел Гэвин Пленмеллер и захромал в их сторону. Это был худощавый брюнет около тридцати лет, с оживленным выражением лица. Он подволакивал одну ногу вследствие перенесенного в детстве коксита.

Хромота не позволила ему повоевать, она же, по мнению редких доброжелателей, явилась причиной его склонности к сарказму. Торнден-Хаус, а также то, что осталось после уплаты гигантских налогов от кое-какого состояния, он унаследовал год назад у своего сводного брата Уолтера и не слыл здесь новичком. Раньше, обитая в Лондоне, сочинял ради денег детективы, поскольку семейного состояния ему не хватало, но часто навдывался в Торнден, где пользовался гостеприимством брата, пока сочетание его насмешливости и раздражительности Уолтера не приводило к очередной ссоре — если можно назвать так ситуацию, когда один возмущается, а другой знай посмеивается да пожимает худыми плечами. Уолтер воевал и вернулся с войны почти полным физическим и моральным инвалидом. С тех пор он страдал нервными припадками, а сил у него осталось так мало, что их не хватало даже на то, чтобы предаваться прежним страстям — энтомологии и наблюдению за

* Истинный джентльмен (*индийск.*).

птицами. После каждой стычки с Гэвином Уолтер клялся, что больше не пустит этого молодого бездельника в дом, но стоило Гэвину, абсолютно невосприимчивому к оскорблениям, снова появиться у него на пороге, неизменно впускать его и даже наслаждался обществом брата. Плохое здоровье лишало Уолтера светской жизни, поэтому после смерти, когда его сменил Гэвин, даже самые сострадательные, вроде Мэвис Уорренби, не пожалели о перемене. Гэвин, впрочем, тоже не приобрел популярности ввиду нежелания скрывать от соседей свое убеждение, что он умнее их. Однако он не вызывал такой неприязни, как брат.

Двое пожилых джентльменов дождались, пока Пленмеллер подойдет, после чего майор спросил:

— Вы тоже в «Кедры»?

— Да. По-вашему, странно? Я собираюсь поиграть в крокет. Миссис Хасуэлл непременно предложит мне это, она так добра!

— Игра требует немало умения, — заметил Драйбек. — В последние годы она вышла из моды, а вот во времена моей молодости была очень популярна. Хотя, помнится, дедушка рассказывал, что, когда она только появилась, ее считали слишком бойкой и легко переключающейся на флирт. Забавно!

— Я не могу флиртовать с миссис Хасуэлл, годящейся мне в матери. С Мэвис — тоже: она сверкает глазами, зная, что даже самые ужасные речи я веду не всерьез. Кроме того, ее дядя усмотрел бы в этом поощрение ему самому. Не хватало, чтобы он повадился в мой дом! Я поклялся, что порога ему не переступить. Брат говорил то же самое мне, но он шутил. Наше с ним сходство было поверхностным.

— Ваш порог будет не единственным! — оживился майор. — Верно, Драйбек?

— Ошибаетесь, майор. Уорренби способен проникнуть в дом мистера Драйбека хитростью. Он разыграет припадок у его дверей или попросится к нему, чтобы прийти в себя после внезапного приступа головокружения, и вежливость помешает мистеру Драйбеку отказать ему. Вы, рожденные в прошлом веке, больше всего страдаете от своей воспитанности.

— Полагаю, — промолвил Драйбек ледяным тоном, — я не откажу в крове любому, кому понадобится помощь указанного вами характера.

— Когда это произойдет, вас не окажется дома, потому что страх показаться нам бездушным пересиливает у вас нежелание оказать малейшее содействие Уорренби?

— Перестаньте, Пленмеллер, это почти оскорбление! — воскликнул майор, испугавшись, что Драйбек обидится.

— Правда глаза колет? Не намекаете же вы, что вместе с мистером Драйбеком слишком долго жили в девятнадцатом веке и воображаете, что правда — это нечто неприличное и ее надо замалчивать? Вот что, на мой взгляд, оскорбительно!

Смушенный майор не нашелся с ответом. Драйбек усмехнулся и произнес:

— Вы уж меня простите, Пленмеллер, но правда в данном случае заключается в том, что присутствие среди нас Уорренби — пусть оно и не придает Торндену привлекательности — занимает меня меньше, чем вас. Жаль, что приходится отвлекаться на вырисованную вами трагическую картину, но честность вынуждает меня сознаться в полном безразличии к данной ситуации.

Майор опасливо покосился на Гэвина, подозревая, что тому хватит ума понять, что ненависть Драйбека

к соседу и сопернику по профессии стремительно разрастается. Но Гэвин лишь заметил:

— Достоянная уважения позиция! Я бы ее разделял, если бы она была мне по силам. Увы, для этого надо быть викторианцем.

— Все, довольно про викторианцев! — воскликнул майор. — А то в следующий раз вы причислите к ним и меня!

— Ну, нет, вы на это никогда не претендовали.

— А я, между прочим, не стыжусь принадлежности к этой категории, — заявил Драйбек.

— Еще не хватало! Сквайр тоже не стыдится. Как вы думаете, каким образом Уорренби проник в Олд-плейс? Эйнстейблы оказывают ему гостеприимство. Это удивительно: меня они, уверен, не принимали бы, не будь я Пленмеллером. Думаете, Сэмпсон Уорренби прибежит к каким-то дьявольским уловкам, чтобы принудить сквайра включить его в список приглашенных, или из Олд-плейс, с этих олимпийских высот, все мы кажемся равными? Невыносимое допущение!

Они уже достигли ворот «Кедров», и майор облегченно перевел дух.

Глава 2

Генри Хасуэлл, купивший поместье «Кедры» у сэра Джеймса Браверли, был одним из самых состоятельных жителей графства. Его дед основал в Беллингэме небольшое дело по торговле недвижимостью, преуспел и смог отправить своего наследника в скромную частную школу. Сам он такого образования не получил и относился к нему с благоговением, которое вскоре оправдалось: при его сыне дело быстро пошло в гору. Уильям Хасуэлл сделал фирму крупной и уважаемой, а сам превратился в городе в весомую фигуру. Он проник в обще-

ство, которое его отец считал для себя недостижимым, заключил выгодный брак и собственного сына отправил уже в Уинчестер, а затем в оксфордский Нью-колледж. Те, кто косо смотрел на Уильяма, полностью приняли Генри. Он водил знакомство с нужными людьми, хорошо одевался, придерживался правильных воззрений. Будучи простым человеком, не изображал презрения к делу, позволившему ему всего этого добиться. Вкладывал немало сил в его дальнейшее развитие, но находил время и на благотворительность, заседал в местном больничном совете и раз в неделю выезжал на охоту. Своего единственного сына отправил в Уинчестер и в Оксфорд не потому, что мечтал сделать его светским человеком, а просто считал это естественным. Он не воспротивился бы желанию Чарлза бросить торговлю недвижимостью ради какого-то более возвышенного занятия, но был бы втайне разочарован, если бы сын не пожелал продолжить семейную эстафету. Впрочем, Чарлз, родившийся во времена усыхающих капиталов и исчезающих социальных различий, подобных желаний не высказывал: он знал, что ему повезло подхватить крепкий бизнес, и гордился той высотой, на какую вознесся по праву рождения. Недавно его сделали полноправным партнером в фирме, а его мать уже говорила подругам, хотя и не очень убежденно, что ему пора подумать о женитьбе.

Генри Хасуэлл приобрел «Кедры», пребывавшие в плачевном состоянии, у последнего оставшегося на свете представителя очень старого знатного семейства графства. Такие люди, как Тэдиас Драйбек, с иронией и неудовольствием относились к тому, что он привел поместье в порядок и покончил со всеми ужасными анахронизмами (в том числе с оранжереей, а ее приходилось миновать, покидая гостиную, и с шоколадными

обоями в проходе и на лестнице), которыми уродовали дом Браверли. Теперь дом отличался сдержанным достоинством, обстановкой и садом, ставшим благодаря неустанным усилиям миссис Хасуэлл одним из чудеснейших во всем графстве.

Миновав ворота и направившись к дому, мужчины встретили миссис Хасуэлл, шагающую к теннисным кортам с ярко-розовым маком в руке.

— Как чудесно! — воскликнула она. — Теперь я смогу составить вторую четверку. Как поживаете, майор? А вы, Гэвин? Я как раз думала о вас, мистер Драйбек: вы правы, что не держите кошек! Не пойму, почему собак можно приучить сторониться цветочных клумб, а кошек — никогда? Вы только взгляните! Похоже, паршивака прямо разлеглась на бедном растении, вот жалость! Не возражаете пройти через дом? Я бы поставила бедный мак в воду.

Так, болтая в своей милой манере, она привела их в прохладный квадратный холл. Миссис Хасуэлл была полной седовласой дамой, одетой бесцветно, с пренебрежением к стилю. Глядя на нее саму, нельзя было даже заподозрить наличие вкуса, хотя она всю проявляла его в доме и в саду. Сунув вроде бы небрежно сломанный мак в вазу, где уже были цветы, она не нарушила симметрию. Затем повела гостей в залитую солнцем гостиную, откуда можно было выйти через стеклянную дверь в розарий.

— Конечно, эту дверь можно было бы заложить, — сказала миссис Хасуэлл, — но мне нравится выходить отсюда в сад, а с фасада она не видна. У Браверли здесь находилась, если помните, оранжерея.

— Одно из самых трепетных воспоминаний моего детства, — произнес Гэвин. — Я ностальгирую по ее теплу, по запахам, по колючей растительности. Все это я любил!

— Кактусы, — подсказала миссис Хасуэлл. — Дети всегда любят все самое ужасное. Помню, в какое отчаяние приводила меня трехлетняя Элизабет, обожавшая клумбу с лиловой геранью и синими лобелиями. Потом она, конечно, переросла свое пристрастие. Сейчас они с мужем переехали в дом в Челси. Надеюсь, там не сыро. Какие чудеса она творила с цветами на окнах! Чарлз и Абигейл Дирхэм играют против Линдейлов. Только что пришли викарий и Мэвис Уорренби, и теперь можно будет составить еще две соперничающие пары.

— Прекрасно! — обрадовался майор.

Драйбек промолчал. Он предвидел свою судьбу: его партнершей назначат Мэвис, потому что он играл лучше викария и майора. Эта перспектива вызывала у него уныние.

— Ваш муж не играет, миссис Хасуэлл? — спросил майор.

— К сожалению, нет. Генри пришлось отлучиться в Вудхолл.

К унынию Драйбека добавилась обида. Генри Хасуэлл был единственным в Торндене теннисистом, которого он считал равным себе, и Драйбек предвкушал партию с ним — как выяснилось, напрасно.

Они приблизились к двум кортам с твердым покрытием, устроенным по настоянию миссис Хасуэлл так, чтобы не портить своим видом сад, — на удалении от дома, под стеной, за которой бежала тропинка от северной, ведущей в Хоуксхэд, дороги мимо угодий сквайра на юг, к приступке, отделявшей ее от Фокс-лейн. В том месте тропинка, обогнув рожицу, относившуюся к «Кедрам», резко поворачивала на север, чтобы к югу от ворот усадьбы сомкнуться с Вуд-лейн. На тропинку вела дверца в стене поблизости от кортов. Через нее пришли на корты Линдейлы, жившие на дороге, связывавшей

Хоуксхэд с Беллингэмом. Той же самой калиткой воспользовались мисс Уорренби и мисс Дерхэм, не такие щепетильные, как Драйбек, предпочитавший парадный вход.

Когда миссис Хасуэлл привела на корты троих новых гостей, игра происходила только на одном. Хозяйский сын и племянница мисс Паттердейл весело и упорно состязались с молодой четой Линдейлов. Тем временем викарий, высокий костлявый мужчина с мягким выражением лица, высоким лбом и волосами с проседью, вел на скамейке за кортами ленивую беседу с Мэвис Уорренби.

— Представлять никого не нужно, — произнесла миссис Хасуэлл, улыбаясь всем гостям. — Спрашивать, как кто играет, тоже ни к чему, потому что никто не скажет правды. Думаю, Мэвис и мистер Драйбек будут одной парой, викарий и майор Миджхолм — другой.

— Я слишком плохо играю, чтобы быть парой мистера Драйбеку, — возразила Мэвис. — Я буду ужасно волноваться. Пусть лучше составится мужская четверка.

— Полагаю, вы прочите в четвертого не меня? — спросил Гэвин, смутив ее и взглядом знатока наблюдая результат.

— Мужчины смогут сразиться позднее, — промолвила миссис Хасуэлл. — Уверена, вы покажете класс, милочка. Жаль, что не пришел ваш дядя.

— Он просил его извинить, — сказала Мэвис, все еще краснея от смущения. — У него документы, которыми он должен заняться. Вообще-то мне тут не место.

— Что вы, милочка! Мы все очень вам рады.

Выражение лица мисс Уорренби сменилось на признательное.

— Я не люблю оставлять дядю одного за чаем. По субботам Глэдис работает полдня, и он остался в оди-

ночестве. Но дядя не разрешает мне оставаться и приглядывать за ним. Я собрала поднос, оставила на плите чайник и убежала развлекаться. Меня мучает чувство вины, потому что дяде не нравится заниматься подобным самостоятельно. Правда, он сказал, что не возражает в кои-то веки сам похозяйничать, и вот я здесь. Он так добр!

Ее светло-серые глаза с надеждой обвели собравшихся, но пример заботы Сэмпсона Уорренби о племяннице не вызвал комментариев ни у кого, кроме миссис Хасуэлл:

— Вашему дяде не повредит попить чаю в одиночестве. На вашем месте я бы за него не тревожилась.

Затем она вручила Драйбеку ящик с теннисными мячами, пригласила всех четверых игроков на корт, распахнув проволочные воротца, и уселась на садовую скамейку, предложив Гэвину устроиться с ней рядом.

— Жаль, миссис Клиберн задерживается, — вздохнула миссис Хасуэлл. — Будь она здесь, можно было бы составить смешанные пары, тогда получилось бы состязание на равных. Что ж, ничего не поделаешь. Я рада, что не пришел Сэмпсон Уорренби.

— Вы говорили, что огорчены.

— Только ради приличия. Пришлось его позвать, чтобы не обидеть. В тесном сообществе нельзя ни о ком забывать, иначе получится неудобно, так я сказала Генри.

— Вот, значит, зачем он пошел в Вудхолл? — спросил Гэвин, заинтересовавшись.

— Если бы я проигнорировала мистера Уорренби, — продолжила миссис Хасуэлл, пропустив мимо ушей его вопрос, — то пришлось бы поступить так же с Мэвис, а этого мне не хотелось.

— Лучше бы вы его проигнорировали!

— У нее безрадостная жизнь. — Миссис Хасуэлл упорно не замечала реплик собеседника. — Причем она никогда не скажет о нем дурного слова.

— Ни о нем, ни о ком-либо вообще. Я — другого поля ягода.

— Любопытно, почему задерживаются Эйнстейблы?

— Наверное, боятся, что Уорренби уже тут как тут.

— Я же говорила: в половине четвертого. Надеюсь, у Розамунды обойдется без приступа. Смотрите, молодежь уже завершила партию, а вторая пара еще только раскачивается. Мне хотелось выставить против мистера Драйбека сильных соперников! Ну как, милая? Кто выиграл?

— Дети! — доложил Кенелм Линдейл. — Нас с Делией попросту расстреляли.

— Вот лгун! — вмешалась Абигейл Дирхэм, швыряя в кресло ракетку и накидывая багровый кардиган. — Мы бы еще держались, если бы не возмутительное везение Чарлза.

— Полегче! — посоветовал хозяйский сын, подходя к столику, на котором теснились стаканы и различные напитки. — Просто блестяще продуманный удар! Что предпочитаете, Делия? Лимонад, оранжад, просто пиво, имбирное пиво, паршивый джин? Выбирайте!

Миссис Линдейл, сделав выбор, села рядом с хозяйкой дома и, кутаясь в наброшенное на плечи пальто, покосилась на наручные часы. Эта молодая светловолосая женщина была худа, профиль имела орлиный, взгляд ее глаз цвета голубого льда никогда ни на чем не задерживался. Она выглядела постоянно напряженной, казалось, что мысли убегают куда-то за горизонт. Ее муж отказался от карьеры биржевого брокера ради сомнительных перспектив фермерства, поэтому считалось, что у нее есть все основания для тревоги. Не так давно они

поселились на ферме Рашифорд к северу от Торндена, на хоуксхэдской дороге. Знатоки английского фермерства и сопряженных с ним опасностей гадали, как долго они там продержатся. Обоим нельзя было отказать в энергии, но им недоставало привычки к сельской жизни. Трудности Делии усугублялись хлопотами с годовалым ребенком, которого она с обожанием окружала заботой, казавшейся избыточной родителям старшего поколения, приученным к прозе жизни. Те, кто заметил ее интерес к времени на часах, знали, что он вызван тревогой о том, не забывает ли женщина, помогавшая ей по дому, выполнять подробные инструкции по уходу за ребенком и не надрывается ли ненаглядная Роза-Вероника плачем, оставшись в кроватке без присмотра. Эти опасения были не чужды и ее супругу: перехватив взгляд жены, он утешил и заодно подразнил ее улыбкой. Он был красивым брюнетом старше супруги на несколько лет, вспыльчивым и, как нередко бывает с людьми такого темперамента, часто смеялся. Карие глаза смотрели тепло, складка губ придавала лицу решительности. Они с Делией слыли любящей парой. Муж старался защищать ее, а она, изображая независимость, была так им поглощена, что в его присутствии почти никого вокруг не замечала.

Миссис Хасуэлл, видевшая, что Делия смотрит на часы, похлопала ее по руке и улыбнулась:

— Не беспокойтесь за малышку, дорогая! Уверена, миссис Мертон глаз с нее не спустит.

Делия зарделась и издала неуверенный смешок:

— Простите! Я не хотела... Так, привычка.

Абигейл Дирхэм, очаровательная девушка с копной каштановых волос и широко распахнутыми серыми глазами, взглянула на нее с интересом, который проявляла к любому, кто оказывался с ней рядом.

— У вас ребенок? — спросила она.

— Да, девочка. Но я о ней не беспокоюсь, то есть я...

— Вы сами за ней смотрите? Это не очень хлопотно?

— Что вы, ничуть! Конечно, от нее не отойдешь, но мне это нравится.

— Тогда заводите следующего, — посоветовала миссис Хасуэлл.

— Мне кажется, ребенок — такое удовольствие! — заявила Абби с серьезным, задумчивым видом. — Однако не хотелось бы быть скованной по рукам и ногам.

— От этого никуда не деться. Ваш старый писака скрывает вас еще больше, вы же не возражаете! — вмешался Чарлз.

— Это разные вещи. У меня строго определенная продолжительность рабочего дня.

— Держи карман шире! — отмахнулся Чарлз. — Вечно вы задерживаетесь на час, если не больше, потому что он, видите ли, добрался до середины главы или ему вздумалось поручить вам подготовку к его новому безумному приему.

Его мать, не выдавая того обстоятельства, что ей открыли глаза, объяснила:

— Абби — секретарь Джеффри Силлофа. Правда, интересно, Делия?

— Вот так новость! — воскликнул Кенелм. — Расскажите нам про него!

— Ужасно милый! — радостно ответила Абби. — Уехал на две недели в Антиб, и я наслаждаюсь отпуском.

Миссис Хасуэлл, привычная к речам молодежи, стоически перенесла столь небрежный отзыв о выдающемся литераторе. Чарлз и Линдейлы проявили полное понимание в отличие от Гэвина Пленмеллера, с трудом сдержавшего тошноту и вкрадчиво попросившего объяснить, в каком это смысле Силлоф — милый.

— А вот и миссис Клиберн со сквайром! — объявила миссис Хасуэлл и встала, приветствуя вовремя подошедших гостей. — Как мило, Эдит! Бернард, разве Розамунда не придет?

Сквайр, коренастый мужчина, выглядевший старше своих шестидесяти лет, ответил, пожимая руки:

— Снова жалобы на головную боль. Передает через меня извинения и обещает быть к чаю. Вряд ли на это стоит надеяться, но я на всякий случай оставил для нее машину.

— Жаль! Вы ведь знакомы с миссис Линдейл и ее мужем?

— Да, конечно. Рад вас видеть, миссис Линдейл! И вас, Линдейл. — Он перевел взгляд глубоко посаженных глаз на теннисные корты. — Уорренби нет? Тем лучше, можно обсудить историю с Речным комитетом. Где Генри, Аделаида?

— Надеюсь, он появится до вашего ухода, — сказала миссис Хасуэлл. — Хотя если речь пойдет об этой утомительной истории, то лучше уж... Впрочем, это не мое дело, обсуждайте с Генри. По мне, хлопот полно, а толку ноль.

— Очень хочется избежать неприятностей, — вступила в разговор миссис Клиберн. — Конечно, нас это тоже не касается, но, сдастся мне, было бы нехорошо поручать этот новый Речной комитет кому-либо, кроме Драйбека. Он ведь всегда занимался комитетом по дренажу. Иначе он обидится, особенно если вместо него назначат Уорренби. Впрочем, я не должна высказывать своего мнения.

— Ну-ну, невелика важность! — усмехнулся сквайр. — Послушаем, что скажет Хасуэлл.

— Отец не поддержит Уорренби, сэр, — вставил Чарлз. — Начнем с того, что он не обидит Драйбека.

— Чарлз! — одернула сына мать, предостерегающе указывая взглядом на корт.

— Во-первых, мама, оттуда не слышно. А во-вторых, он постоянно ставит Уорренби на место. Тот буквально во все здесь сует свой нос!

— В этом ваш отец не одинок, — вмешался Гэвин. — Я тоже выступлю против Уорренби. Не сомневаюсь, Уолтер поступил бы так же: он всегда всем мешал.

Сквайр бросил на него хмурый взгляд, но промолчал. Кенелм Линдейл, закурив и аккуратно воткнув спичку в землю, произнес:

— Я бы тоже постарался не обижать Драйбека, но, по правде говоря, ничего не знаю об этом Речном комитете.

— А ведь вы — владелец участка речного берега! — удивился Чарлз. — В свое время здесь бушевал комитет по дренажу речки Раши и еще один — по речке Крейл, которая...

— Да ладно вам! — с улыбкой прервал его Кенелм. — Я знаю, где протекает Крейл. Мне также известно, что два прежних комитета по дренажу слились в единый комитет по речным делам. Я интересуюсь той половиной комитета, что занимается Крейлом. У нее есть кандидат на юридического представителя?

— Человек, защищавший их интересы, ушел на пенсию, — сообщил сквайр. — Советую ознакомиться с почтой. Если хотите, я вам ее продемонстрирую. Хотя нет, я уже отправил ее вам, Гэвин. Лучше верните!

Он отвернулся и завел разговор с хозяйкой дома. Вскоре составились новые пары теннисистов: сквайр и миссис Клиберн сменили Чарлза и Абигейл, отправившихся вместе с Гэвином и миссис Хасуэлл играть в легкомысленный «безумный крокет». Чарлз утверждал, что это единственная понятная ему версия крокета.

Чай подали под вязом на восточной лужайке. Теннисисты присоединились к остальным, доиграв свои партии, и стали расхваливать достоинства миссис Хасуэлл как хозяйки, так удачно приготовившей для них кофе со льдом.

Примерно в половине шестого к компании присоединилась миссис Эйнстейбл, оставившая машину на подъездной дорожке и появившаяся на восточной лужайке из-под увитой розами арки. Миссис Хасуэлл встала и поспешила ей навстречу.

— Прощу прощения! — воскликнула гостя. — Не отказывайте мне в чае по причине опоздания, а то я заплачу! Чай не слишком горячий? Какой очаровательный сад! Нас замучила тля.

— Дорогая, у вас нездоровый вид, вам показан постельный режим! — Миссис Хасуэлл, держа ее за руку, внимательно к ней пригляделась. — Вы уверены, что здоровы?

— Да! Просто мой обычный приступ мигрени. Сейчас мне уже легче. И довольно об этом: Бернард так за меня волнуется!

Ее слова подтвердились: сквайр поспешил к ним и впился взглядом в лицо жены.

— Дорогая, тебе лучше? Я надеялся, что ты уснешь.

— Так и было, Бернард, я поспала, и это так мне помогло, что я не смогла пропустить прием у Аделаиды. Прощу тебя, дорогой, успокойся, со мной все хорошо!

Он молча покачал головой. Миссис Хасуэлл не слишком благосклонно отнеслась к его тревоге. Розамунда Эйнстейбл, пусть и была моложе его на десяток лет и не имела никаких серьезных недугов, никогда не могла похвастаться крепким здоровьем. Она отличалась хрупким сложением, любое физическое усилие лишало ее сил, а главное, мучили сильные головные боли, заставляв-

шие многочисленных врачей беспомощно разводять руками. Розамунда уже отчаялась выявить их причину и с усмешкой повторяла, что изрядно потратилась на то, чтобы подняться вверх по Харли-стрит, и теперь осталась без сил и без средств, чтобы спуститься. Она, что называется, жила на нервах, не способных напрягаться. У нее за плечами остались две войны, причем в Первой мировой она тысячу раз стояла на краю могилы, зная, что в любой вручаемой ей телеграмме могло сообщаться о гибели ее мужа в бою, а Вторая мировая война лишила ее единственного сына. Друзья пророчили, что она не оправится от этого удара, но ошиблись: Розамунда посвятила себя поддержке и убожению сквайра, чья гордость и надежда остались где-то в пустыне Северной Африки. Казалось бы, после смерти наследника они оба должны были отказаться от борьбы за выживание поместья, обедневшего из-за финансовых тягот одной войны и почти обанкротившегося из-за следующей. Однако, как повторял со значением своим знакомым юридический консультант сквайра Тэддиас Драйбек, происхождение давало о себе знать, так что сквайр продолжал планировать и изобретать, будто готовился передать поместье обожаемому сыну, а не племяннику, которого плохо знал и совсем не любил.

Миссис Хасуэлл, усадив подругу в удобное кресло и подав ей чай, который был для страждущей лучшим лекарством, вспомнила о такте и перестала намекать бедной Розамунде, что это не лучший ее день. Впрочем, напоминания были излишни: глаза бедняжки болезненно блестели, худые щеки заливал лихорадочный румянец, искусственную веселость ее фальцета было трудно вынести. Хотелось надеяться, что сквайр всего этого не заметит. О его наблюдательности оставалось лишь

гадать: традиция и темперамент требовали от него умения скрывать чувства.

Когда была съедена вся клубника и выпит кофе со льдом, викарий решил проблему, смущавшую миссис Хасуэлл. Он заявил, что горячее желание продолжить героические труды по зову долга влечет его с пасторским визитом к захворавшему прихожанину. Численность теннисистов составила после этого девять душ на два корта, и, как шепотом сказал Кенелму Линдейлу Гэвин Пленмеллер, мисс Уорренби наверняка предпочтет роль наблюдателя. Он не ошибся, но, судя по выражению его лица, не предвидел, что последует сразу за этим актом самоотречения. После преодоления ее вежливого сопротивления миссис Хасуэлл заявила:

— Раз так, вам придется посидеть с Гэвином. Дорогая Розамунда, я отведу вас в дом: здесь жарковато, для вас лучше тень.

— Слышите? — тихо обратился Гэвин к Кенелму. — Настало время быстро шевелить мозгами. Никто из вас, так соболезнующих моему дефекту, не имеет понятия об ужасных мучениях, которым я подвергаюсь. Я не вынесу общества этой скорбной девицы. Как мне поступить?

— Никак! — улыбнулся Кенелм.

— Вы плохо меня знаете.

Как Кенелм ни смеялся, вскоре ему пришлось убедиться, что он недооценил изобретательность Пленмеллера и понятия не имел о безжалостности, какую способен проявить этот человек, замыслив бегство. Выяснилось, что тот, жертва собственной назойливости, теперь вынужден отлучиться за перепиской по вопросам Речного комитета. Стало понятно, почему Гэвин не пользуется популярностью среди соседей.

— Уверена, без этого можно обойтись! — вскричала Мэвис, с упреком глядя на Кенелма.

— Ничего не поделывать, надо! Видели бы вы, как недоволен мной сквайр! Он осуждает меня за то, что я забыл вернуть ему эти бумаги, а меня терзает предчувствие, что я и в следующий раз про них забуду.

— Вам не обязательно уходить ради меня, — сердито сказал Кенелм.

— Я делаю это ради самого себя, — возразил Гэвин. — Бездействие обеспечит мне бессонную ночь. Я редко довожу что-либо до конца и все же не страдаю бессонницей, но мисс Уорренби часто говорит мне о действительности данного правила.

— Да, но такой дальний путь — ради каких-то бумажек? Почему не послать за ними кого-нибудь? — изумилась Мэвис. — Я бы сама охотно сходилась, только не уверена, что найду их.

Кенелм, догадывавшийся, что насмешливое упоминание Гэвином своей хромоты скрывало его ненависть к этому недостатку, не удивился, когда эта благонамеренная бестактность натолкнулась на заслуженную отповедь.

— Я далеко живу? Я считал, что это всего полмили. Или, по-вашему, это далековато для таких коротких ножек, как у меня? Разрешите мне вас успокоить. Это рядом, рукой подать. Вас ввела в заблуждение моя нескладность. — Он отвернулся и, хромя, направился к хозяйке дома.

— Иногда он бывает обидчивым! — вздохнула Мэвис.

— Он же сказал вам: никаких обид! — бросил Кенелм.

Она оставилась на него:

— Правда, он очень отважный? Люди не понимают, как тяжело ему приходится, и не делают для него скидок.

Кенелм уловил в ее словах упрек в бесчувственности и с облегчением поторопился на зов миссис Хасуэлл.

Глава 3

Когда Гэвин снова подходил к воротам «Кедров», стрелка часов уже миновала половину седьмого и компания начала расходиться. Первой удалилась миссис Эйнштейбл, укатив в одиночестве в своем выдавшем виды «Остине». Рассеянно выполняя поворот, чуть не сбילה Гэвина.

— Простите! — крикнула она, затормозив. — Я вас не напугала?

— Еще как! Я уже прощался с жизнью, — отозвался он, выходя из кустов, куда шархнулся, и приближаясь к машине. — Покуситься на калеку! Как вы могли?

— Не болтайте глупости, никакой вы не калека. Вы заслужили внушение за свое недопустимое поведение. Учтите, вы никого не сумели обмануть: ясно, что вас не устроило общество Мэвис Уорренби. Согласна, с ней скучно. Не пойму, почему хорошие люди так часто бывают занудами? Что вам мешало заранее сделать вид, будто вам нужно побыстрее домой, и просто уйти?

— Это выглядело бы как пренебрежение остальным обществом.

— Все лучше, чем выдумка насчет бумажек, не нужных никому, включая Бернарда, — ядовито возразила миссис Эйнштейбл.

— Ошибаетесь. Позвольте, я передам с вами доказательство своей искренности. — Гэвин вытянул из внутреннего кармана длинный пухлый конверт и подал ей, улыбаясь. — Сквайр все еще сражается в теннис?

— Да. Я не стала ждать его. Он будет возвращаться другой дорогой, чтобы по пути осмотреть новые посадки. Это так глупо! Только устанет. Невыносимая жара!

— Разве? Не заметил. Вы хорошо себя чувствуете, миссис Эйнштейбл? Может, вам не следует ехать одной?

— Благодарю вас, все хорошо. Или это намек, что неплохо было бы вас подвезти?

— Нет, мне было бы страшновато.

— Опять эти ваши глупости! — усмехнулась она и резко включила передачу.

Гэвин проводил взглядом машину, вылетевшую из ворот, и вернулся к компании.

После завершения очередной партии Делия Линдейл, игравшая в ней, простилась с хозяйкой дома. Розу-Викторию пора было укладывать спать, и миссис Хасуэлл не стала ее задерживать. Муж помахал ей рукой с соседнего корта, и она заторопилась по тропинке домой.

— Мне тоже пора, — сказала Абби.

— Я вас отвезу, — предложил Чарлз.

— Не нужно, я могу и пешком.

— Можете, более того, у вас это прекрасно выйдет. Но лучше не надо.

Она рассмеялась:

— Вот болван! Нет, правда, зачем заводить машину ради такой короткой поездки?

— Этого у меня и в мыслях не было. Я делаю это для мистера Драйбека.

— Очень любезно с вашей стороны, мой милый мальчик! — оживился Драйбек. — Не стану отвергать столь великодушное предложение. Последняя партия была самой удачной!

— Раз вы взялись подбросить домой Абби и мистера Драйбека, то захватите и майора, — заявила миссис Хасуэлл. — Не возражаете, если мы дождемся конца второй игры? Мэвис, я попрошу вас и миссис Клиберн помочь мне с призами для матча по висту. Они должны быть готовы к понедельнику, а мы пока не решили, сколько на них израсходовать. Это не займет много вре-

мени. Как я вижу, теннис закончился! Кто выиграл? Силы были как будто равны?

— Было хорошо, но монотонно, — произнес сквайр, вытирая лицо и шею. — Нам с Миджхолмом удалось победить, но мы буквально вырвали победу. Я уже не так молод, как прежде. Вы вернулись, Пленмеллер? Я думал, вы ушли.

— Откуда такие мысли, сэр? Я принес письма, залежавшиеся у меня на столе. Мне нет прощения: я не усмотрел в них интереса.

Сквайр уставился на него из-под мохнатых бровей и с кряхтением сказал:

— Бегать ради них не следовало бы, однако я вам признателен. Где они?

— Я отдал конверт миссис Эйнстейбл.

— Обидно. Линдейл мог бы забрать их домой и изучить. Если нам по пути, я поеду с вами, Линдейл.

— Не получится, сэр. Мы пришли пешком. Я уйду по тропинке.

— Ладно, я тоже. Хочу взглянуть на новые посадки. Мои земли простираются до тропинки позади этой усадьбы.

— Никто не уходит, сначала напитки! — напомнила гостеприимная миссис Хасуэлл.

— С меня довольно, благодарю, — отозвался Драйбек. — Не хочу торопить водителя, просто обещал экономке не задерживаться. В субботу вечером она ходит в Беллингэме в кино, поэтому я завел правило ужинать рано, чтобы отпустить ее.

— Мне тоже пора пошевеливаться, — проговорил майор, посмотрев на часы.

— Не надо мне было возвращаться, — вздохнул Гэвин, поставив пустой стакан. — Сдается мне, я непо-

пулярен. Теперь понятно, что я должен был преподнести эти бумаги сквайру, преклонив колено, вместо того чтобы сунуть их его жене. Во всем виновато мое ущербное воспитание!

— Если хотите, я и вас подвезу, только придется потесниться. Ничего, я разберусь, — сказал Чарлз, не обращая внимания на его болтовню.

— Нет, побреду домой в одиночестве, жалкий и никому не нужный. Прощайте, миссис Хасуэлл, я так вам благодарен! Я получил огромное удовольствие.

Он дошел с остальными до машины и проводил ее взглядом.

— Куда это годится? Может, его тоже надо было захватить? — спросила Абби, сидевшая в спортивном автомобиле рядом с Чарлзом. — Ему не больно идти?

— Какое там! — отмахнулся Чарлз. — Гэвин способен преодолеть так не одну милю. Вот игра — не для него.

— Наверное, тяжело переживает свой дефект?

— Ну, не знаю... Он всегда был таким. По-моему, пользуется этим. Например, моя мать жалеет его и думает, что ему положено снисхождение. Отсюда и грубость Гэвина.

— На мой взгляд, уйти и бросить Мэвис — это перебор, — заметила Абби.

— Типичный Пленмеллер! Игра на публику. Уолтер Пленмеллер тоже был ужасным типом, хотя там сыграло роль ранение на войне. Скажите, сэр, — обратился Чарлз к Драйбеку, — все Пленмеллеры были такими несносными, как Уолтер и Гэвин?

— Я не был знаком со всеми, — ответил Драйбек. — Все-таки их семейство живет в нашем графстве уже целых пять столетий!

— Наверное, в этом все дело, — усмехнулся Чарлз. — Упадок рода!

— Смерть Уолтера Пленмеллера — такая трагедия! — воскликнул майор. — Самое сильное потрясение в моей жизни. Гэвин мне не нравится, но я жалел его. Ясно, бедняга Уолтер был не в своем уме, но Гэвину от этого не легче.

— Он, кажется, покончил с собой? — спросила Абби. — Тетя Мириам не склонна об этом распространяться. Что на самом деле произошло?

— Уолтер отравился газом. Оставил Гэвину письмо, в котором, в сущности, утверждал, что тот его до этого довел, — ответил скороговоркой Чарлз, сворачивая на Хай-стрит. — Это, конечно, чушь: он страдал невыносимыми мигренями, в конце концов они его сгубили.

— Высадите меня на перекрестке, Чарлз, — попросил майор, хлопая водителя по плечу.

— Уверены, сэр? — уточнил тот, притормаживая.

— Да. Спасибо, что подвезли! — Машина остановилась. — До свидания, мисс Дирхэм. Надеюсь, мы еще успеем сыграть до вашего отъезда. До свидания, Драйбек. Пока, Чарлз!

Майор двинулся в направлении «Ультима Фула», но свернул, не доходя, на Триндейл-роуд. Через несколько сот ярдов Чарлз опять затормозил, чтобы высадить Драйбека, после чего покатыл к Фокс-лейн.

— Заходите, что-нибудь выпьем, — предложила Абби. — Тетя Мириам обрадуется. Сама она никогда ничего не пьет, но убеждена, что я не живу без джина, и всегда им запасается, когда я ее навещаю. До чего она милая! Большинство тетушек категорически против коктейлей, они только твердят: «С тебя, конечно, достаточно?» От нее такого не услышишь. Она так усердно подливает, что ее саму можно принять за пьянчугу.

— Уговорили, — кивнул Чарлз, выпрямляясь и захлопывая дверцу. — Зачем, думаете, я вас повез?

— Я решила не спрашивать.

— Я бы все равно не сознался. Я уже много лет безответно влюблен в вашу тетку Мириам. К тому же она и моя тетушка.

— А вот и нет!

— Спросите ее саму. Она приглядела меня еще ребенком. — Чарлз открыл калитку и шагнул в маленький аккуратный садик. К нему радостно бросился толстый черный лабрадор, и он стал с удовольствием гладить пса. — Видите? Даже Рекс знает, что я здесь желанный гость, а ведь он — существо невеликого ума. Уйди, старый дурень, ты перегородил мне путь!

— Дело в том, что пес особо не разбирается, — с чувством возразила Абби. — Рад любому бродяге.

Она подняла голову, чтобы проверить, как Чарлз отнесся к ее дерзости. Он смотрел на нее с улыбкой — и, кажется, не только...

— Неужели?

— Рекс очень дружелюбный, — пролепетала она, чувствуя, что краснеет. — Вот и тетя Мириам, машет рукой нам из окна. Идемте!

Чарлз пошел следом за ней в коттедж.

Мисс Паттердейл, пребывавшая в счастливом неведении о том, в какой неудачный момент напомнила о себе, поприветствовала их кивком.

— Хорошо провела время? — обратилась она к Абби.

— Замечательно!

— Что еще ей говорить? — усмехнулся Чарлз. — Она ведь была в гостях у меня.

— Вряд ли это помешало бы ей сказать правду. Джину? — предложила мисс Паттердейл, подтверждая характеристику, данную ей племянницей. — Смешаешь сам: я купила все, что принято подмешивать в джин. Надеюсь, меня не обманули.

Чарлз оглядел ряд бутылок на кухонном столе.

— Тут есть все на любой вкус. Вы молодец, тетя Мириам. Будем пробовать!

— Что это? — удивилась Абби, принимая из его рук стакан и опасливо снимая пробу.

— Открытие века! И стаканчик более-менее чистого оранжада для тети Мириам. — Чарлз сунул мисс Паттердейл стакан и кое-как разместился рядом с ней на тесном диванчике.

— Ты ничего в него не подмешал? — спросила с подозрением мисс Паттердейл.

— Разумеется, нет! За кого вы меня принимаете?

Мисс Паттердейл окинула его суровым, но любящим взглядом.

— Ты был одним из самых отчаянных сорванцов, каких я только встречала.

— Это было до того, как я попал под ваше влияние. Вы — лучшая тетушка на свете!

— Ладно тебе! Кто был у вас в гостях? Кроме Тэдиаса Драйбека и майора?

— Все-все, кроме вас и Нашей Флоры. Это был успех светского сезона! Майор сообщил, что Наша Флора вот-вот оценится. Шучу! Хотя она так похожа на Ультиму, что я бы не удивился.

— Уллапула, — подсказала мисс Паттердейл. — Я встретила Флору на выгоне, она все мне рассказала.

— Уллапула! — почтительно повторил Чарлз. — Первый раз слышу, но уже одобряю.

— Все равно Ультима Аплифт лучше, — возразила Абби. — Мое любимое имя!

— Даже лучше Умбреллы? — недоверчиво спросил Чарлз, после чего развернулась дискуссия о сравнительных достоинствах абсурдных кличек, которыми награждала своих пекинесов миссис Миджхолм.

Мисс Паттердейл, приняв участие в споре, заявила в своей язвительной манере:

— Вы оба ошибаетесь. Ультима Урф обскакала все клички.

— Ультима что?

— Урф, самая мелкая в помете. Она околела.

— Не понимаю!

— Так называют чахлое потомство, — объяснила мисс Паттердейл. — Клички как клички, вот только, крича на всю улицу: «Урф! Урф! Урф!», чувствуешь себя глупо. Мне, по крайней мере, было бы стыдно. Но у меня нет права насмеяться над Флорой, более нелепые клички для коз, чем Розалинда и Селия, еще надо поискать. Не иначе, у меня случилось помутнение рассудка. Сегодня Селия отвязалась и заблудилась. Я пошла ее искать и встретила Флору. Она гоняла по выгону своих собачек.

— Уллапула уже ошенилась? — поинтересовалась Абби. — Вот бы полюбоваться ее щенятами!

— Придется подождать недели две-три. Флора считает, что роды начнутся не раньше завтрашнего дня. Но на приеме ее не было не из-за собак, просто она не хочет встречаться с мистером Уорренби. У них произошла страшная ссора. Он пинком согнал Улисса со своей цветочной клумбы!

— Вот животное! — ахнула Абби.

— Я тоже против, — поддакнул Чарлз. — Надо нанести ей визит соболезнования. Я симпатизирую Улиссу, достойный песик. Еще «Особого Коктейля Хасуэлла», Абби?

Она с готовностью подставила стакан.

— Благодарю. Уорренби тоже не пришел, — сообщила Абби тетке. — Заработался! То-то Мэвис повторяла про бедного дядюшку, самостоятельно наливающего себе чай!

— Ничего, ему полезно! — усмехнулась мисс Паттердейл. — Если у Мэвис есть хоть чуть-чуть здравомыслия... Чем дольше живу, тем больше убеждаюсь, что от людей, жертвующих собой, в мире одно зло.

Чарлз поперхнулся своим «Особым Коктейлем». Абби, глядя на тетку со смесью возмущения и обожания, заметила:

— Кто бы говорил!

— Хочешь сказать, что я тоже жертвую собой? Вот уж нет!

— Тетя Мириам! Вы всю жизнь трудитесь ради бедных и немощных, только и думаете, что о благотворительности...

— Это не самопожертвование. Просто я — дочь приходского священника и приобрела эту привычку с детства. Кстати, мне нравится. Когда я говорю о стремящихся к самопожертвованию, то имею в виду таких, как Мэвис, превращающих себя в половую тряпку, отказывающихся от всего, что им мило, ради прихотей отпетых эгоистов вроде Сэмпсона Уорренби. Они мнят это добродетелью, но какая же это добродетель? Взять Сэмпсона Уорренби. Если бы ему не позволялось тиранить Мэвис, то он вел бы себя гораздо приличнее и вызывал бы больше симпатии.

— Не исключено, — пожал плечами Чарлз. — Хотя лично мне он еще неприятнее, когда старается произвести хорошее впечатление, чем когда воображает себя небожителем. Послушали бы вы рассказы моего отца о его проделках на городском совете! Уорренби прямая дорога в кукловоды, поскольку он обожает дергать за веревочки и заставлять всех плясать под свою дудку. Удивительное самомнение!

— И жажда власти, — добавила Абби. — Полагаю, мой милый старикашка проявит интерес к столь незаурядному персонажу.

— Наверное, я старомодна, — промолвила мисс Паттердейл, — но вряд ли тебе следует звать Джеффри Силлофа «милым старикашкой», что бы под этим ни подразумевалось.

— Что поделать, если он действительно сущий ангел? Прямо как вы! Подразумевается неземное добродушие и вообще все самое похвальное!

— Не имела чести быть представленной мистериу Силлофу, но про себя знаю все. Ничего неземного! А вот в отсутствии сходства с козой я не так уверена... — добавила мисс Паттердейл. — Не с Селией, с Розалиндой.

Этот самокритичный автопортрет встретил такую бурную реакцию, что мисс Паттердейл, сохраняя обычную резкость, не могла не зардеться от удовольствия. Когда молодые поклонники убедили ее (как надеялись они сами), что между ней и существом, называть которое домашней любимицей было бы непростительным прегрешением, нет ни малейшего сходства, пришло время выпить еще, поэтому Чарлз встал и занялся приготовлением напитков. Но взять у него полный стакан Абби помешал скрип калитки. Оглянувшись, она увидела через открытую оконную створку Мэвис Уорренби, спешившую, спотыкаясь, по дорожке. Она задыхалась, прижимала руку к груди, весь ее вид свидетельствовал о крайней степени волнения.

— Господи, это Мэвис! — воскликнула Абби. — Что-то случилось!

Дверь в Фокс-коттедж была гостеприимно распахнута, но мисс Уорренби даже при крайней надобности не могла себе позволить ворваться в чужой дом без приглашения. Раздался неуверенный стук и слезливый голос:

— Мисс Паттердейл! О, мисс Паттердейл!

Чарлз, стоявший у кухонного стола с бутылкой джина в руке, вопросительно покосился на хозяйку дома, после чего поставил бутылку и вышел навстречу госте.

— Привет! Что стряслось?

Мэвис, в измождении привалившаяся к дверному косяку, сбивчиво забормотала:

— Я не... Я не знаю, что делать! Мисс Паттердейл... Я не знаю, как быть!

— Да в чем дело-то? — прикрикнула на нее мисс Паттердейл, тоже вышедшая в узкий коридорчик. — Входи! Боже всемогущий, ты больна, деточка?

— Нет-нет! Какой ужас! — выдавила Мэвис, стуча зубами.

— Держитесь! — Видя, что она готова сползти по стене, Чарлз обхватил ее за талию. — Что вас так напугало?

— Веди ее в гостиную! — распорядилась мисс Паттердейл. — Абби, принеси из моей аптечки нюхательную соль. А ты, Мэвис, садись и успокойся. Объясни, что случилось.

— Я всю дорогу бежала... — залепетала Мэвис. — Ничего, сейчас отдышусь... Я не знала, как поступить. Вот и примчалась к вам — только это и пришло мне в голову. Меня так затошнило! Ой, мисс Паттердейл, сейчас меня, кажется, вырвет!

— Ничего подобного, — возразила мисс Паттердейл. — Клади ее на диван, Чарлз! Спокойно, Мэвис, ничего не говори, сначала восстанови дыхание. Неудивительно, что тебе нехорошо, бежать в такую жару до самого Фокс-Хауса! Правильно, Мэвис, теперь добавь немного воды. Держи, деточка! Выпей это, и тебе полегчает.

Мисс Уорренби проглотила снадобье, содрогнулась и разревелась.

— Немедленно прекрати! — скомандовала мисс Паттердейл, распознав признаки истерики. — Нет! Пока ты всхлипываешь, как последняя дуручка, даже не пытайся объяснить что да как: все равно я ни слова не разберу. Приди в себя!

Это жесткое обращение подействовало. Мэвис взяла предложенный платок, вытерла лицо, еще повсхлипывала, пошмыгала носом и наконец обрела дар относительно членораздельной речи.

— Дядя, — выдавила она. — Я не знала, что делать. Чуть в обморок не упала от ужаса. Бежать к вам, мисс Паттердейл, — вот единственное, на что у меня хватило ума.

— Что случилось? — спросила мисс Паттердейл.

— Бедный дядя! Я знала, что нельзя оставлять его одного! Никогда себе этого не прощу!

— Послушайте! — вмешался Чарлз, уставший от восклицаний Мэвис, не прояснявших ситуацию. — Ответьте, что случилось с вашим дядей?

Мэвис уставилась на него расширенными глазами.

— Думаю... Думаю, он мертв! — выпалила она, вся дрожа.

— Мертв? У него удар, еще что-нибудь?

Мэвис опять расплакалась:

— Нет-нет! Гораздо, гораздо хуже. Его застрелили!

— Боже всемогущий! — тихо проговорил Чарлз.

— Слушай внимательно, девочка моя! — проговорила мисс Паттердейл. — Ты сказала, что думаешь, будто он мертв. Не помчалась же ты сюда, бросив несчастного одного и не убедившись, что ему уже ничем не помочь?

Мэвис закрыла лицо ладонями.

— Я знаю, что он умер. Я думала, он спит, а это на него совсем не похоже. Подхожу к нему и вижу...

— Что именно? Да соберись ты!

— Простите. Это стало для меня шоком. Вот здесь у него... — Мэвис дотронулась до своего левого виска. — Там зияла дыра! О, не спрашивайте! Я слышала, слышала... Но в тот момент не сообразила, что это. На подходе к дому услышала выстрел. Я подпрыгнула, до того близко хлопнуло, но решила, что кто-то отстреливает кроликов — что еще должно было прийти мне в голову? А потом вижу дядю в садовом кресле под дубом...

— Боже! — не выдержала Абби. — Кто это сделал? Ты кого-нибудь заметила?

Мэвис, вытирая слезы, покачала головой.

— В саду никто не прятался? Раз ты шла по дорожке, у него не было другого пути для бегства, верно?

Мэвис ошеломленно уставилась на нее:

— Не знаю. Я была так потрясена, что могла думать только об одном: бедный дядя мертв!

— Неужели ты никого не заметила? — не унималась Абби. — Это же произошло почти при тебе. Тот, кто это совершил, не мог убежать — во всяком случае, далеко.

— Наверное. Только я об этом не думала. Все мои мысли были о дяде.

— Ладно, ладно, — промолвил Чарлз. — Это естественно. Но что вы сделали потом, поняв, что он мертв?

Мэвис откинула со лба прядь волос.

— Даже не знаю... Несколько минут я провела в оцепенении. Мне казалось, что это просто невозможно! Ноги тряслись, я чуть не падала, голова кружилась. Я добралась до дома, и там меня все-таки стошнило...

— Я не об этом, — сказал Чарлз, сдерживая нетерпение. — Вы позвонили в полицию? Врачу?

Она заморгала.

— Ой, нет! Я знала, что вызывать врача бессмысленно. А про полицию не подумала. Разве это необходимо?

Не будет ли только хуже? Дядя бы не одобрил: дознание, болтовню...

— О, боги! — воскликнула мисс Паттердейл. — Ты совсем безмозглая, Мэвис? Ты же отлично знаешь, что у меня нет телефона, однако бежишь сюда, даже не... Нет уж, хватит слез! Ты куда, Чарлз?

— В Фокс-Хаус, куда же еще? Позвоню оттуда в полицейский участок и дождусь их приезда.

— Самое правильное решение, — одобрила она. — Я с тобой.

— Лучше не надо, тетя Мириам!

— Вздор! Вдруг мы сможем что-то сделать для бедняги? Ты же не боишься, что я хлопнусь в обморок?

— Отпустите меня с Чарлзом, тетя Мириам! — взмолилась Абби. — Я изучала первую помощь, так что...

— И не подумаю! Ты останешься здесь, присмотришь за Мэвис.

— Я не смогу... У вас это получится гораздо лучше. Пожалуйста, отпустите меня с Чарлзом! — канючила Абби, следуя за ними через сад.

— Ни в коем случае! — крикнул Чарлз, отменяя все споры. — Садитесь, тетя Мириам!

Он захлопнул за ней дверцу машины, прыгнул за руль и завел мотор. Когда автомобиль рванулся вперед, Чарлз заметил:

— Эта плакса оставит позади всех безголовых мокрых куриц! Грудной младенец — и тот сообразил бы вызвать полицию! Редкостная глупость! Как по-вашему, тетя Мириам, что там произошло?

— Понятия не имею. Первая мысль — кто-то стрелял по кроликам. Я ничуть не удивлена. Всегда считала опасной эту забаву на общинной земле.

Расстояние между Фокс-коттеджем и Фокс-Хаусом было так мало, что они и глазом моргнуть не успели,

как достигли цели. Дом стоял в глубине участка, отделенного от дорожки низкой живой изгородью. Вместо подъездной аллеи позади сада была сделана квадратная гравийная площадка, с нее Уорренби заезжал в новый гараж, пристроенный к дому. Чарлз затормозил у приступки в изгороди, от которой к двери дома вела тропинка, и заглушил мотор. Минута — и они с мисс Паттердейл, вбежав в сад, склонились над безжизненным телом Сэмпсона Уорренби, принявшего смерть в садовом кресле под дубом, стоявшим перпендикулярно к дорожке за изгородью.

На Уорренби, толстом коротышке, были мешковатые штаны, куртка из шерсти альпаки, шлепанцы из марокканской кожи. Голова упала на грудь, одна рука безжизненно свисала с подлокотника.

— Кто был его врачом? — отрывисто спросил Чарлз.

— Доктор Уоркоп. Но он здесь бессилен.

— Может, его все равно надо вызвать? Я толком не знаю, какова процедура в таких случаях, но уверен, что без медика не обходится. Не будем медлить. Где у него телефон?

— В кабинете, справа от входной двери.

Он быстро зашагал к дому. Это было обложенное декоративным кирпичом строение в форме буквы Е, главные комнаты выходили окнами на сад, на дорожку за живой изгородью и на общинный выгон. Окна до пола на первом этаже были открыты, и Чарлз, шагнув в одно из них, очутился в кабинете Сэмпсона Уорренби. Телефон стоял на двухтумбовом письменном столе, среди вороха бумаг. Чарлз поднял трубку и набрал номер доктора Уоркопа.

Через несколько минут, вернувшись к мисс Паттердейл, он застал неустрашимую леди за разглядыванием клумбы с львиным зевом.

— Дозвонился Уоркопу?

— Да. Сейчас у него время приема. Он скоро приедет. Полиция из Беллингэма — тоже.

Мисс Паттердейл откашлялась и сказала тоном, не допускающим возражений:

— Что ж, Чарлз, мы с тобой ничем не сможем помочь этому бедняге. Он мертв.

— Мертв-то он мертв, вот только напрасно вы воображаете, будто на этом можно поставить точку, тетя Мириам. Подумайте хорошенько!

Глава 4

Мисс Паттердейл уронила монокль, и он повис на тонком шнурке. Она принялась яростно полировать линзу.

— Ты не веришь в несчастный случай, Чарлз?

— Какой тут несчастный случай...

Она недоуменно огляделась.

— Сама я мало смыслю в баллистике. Зато мне известно, что люди палят из ружей по кроликам.

— Да, но они не охотятся на них в чужих садах. Что еще важнее, у кроликов нет привычки парить в воздухе!

Мисс Паттердейл бросила быстрый взгляд на неподвижную фигуру в кресле.

— Он сидел низко, — промолвила она, указывая на убитого.

— Давайте рассуждать здраво, тетя Мириам! Любому ослу ясно, что это убийство. Не обязательно обладать исключительным интеллектом, чтобы понять, что убийца стрелял стоя. — Он указал на выгон за дорожкой, густо желтевший утесником на клонящемся к западу солнце. — Держу пари, стрелок засел вон в тех кустах. Ему не повезло разве что в том, что на дорожке так некса-

ти оказалась Мэвис, хотя это даже невезением не назовешь, потому что ей не хватило ума причинить ему вред, тем более помешать.

— Неудивительно, что девушка не стала его искать: слишком велико было потрясение, — заметила мисс Паттердейл. — Кто же такого ждет? Полагаю, теперь шарить в кустах бессмысленно?

Чарлз не удержался от смеха:

— Совершенно бессмысленно, лучшая из моих тетушек! Не знаю, сколько времени ушло у Мэвис на осознание того, что Уорренби мертв, почувствовать себя дурно и броситься к вам, однако убийце хватило этого времени, чтобы удрать.

Она продолжила полировку моногля, будто посвящая все внимание именно этому занятию. Вернув его на положенное место, уставилась на Чарлза и решительно заявила:

— Мне это не нравится. Не собираюсь говорить, кто это совершил, но не удивлюсь, если это повлечет много неприятностей.

— Как же я вас люблю, тетя Мириам! — воскликнул Чарлз, обнимая ее. — Вы та еще плутовка! Не волнуйтесь, мы с Абби — ваше алиби, а вы — наше.

— Не болтай ерунду! — одернула она Чарлза, сбрасывая его руку. — Ты знаешь, о чем я. — Взглянув еще раз на труп, мисс Паттердейл сурово добавила: — Буду рада, когда нас кто-нибудь сменит. Чем меньше мы будем существовать, тем лучше. Остается просто сторожить мертвеца. Можешь смеяться, но мое воспитание не предполагало подобных обязанностей.

Тем не менее в ответ на предложение Чарлза отпустить ее домой мисс Паттердейл презрительно усмехнулась и возобновила внимательное изучение цветочных клумб. К их счастью, томительное ожидание не слиш-

ком затянулось: избавление приняло внушительное обличье констебля Хобкирка, полного мужчины средних лет, проживавшего на Хай-стрит и посвящавшего максимум времени, свободного от не слишком обременительной службы по охране порядка, выращиванию помидоров, кабачков и разнообразных цветов, с завидной регулярностью завоевывавших первые призы на местных выставках.

Он прикатил на велосипеде и явился на место преступления весь взмокший, поскольку крутил педали с невероятной для человека его габаритов резвостью, и сильно запыхавшийся. Грузно свалившись со своего двухколесного транспортного средства, констебель прислонил его к живой изгороди и, прежде чем войти в сад, снял фуражку и вытер большим носовым платком лицо и шею.

— Боже правый! — воскликнул Чарлз, мучимый угрызениями совести. — Я совсем забыл про Хобкирка! — Надо было звонить ему, а не в Беллингэм. Вам не кажется, что он немного раздражен? Приветствую вас, Хобкирк! Рад вас видеть. То есть... Неважная история!

— Добрый вечер, сэр, добрый вечер, мисс, — отчеканил Хобкирк официальным тоном. — Ну, как это произошло?

— Если бы я знал! — ответил Чарлз. — Мисс Паттердейл тоже не знает. Нас здесь не было. Тело нашла мисс Уорренби и, не трогая его, прибежала в Фокс-коттедж за помощью.

— Вот как? — Хобкирк достал из кармана тетрадку и огрызок карандаша. — Когда примерно это случилось?

Чарлз посмотрел на мисс Паттердейл:

— Может, вы знаете? Я — нет, хоть убейте!

— Неужели?

— Зачем это укоризненное «неужели»? Не сомневаюсь, что если бы мисс Уорренби бросилась с вестью об

убийстве ее дяди к вам, а не к нам, то вы записали бы время, вы же полицейский. А я ничего и не записал.

— Ага! — произнес Хобкирк, довольный признанием своего превосходства. — Важное обстоятельство, не так ли? Время придется установить, ведь это очень важно.

— Надеюсь, это в наших силах, — промолвила мисс Паттердейл, доставая из-за корсажа старомодные золотые часы и глядя на циферблат. — Сейчас десять минут девятого, время точное — я только сегодня утром проверяла. Мы провели тут примерно полчаса.

— Самое большее — двадцать минут, — уточнил Чарлз.

— Я бы сказала, что дольше, но, может, ты и прав. Когда к нам прибежала Мэвис?

— Понятия не имею! — ответил Чарлз. — Неважный из меня свидетель. Куда это годится — не знать время совершения преступления!

— Я бы так не сказал, сэр, — заметил Хобкирк. — Вы нашли потерпевшего сидящим в той же позе, что сейчас?

— Он не сдвинулся ни на дюйм, — подтвердил Чарлз.

— Как тебе не стыдно! — одернула его мисс Паттердейл. — Нашел время паясничать!

— Извините, тетя Мириам. Из меня полезло самое дурное, что во мне есть.

— Затолкай его поглубже! Ни я, ни мистер Хасуэлл не прикасались к телу, Хобкирк. Полагаю, вас это интересует? Не знаю насчет мисс Уорренби, но сомневаюсь, чтобы она до него дотрагивалась.

— Излишне напоминать вам, мисс, что никто не должен прикасаться к чему бы то ни было на месте преступления. — Медленный взгляд констебля нащупал стопку листов с машинописным текстом, сколотых с одного угла, лежавшую на траве рядом с правой ногой трупа. — А бумаги? Они так и лежали здесь, на земле?

— Да! И знаете, что я думаю? — произнес Чарлз. — Потерпевший читал их — я хочу сказать, изучал — в момент, когда его застрелили.

— Вероятно, сэр, — с достоинством согласился Хобкирк. — Однако видимость часто бывает обманчивой.

— Верно. Как верно и то, что жизнь — не всегда пустые мечты. Расследование будете вести вы?

В свободное от службы время Хобкирк относился к молодому Хасуэлли скорее с симпатией, считая его видным молодым человеком с дружелюбными манерами, на чью подачу углового на состязаниях футболистов из соседних деревень чаще всего можно было положиться. Но сейчас он улавливал в его тоне нехватку уважительности и неуместное легкомыслие, поэтому его ответ был уничтожающе холоден:

— Я буду находиться здесь, сэр, пока меня не отзовут. А вам следовало сначала оповестить о происшествии меня, после чего я, во исполнение инструкции, доложил бы о нем начальству в Беллингэме.

— И мы оказались бы именно там, где находимся в данный момент. Все же позвольте мне пожалеть, что дальнейшее расследование будете вести не вы. Кстати, тетя Мириам, неужели уже девятый час? Я, пожалуй, пойду позвоню маме. Мы ужинаем в восемь, и в случае моего опоздания она всегда представляет меня на больничной койке, всего переломанного!

И Чарлз заспешил в дом. Хобкирк проводил его взглядом, в котором читалась неуверенность. За все долгие, но лишённые ярких событий годы службы ему еще не приходилось сталкиваться с убийством, так что он изрядно подзабыл, каких действий требовали в подобных случаях инструкции. У него возникло смутное ощущение, что молодого Хасуэлла нельзя отпускать к телефону потерпевшего. Правда, тот уже звонил с него в поли-

цию, и теперь было затруднительно придумать причину, чтобы его остановить. В общем, констебль Хобкирк не сдвинулся с места и был втайне рад приехавшему в старой, зато надежной машине доктору Уоркопу.

Эдмонду Уоркопу, жившему в комфортабельном викторианском доме на окраине Беллингэма, унаследованном, как и врачебная практика, у давно почившего отца, было шестьдесят лет, однако убийство оказалось для него, как и для констебля, непривычным случаем. Его старомодные профессиональные методы привели бы в отчаяние молодых прогрессивных коллег, тем не менее он располагал обширной респектабельной практикой. Более простые пациенты по степени консерватизма были под стать ему самому и полагали, что не могут ни родиться, ни умереть без участия Уоркопа, а утонченные полагали безопасным доверять себя человеку, так ловко скакавшему следом за гончими и практиковавшему в округе столько, сколько они себя помнили. Уоркоп обладал высоким самомнением, редко с кем-либо советовался и не признавал своих ошибок. Наблюдая, как Уоркоп шествует через лужайку к дубу, никто не догадался бы, что он никогда не сталкивался с делами такого рода. Чужак вообще принял бы его за полицейского медика с богатым опытом. Он поприветствовал констебля кивком, а мисс Паттердейл облагодетельствовал учтивым «добрый вечер» и рукопожатием, поскольку она принадлежала к числу его пациентов.

— Жаль, что вы оказались связаны с этим, — сказал Уоркоп. — Шокирующая история! Я не поверил своим ушам, когда услышал о ней от молодого Хасуэлла. Все произошло чуть ли не на глазах у мисс Уорренби?

Он склонился над телом, мисс Паттердейл продолжила осмотр цветочных клумб, а констебль с почтением

наблюдал за врачом. Тот после недолгого осмотра оглянулся и сказал:

— Мне здесь нечего делать. Мгновенная смерть. Бедняга!

— Да, сэр. Сколько он пролежал мертвым?

— Точно определить нельзя. Более четверти часа. Надо также учитывать, что все это время тело находилось на солнцепеке.

Те же соображения прозвучали через пять минут, когда машина полиции доставила к Фокс-Хаусу сержанта уголовного розыска Карсторна, констебля и двух сотрудников в штатском. Сержант спросил врача, что тот может рассказать об убийстве, добавив без задней мысли, что звонил доктору Ротерхоупу, главному конкуренту Уоркопа в Беллингэме и по совместительству полицейскому врачу, но тот не снял трубку.

Уоркопу было нечего сообщить сержанту сверх того, что пуля проникла в череп через височную кость и наверняка застряла в мозгу. Согласно наблюдению самого сержанта, выстрел произвели не в упор, поскольку на трупе отсутствовали пороховые ожоги.

К группе на лужайке присоединился Чарлз. Увидев сержанта, он воскликнул:

— Здравствуйте! Воровство в нашем офисе расследовал другой сотрудник. Куда он девался?

— Это был инспектор уголовного розыска Торптон, сэр. Он на больничном.

— Пусть поправляется! Тетя Мириам, мать велела мне забрать Мэвис к нам ночевать.

— Прежде чем мисс Уорренби уедет, мне нужно будет задать ей несколько вопросов, сэр.

— Она не здесь. Я оставила ее у себя дома, — объяснила мисс Паттердейл. — Мэвис прибежала ко мне за

помощью, и я доверила ее попечению своей племянницы. Вы сможете расспросить ее там?

— Разумеется, это меня вполне устраивает, — вежливо ответил сержант. — Юной леди лучше не возвращаться сюда, пока труп не отправят в морг. Я все отлично понимаю. «Скорая» уже выехала.

Он отвернулся и стал совещаться со своими подчиненными, один из которых готовился фотографировать тело. Вполголоса отдав приказания, Карсторн заявил, что намерен без промедления увидеться с мисс Уорренби.

— Как быть с домом? — спросила мисс Паттердейл. — Внутри никого. Вряд ли туда кто-нибудь полезет, однако опасно оставлять двери нараспашку. Но и запирать их мне не хотелось бы, потому что мисс Уорренби вряд ли захватила с собой сумочку, а значит, у нее нет ключа.

— Один из моих людей останется тут и за всем присмотрит, — пообещал сержант. — Все будет в сохранности.

— Тогда, если не возражаете, я поеду с вами. Ты едешь, Чарлз?

Тот кивнул и вывел ее на дорожку. Сержант подождал, пока он умело развернется на узком пяточке, после чего завел полицейский автомобиль. Таким образом, мисс Паттердейл смогла попасть в Фокс-коттедж раньше него и успеть подготовить Мэвис к предстоящему испытанию, что она язвительно охарактеризовала Чарлзу как чрезвычайное желательное обстоятельство.

Вернувшись в скромную гостиную, они убедились, что к мисс Уорренби уже вернулось самообладание. Она пила чай — бодрящий напиток, который предпочитала джину. Новость о предстоящем полицейском допро-

се Мэвис выслушала с болезненной улыбкой и сказала, что ждала этого и старательно собиралась с мыслями. Когда приехавший сержант принес ей официальное извинение за необходимость потревожить ее в позднее время, ответила, что все понимает и искренне хочет помочь. Поскольку она уже обсудила свою роль в этой истории с Абби, подробнейшим образом вспомнив каждое свое движение и все оттенки чувств, ее рассказ отличался беглостью и внятностью. Удалось даже установить приблизительное время убийства.

— Мы с миссис Клиберн оставались дольше остальных. Обсуждали призы для деревенского соревнования в вист. Я покинула «Кедры» в десять минут восьмого, потому что видела часы в гостиной. Сказала миссис Хасуэлл, что мне придется бежать, а то и лететь, иначе бедный дядя будет беспокоиться. Я миновала сад, выскочила на тропинку и по ней добежала до дома. Оттуда до нас пять минут ходу, так что я вернулась в четверть восьмого или, может, минут на пять позднее. Тогда все и произошло...

— Благодарю за внятный рассказ, мисс. После выстрела вы больше ничего не видели и не слышали?

— Нет, только нечто вроде хлопка, хотя в тот момент я бы это так не назвала... Это было сразу после выстрела и почти с ним слилось.

— Вы никого не видели? Например, на общинном выгоне?

— Нет, никого. Конечно, я специально не смотрела, но наверняка заметила бы, если бы там кто-то был.

— Специально не смотрели? Выстрелили близко от вас, разве вы не испугались, мисс?

— Сначала я ничего не поняла. У меня глупое отношение к оружию! Не выношу неожиданных громких

звуков! Я решила, что это не так близко, как было на самом деле.

Сержант все записал в свою тетрадку, но комментировать не стал. Вскоре он спросил:

— Знаете вы кого-нибудь, мисс, кто испытывал к вашему дяде неприязнь?

— Никого!

— Может, он с кем-то ссорился? Враждовал?

— Нет, ни с кем!

От нее ничего больше нельзя было добиться. Задав еще несколько вопросов, сержант пообещал уведомить ее о дате дознания и уехал.

Перспектива дачи показаний на дознании удручила мисс Уорренби, кажется, так же сильно, как сама его причина, и ей потребовалось несколько минут, чтобы прийти в себя. Она твердила, что дядя был бы категорически против, и не успокоилась даже после заверений мисс Паттердейл, что ни вскрытие, ни дознание не помешают ей похоронить дядю со всеми надлежащими церемониями. Узнав от Чарлза о приглашении, переданном его матерью, Мэвис опять едва не разрыдалась, теперь от благодарности, и стала умолять передать миссис Хасуэлл слова безмерной признательности за ее доброту, и непременно подчеркнуть, что она глубоко тронута. Однако Мэвис твердо стояла на том, что дядя Сэмпсон предпочел бы, чтобы она осталась в Фокс-Хаусе.

Никто не мог понять, откуда у нее взялась эта убежденность. Несдержанная Абби спросила напрямик:

— Чего ради?

— Там издавна наш дом! — объяснила Мэвис, надеясь Фокс-Хаус наследственными качествами. — Знаю, ему бы очень не понравилось мое нежелание там оставаться. Сначала мне будет, конечно, ужасно больно, но

придется потерпеть. Нельзя пасовать перед неприятностями.

Людам, слушавшим мисс Уорренби, как это часто бывало, когда она произносила банальности, стало за нее неудобно. Чарлз, выдержав паузу, сделал практический заход:

— У вас есть привычка жить в одиночестве? Дом, полагаю, перейдет вам, но сможете ли вы его содержать?

Вопрос ее шокировал, даже испугал.

— Я не думала о подобном! Мне было не до них. Прошу вас, не надо это обсуждать! Столь омерзительные мысли должны приходиться в голову в самую последнюю очередь. Я просто чувствую, что мой долг — оставаться дома. И потом, мне нельзя забывать о бедняжке Глэдис. Она приедет последним автобусом, и мне страшно представить, что она найдет дом пустым и запертым.

— Ничего хуже правды все равно не может прийти ей в голову, — рассудила мисс Паттердейл. — Впрочем, ты права: не хватало в довершение всего лишиться хорошей служанки! Я думала, ты останешься в доме совсем одна, но забыла про Глэдис. Что ж, если предпочитаешь вернуться обратно, то лучше тебе побыть еще немного здесь, а потом я отведу тебя домой и дождусь вместе с тобой Глэдис. Который час? Наверняка все проголодались. Оставайся ужинать, Чарлз. Ужин будет холодным, кроме картофеля. Абби, пожалуйста, накрой на стол!

— Вряд ли я смогу что-нибудь съесть, — пробормотала Мэвис. — Лучше поднимусь наверх и прилягу, можно, мисс Паттердейл? В такие моменты хочется побыть одной.

К плохо скрываемому облегчению Чарлза и Абби, мисс Паттердейл не стала чинить ей препятствий: отвела бедняжку к себе в спальню, задернула там шторы, дала ей аспирин и посоветовала уснуть.

— Сил моих нет с этим ее жеманством! — воскликнула она, вернувшись. — Можно подумать, Сэмпсон Уорренби души в ней не чаял! Если он оставил ей денег — скорее всего, так и есть, потому что я не слышала, чтобы у него были родственники ближе, чем она, — то она должна быть ему благодарна, но не более. Не выношу лицемерия!

— По-моему, Мэвис не лицемерит, — возразила Абби, морща лоб. — Она паинька, думает, что по дяде полагается скорбеть, и действительно скорбит!

— Это еще хуже! Не забудь вилку и ложку для салата! — И мисс Паттердейл исчезла в кухне.

За ужином говорили, естественно, только об убийстве Сэмпсона Уорренби. Мисс Паттердейл, не пытаясь умерить воодушевление родной племянницы и приемного племянника, держалась собственного мнения, что ожидаются неприятные последствия. Чарлзу хватало ума признать, хотя бы частично, ее правоту. Абби заявила, что раньше не понимала, до чего это любопытно — оказаться замешанной в деле об убийстве. Мисс Паттердейл, снисходительно глядя на нее, высказала радость в связи с тем, что племянница оказалась в нужное время в нужном месте.

Тема еще не была исчерпана, когда троица, покончив с мытьем посуды, уселась в гостиной, чтобы выпить кофе. Мисс Паттердейл спустилась вниз, убедившись, что аспирин погрузил Мэвис в глубокий сон, как вдруг в дверь постучали. Это был Гэвин Пленмеллер, явившийся, как он сам признался без капли стыда, с целью поболтать об убийстве.

— Боже правый, слухи уже облетели деревню? — спросила мисс Паттердейл, приглашая его в гостиную.

— Кто бы сомневался! Не прошло и десяти минут после выезда Хобкирка на место преступления, а мы

в «Красном льве» уже все знали. Спасибо миссис Хобкирк! Целый час потом новость обрастала подробностями, и мне никак не удавалось удрать домой, хотя меня ждала там утка с зеленым горошком. Что ж, пришлось довольствоваться тошнотворной едой в «Красном льве». Ума не приложу, почему наши заведения пользуются такой популярностью? Благодарю вас, кофе — то, что нужно! А где наша героиня?

— Спит наверху, — сообщила Абби. — Как вы узнали, что она здесь?

— Элементарно! — Гэвин бросил в кофе кусочек сахара. — Сам был таким, но, спасибо Уолтеру, смог вернуться в Торнден. Жизнь в Лондоне — смертельная штука! Новости узнаешь только по радио и из газет. Конечно, я знаю, что Мэвис Уорренби тут, как же иначе? Тем не менее я рад, что она спит наверху. Мы сможем обсудить все подробности.

— Что именно известно в деревне? — осведомился Чарлз.

— О, гораздо больше, чем просто правда! Потому я и пришел: хочется выяснить, что произошло на самом деле. Только не рассказывайте мне про несчастный случай! Это был первый просочившийся в «Красного льва» слух, но я не поверил. Конечно, Сэмпсона Уорренби убили! Он был буквально создан для того, чтобы пасть от рук преступника.

— Вы не перепутали его с каким-нибудь персонажем из ваших книг? — усмехнулась Абби.

— Он еще сумеет оказаться в их компании!

— Чарлз считает, что выстрелить могли из кустов напротив дома, с выгона, — сказала мисс Паттердейл.

Гэвин вопросительно посмотрел на Чарлза, побудив того коротко изложить причины для подобного умозаключения.

— Уорренби сидел боком к дорожке и, видимо, читал бумаги, которые принес в сад. Попасть в него было нетрудно.

— А где находилась Мэвис, пока стрелок целился? Прямо на месте преступления?

— Не совсем, хотя и недалеко. По ее словам, выстрел раздался в тот момент, когда она перешагивала через приступку в изгороди сада. Значит, убийце невероятно повезло: еще секунда-другая — и она оказалась бы под прицелом, а то и сама схлопотала бы пулю.

— Ничего подобного! — возразила Абби. — Он бы не выстрелил, если бы Мэвис загродила собой цель.

— Кто знает? — пробормотал Гэвин. — Схожу туда завтра утром и все сам исследую. Приступка видна с выгона? Похоже, что да.

— Мне тоже пришла эта мысль, — подхватил Чарлз. — Тут возможны разные объяснения. Например, убийца усердно целился и просто не заметил Мэвис. Или, предположим, он лежал так, что приступку загораживали кусты утесника...

— То и другое портит настроение. Ваш преступник — какой-то неряшливый раззява. Отказываюсь в это поверить.

— А разве они обычно не такие? — удивилась Абби. — Я про настоящих, а не про книжных убийц. Я читала, что они почти всегда выдают себя какой-нибудь отъявленной глупостью.

— Вот именно! — подхватил Чарлз. — Было бы, конечно, очень мило, если бы наш оказался настоящим профессионалом, но надежды мало.

— Не распляйтесь, так и свихнуться недолго, — посоветовал Гэвин. — Лучше задумаемся над важным вопросом, не дающим нам покоя: кто это сделал?

— Вот и мне хочется понять кто, — произнесла Абби. — Но сколько ни думаю, ничего не приходит в голову. Тут ведь мало просто не любить человека, верно? Требуется серьезный мотив.

— Это притом что, если верить Мэвис, у ее дяди не было врагов, — саркастически добавил Чарлз.

— Она такое говорила? — ужаснулся Гэвин.

— Представьте, да, — подтвердила мисс Паттердейл. — Когда отвечала на вопросы детектива. По-моему, Мэвис перегнула палку. И вообще, это же глупо! Полиция обязательно узнает, что убитого никто на дух не переносил.

— Но все вы, разумеется, промолчали, не воспрепятствовав этому полету фантазии?

— Да, промолчали, — созналась Абби, — хотя детектив наверняка сам знает, что это беспардонная ложь. Когда Мэвис это говорила, он косился на Чарлза. Вы бы видели, как у него отвисла челюсть! Проблема в том, что нелегко вмешаться и опровергнуть слова племянницы о безгрешности убиенного дядюшки!

— Я еле сдержалась, — поведала мисс Паттердейл. — Нельзя говорить, что Мэвис считала его любимцем соседей. Она отлично знала, что это не так. Однако гнула свое, а заодно изображала, будто потрясена его гибелью. Я не утверждаю, что она лжет — сама никак не опомнюсь! — но жалеть о случившемся она не может. Надо отдать Мэвис должное: она всегда делала хорошую мину при плохой игре, скрывала, как дурно дядя обращается с ней. Но я знаю с ее собственных слов, что в последнее время он совсем распоясался. Как же ей от него доставалось!

Гэвин, внимательно выслушав ее, воскликнул:

— Хорошо, что к вам заглянул! Конечно, преступление совершила она! Это же очевидно!

Абби невольно хихикнула.

— Глупости! — бросила мисс Паттердейл.

— Восхитительное предположение! — усмехнулся Чарлз.

— Здесь нечем восхищаться! Никто из вас не имеет права так шутить. Мэвис болтает чушь, потому что считает невозможным плохо отзываться о мертвом.

— Раз так, то в каких выражениях она отзывается об императоре Домициане или о покойном Адольфе Гитлере? — поинтересовался Гэвин.

— Это разные вещи! — отрезала мисс Паттердейл.

— Что ж... — Гэвин поставил на стол пустую чашку и с трудом поднялся с кресла. — Раз мне запрещено подозревать Мэвис, то остается вернуться к моему предположению.

— К какому же? — спросила Абби.

— Миссис Миджхолм, месть за кровь Улисса! Не буду отрицать, я предпочитаю в качестве подозреваемой ее, а не Мэвис, но всегда есть опасность, что у нее обнаружится твердое алиби. У Мэвис, как всем нам известно, алиби нет. Между прочим, это будет нашим следующим развлечением: у кого алиби есть, у кого нет. У вас троих оно вроде бы имеется, что, да будет мне позволено сказать, занудство и отсутствие изобретательности с вашей стороны!

— А как с алиби у вас самого? — улыбнулась Абби.

— Никакого! Вернее, я надеюсь, что не обзавелся алиби: если паршивец хозяин «Красного льва» скажет, что в ключевой момент я сидел в его гадюшнике, стану решительно это отрицать. Полагаю, полиция не закроет глаза на мою претензию на место главного подозреваемого? Я пишу детективные романы, хромаю, довел сводного брата до самоубийства. Что еще надо полиции?

— Знаете, — промолвил Чарлз, — о чем я подумал? Учитывая время, когда это произошло, у многих не окажется алиби. Все возвращались домой после нашего приема: сквайр, Линдейл, майор, старикан Драйбек!

— Не забудьте про меня и про жену викария! — напомнил Гэвин. — Я бы не прочь вписать в список вас самого, а вот жене викария в нем делать нечего. Она совершенно ни при чем и только все запутала бы.

— Как насчет самого викария? — спросила Абби. — Где он находился?

— По его словам, отправился навещать страждущего. Но он все равно тоже вне игры.

— Вместе с майором и с Драйбеком, — подсказала Абби. — Мы их подвозили.

— А вот и нет! Я оставил майора на перекрестке в ответ на его просьбу, — произнес Чарлз. — Откуда я знаю, куда он девался, когда я поехал дальше? Старого Драйбека я высадил около его дома. Он помахал нам рукой, но мы не видели, как он входил в дом. А вдруг он туда не входил?

— Верно! — поддержала Абби, расширив глаза. — Это при том, что он вероятный кандидат. Ну и ну!

— Хватит! — прикрикнула на них мисс Паттердейл. — Подобные разговоры могут довести до беды.

— Ничего страшного, тетя Мириам, — сказал Чарлз. — Сдается мне, Драйбек не единственный, кто бы мог совершить преступление.

— Не увлекайся! Тебе легко перемывать косточки таким, как старый Тэддиас Драйбек, но ты бы сразу посе-резнул, если бы кто-нибудь бросил тень, например, на твоего отца.

Чарлз вытаращил глаза:

— Отец? Но его там вообще не было!

— Конечно, не было. Но как бы ты отнесся к нашим гаданиям о том, где он мог бы находиться? Так что не распускай язык.

Но все трое были глухи к ее призывам. Молодой Хасуэлл, с непочтительным воодушевлением отнесшийся к включению в список подозреваемых собственного родителя, громко захохотал.

— Отец?! Любопытно! Непременно потребую от него отчета!

Глава 5

В полдень начальник полиции графства вызвал для отчета сержанта уголовного розыска Карсторна, прошедшего утро в трудах, принесших мало результата. Через полчаса он высказал желание поразмыслить, а еще через десять минут пришел к ожидаемому, но не слишком приятному решению.

— Не скрою, Карсторн, — произнес он, дожидаясь соединения с неким лондонским номером, — что поступил бы так же, если бы инспектор Торптон не выбрал столь неудачный момент, чтобы слечь с краснухой.

— Конечно, сэр, — согласился сержант, разрываясь между естественным желанием повышения в звании в награду за блестящее раскрытие сложного дела и подозрением, что это дело оказалось бы ему не по зубам.

Он испытывал противоречивые чувства, когда в пятом часу был представлен веселому человеку с живыми глазами, вошедшему в комнату полицейского участка, где в тот момент восседал начальник полиции. Незнакомец был высок и суров.

— Старший инспектор Хемингуэй? — Полковник Скейлз поднялся из-за стола и протянул руку для пожатия. — Рад знакомству! Разумеется, я о вас слышал.

Я предупредил начальство, что мне нужен не абы кто. Вижу, они поняли.

— Благодарю вас, сэр, — ответил старший инспектор, ничуть не покраснев от похвалы. Пожав полковнику руку, он указал на своего спутника: — Инспектор Харботтл, сэр.

— Добрый день, инспектор. Познакомьтесь, это детектив Карсторн, начавший расследование дела.

— Буду счастлив сотрудничеству, — кивнул старший инспектор, тряхнув сержанту руку. — О вас я пока знаю немного. Кстати сказать, на первый взгляд дело кажется мне симпатичным.

— Неужели? — удивился полковник, который, подобно мисс Паттердейл, боялся, что расследование принесет много неприятностей. — Вы сказали «симпатичным»?

— Да, сэр. Я имею в виду его необычность.

— Отчасти оно именно такое. Хотя вы, полагаю, согласитесь, что в самом убийстве необычного много.

— Выстрел на открытом месте? Никаких запертых комнат, таинственного оружия, прочих осложнений?

— Человека застрелили у него в саду, — произнес полковник. Ему показалось, что старший инспектор Хемингуэй относится к своей задаче с недопустимым легкомыслием. Он вспомнил предупреждение старого знакомого из Скотленд-Ярда об оригинальности старшего инспектора.

— Можно сказать, в широком поле! — обрадовался Хемингуэй.

— Нет, в саду.

— Это одно и то же, сэр.

— Я введу вас в курс событий. Предлагаю всем сесть. Я закурю трубку, вы тоже можете. Не трубку, так сигареты, вот коробка.

Он сел и стал набивать трубку табаком из старого резинового кисета. Старший инспектор потянулся за сигаретой, сержант Карсторн подал коробку его подчиненному, но тот ответил, что не курит. Израсходовав несколько спичек, полковник наконец закурил, после чего быстро ознакомил Хемингуэя с фактами по делу. На перечисление и описание людей, составлявших торнденское общество, ушло больше времени. Было видно, что теперь полковник тщательно подбирает слова. Инспектор Харботтл, надолго упершийся взглядом в противоположную стену и хранивший неподвижность, близкую к столбняку, внезапно мрачно уставился на рассказчика. Его начальник сохранил на лице выражение не критичного, по-птичьи легкомысленного интереса.

— Сегодня утром доктор Ротерхоуп произвел вскрытие, — сообщил полковник. — Полагаю, вы ознакомьтесь с его отчетом. В нем, конечно, нет ничего нового: причина смерти не вызывала сомнения.

Хемингуэй взял отчет и просмотрел его.

— Действительно, ничего, — кивнул он. — Единственное, чего мы раньше не знали, — что пуля, вероятно, выпущена из винтовки калибра 0,22 — подробность, без которой я обошелся бы. Хотя калибр мог бы угадать сам. Вряд ли в округе найдется более четырех-пяти десятков таких стволов. Моим сотрудникам придется наведаться ко всем их владельцам. Стреляная гильза не найдена?

— Найдена, сэр, — с гордостью заявил Карсторн. — Вот она. Долго пришлось искать! Валялась вот в этих кустах утесника, помеченных на карте.

— Молодцы! — похвалил Хемингуэй, вставляя в глазницу маленькую лупу и начав внимательно разглядывать гильзу. — Здесь есть отчетливые следы, лишний раз доказывающие, что ничего нельзя загадывать заранее. Я думал, что ничего не увижу: в девяти случаях

из десяти винтовки калибра 0,22 настолько изношены, что ничем не могут нам помочь. А здесь, как я погляжу, мы сможем идентифицировать оружие, из которого застрелили этого человека. Что ж, предположим, мы его найдем — хотя смею утверждать, что этого не произойдет. Если бы я не знал, что чем проще кажется дело на первый взгляд, тем сложнее оно будет уже в середине расследования, то заключил бы, что решение будет найдено в два счета.

— Надеюсь, — веско произнес полковник.

— Да, сэр. Вот только за мило видно, что так не случится. Из ваших слов я понял, что у дела весьма изысканный антураж. Опыт подсказывает, что это все усложняет.

— Неужели? — удивился полковник.

— Сами посудите, сэр. — Хемингуэй перевернул страницу отчета судмедэксперта. — Перечисленные вами люди — сквайр, семейный поверенный, отставной майор — будут друг друга выгораживать. Я далек от того, чтобы их за это осуждать, — добавил он беспечно, не обращая внимания на то, что полковник начал понемногу свирепеть. — Зачем им любопытные полицейские, сующие нос в их проблемы? Им это непривычно, не то что обыкновенным преступникам. Они, конечно, благоразумнее традиционных представителей преступного класса. Можно только радоваться, что они нечасто встают на преступный путь. Как я погляжу, здесь нас не ждет дорожка, устланная розами, нет, сэр! — Он отложил отчет. — Ваш доктор Ротерторп немного слукавил со временем смерти, правда?

— К сожалению, Ротерторп увидел труп только через несколько часов. Хасуэлл-младший вызвал доктора Уоркопа, лечившего потерпевшего. Время определено не слишком точно, однако Уоркоп — опытный специ-

алист, к тому же мы располагаем показаниями о времени мисс Уорренби.

— Как вы думаете, сэр, что, помимо профессиональной ревности, побудило доктора Ротерторпа не подтвердить это заключение?

Начальник полиции графства рассмеялся:

— Как вы наблюдательны! Только это, других причин нет. Доктор Уоркоп давно практикует в Беллингэме, и коллеги, наверное, считают, что он несколько... устарел. Однако ему не откажешь в здравомыслии!

— Да, сэр. Известно, кому может быть выгодна эта смерть?

— Его племяннице — главной наследнице. Мелких наследователей можно не считать. Завещание хранилось в сейфе у него в кабинете. Если пожелаете вникнуть в его дела, рекомендую обратиться к его главному клерку по фамилии Каупланд: достойнейший человек, проживший в Беллингэме почти всю жизнь.

— Они ладили, сэр?

— Вполне. Он прекрасно отзывается о погибшем. Ему тоже кое-что отписано — немного, порядка двухсот фунтов. Каупланд потрясен убийством, верно, сержант?

— Да, сэр. Мистер Каупланд — в высшей степени достойный человек, естественно, что он потрясен. Не говоря о том, что для него это серьезная встряска и в ином смысле. Позиции старшего клерка не растут на деревьях. Не знаю, где он найдет другое такое место. Во всяком случае, не в Беллингэме: хотя в «Трокингтон энд Флимби» требовался новый главный клерк, это не та работа, которая его привлекла бы, а главный клерк мистера Драйбека занимает свое место уже тридцать лет.

— Драйбек... — повторил Хемингуэй. — Тот, кого отвезли после тенниса домой? Где он живет?

Сержант ткнул пальцем в карту.

— Здесь, сэр, почти напротив начала Фокс-лейн. Насколько мы смогли установить, его высадили там в семь часов, ну, может, чуть позднее. В половине восьмого он сел ужинать. Это подтвердила его экономка. Чем Драйбек занимался перед этим, она не знает.

— А что говорит об этом он сам?

Сержант сверился со своими записями:

— Утверждает, что, войдя в дом, сразу поднялся наверх, где принял душ. Вероятно, так оно и было, у него старомодная ванна, на конце которой стоит душ. После этого он вышел в сад и полил цветы. Драйбек говорит, что за этим занятием услышал гонг: экономка звала его ужинать. Она показала, что ей пришлось дважды ударить в гонг, потому что первого удара хозяин не слышал.

— Где находилась все это время экономка?

— Переходила из кухни в столовую и обратно: готовила ужин, накрывала на стол. Столовая расположена в передней части дома, кухня — за ней, в задней части. Между ними коридорчик с дверями. Она заявила, что всегда ходит из одного помещения в другое по нему, потому и не видела Драйбека. То есть за эти полчаса экономка ни разу не была в холле. Неудивительно, что она хозяйина не видела.

— Кухонные окна не выходят в сад?

— Нет, сэр. За окном кухни гравийный дворик, дальше лавровая изгородь, она загораживает сад.

— Удачная планировка, — похвалил Хемингуэй карту, пристально ее изучая. — Значит, с семи до семи тридцати Драйбек мог находиться где угодно. Если верить вашей карте, то от его дома до Фокс-Хауса менее полумили.

— Именно так, сэр. Но по пути туда ему пришлось бы пройти мимо коттеджа мисс Паттердейл.

— Почему бы ему не пройти через выгон?

— Можно и так.

— Из этого вовсе не следует, что он так и поступил.

По-моему, Драйбек не пользуется популярностью как кандидат на главную роль в нашей занятой драме. В каких отношениях он был с Сэмпсоном Уорренби?

Прежде чем ответить, сержант вопросительно взглянул на полковника, но тот рассматривал свою трубку, которая погасла и требовала внимания. Немного запинаясь, сержант ответил:

— Я бы не назвал их отношения добрыми, сэр. Не хочется преувеличивать, но факт есть факт: Уорренби причинял Драйбеку много вреда в профессиональном смысле. Он был очень предприимчивым, а Драйбек работает по старинке. Уорренби был более успешен.

— Хорошо, — сказал Хемингуэй, которому Драйбек уже надоел. — Перейдем к остальным действующим лицам. Вашу мисс Паттердейл, молодого Хасуэлла и племянницу — забыл ее имя, но у нее алиби, как и у двух первых, — можете пропустить.

Полковник вскинул голову:

— У вас хорошая память, старший инспектор!

Инспектор Харботтл, бросив на своего начальника немного грустный, но полный гордости взгляд, не смог смолчать:

— Этого у него не отнять, сэр.

— Вас не спрашивают, Хорас! — произнес старший инспектор. — Начните с поляка, сержант. Если бы меня предупредили, что в деле замешан поляк, я бы сказался больным. У него какое-то необычное имя...

Сержант опять заглянул в записи.

— Замагориски, — прочитал он по слогам с виноватым видом. — Обычно его называют мистером Ладисласом.

— Тогда и мы станем так его называть, хотя я никогда не слыхивал такого христианского имени! — проговорил Хемингуэй. — Чем скорее мы от него избавимся, тем лучше. Было у меня дельце с участием грузина и еще два с поляками, так я чуть не стал от них нервнобольным! Значит, этого Ладисласа видели на Фокс-лейн на мотоцикле в половине шестого? Какое он имеет ко всему этому отношение?

— В деревне болтают, сэр, будто он ухаживает за мисс Уорренби, и ее дядя знать его не хотел. Он инженер, работает у Бебсайда. Снимает комнату у миссис Докри, это один из коттеджей за домом Драйбека. Вот тот, — уточнил сержант, показывая на план. — Приятный молодой человек, но уж больно вспыльчивый. По его словам — признаться, я слушал не очень внимательно, — до войны он был состоятельным человеком: земли и дома в Польше имел. Кое-кто из местных жителей привечает поляка, но большинство с ним не знают. С мисс Уорренби он познакомился в доме викария. Ей он как будто приглянулся. У нее доброе сердце! Она рассказала мне, что сначала жалела его, потом он ей понравился, завязалась дружба. Дядя действительно запретил ей встречаться с поляком, но она такой снобизм отмела. Похоже, они вместе прогуливались, пару раз, в отсутствие Уорренби, ходили в кино. Как я уже говорил, сэр, мисс Кингстон видела, как в половине шестого поляк повернул на своем мотоцикле на Фокс-лейн. У нее в деревне лавка сладостей, а в тот момент она, заперев ее, направлялась на общинный выгон, подышать свежим воздухом. Мисс Кингстон уверена, что это был он. Его ни с кем не спутаешь: смуглый брюнет, красавчик, вылитый иностранец.

— Она не видела, как он снова выехал с Фокс-лейн?

— Нет, сэр. Она никак не могла увидеть его во второй раз, потому что возвращалась обратно в деревню.

— Что говорит он сам?

— Сначала клялся, что его и близко от Фокс-лейн не было, но я не поверил, поскольку к моменту разговора по деревне уже разнеслась весть об убийстве мистера Уорренби, и он, несомненно, тоже об этом слышал. Пока мы с этим разобрались, поляк разошелся и стал кричать, что все против него, потому что он иностранец, хотя сознался, что побывал рядом с Фокс-Хаус с целью увидеться с мисс Уорренби. Он не знал, что она ушла играть в теннис. Дело было в субботу, когда Уорренби полагалось находиться дома, поэтому поляк оставил мотоцикл недалеко от дома и вошел в калитку, ведущую в кухню, с намерением спросить служанку, нельзя ли ему сказать словечко мисс Уорренби. Вот только по субботам служанка работает полдня и к тому времени уже ушла. Поляк якобы постучался в кухонную дверь, никто не ответил, и он ушел восвояси. Утверждает, что вернулся в дом миссис Докри около шести часов и больше носа наружу не высовывал. Только вот беда, она ушла в местный кинотеатр, оставив ему холодный ужин, поэтому его слов подтвердить не может.

— У него есть ружье?

— Утверждает, что нет, сэр. Доказать иное пока не удалось. По словам миссис Докри, однажды она видела у поляка ружье, но с тех пор прошло две недели, и это была винтовка калибра 0,22, одолженная ему Линдейлом и позднее возвращенная владельцу. Мистер Линдейл это подтверждает. Он — владелец фермы Рашифорд. Это вот здесь, на хоуксхэдской дороге.

— Что ж, перейдем к нему, — предложил Хемингуэй. — Как я погляжу, его ферма расположена очень удобно: тропа доходит до приступки в начале Фокс-лейн. У него были причины убить Сэмпсона Уорренби?

На вопрос ответил сам полковник:

— Вроде бы нет. Он здесь новенький. Приобрел ферму около двух лет назад. Бывший биржевой брокер. Женат на миловидной женщине, у них ребенок. Насколько я понимаю, они почти молодожены: их девочка еще совсем малышка.

— Действительно, сэр, — подтвердил сержант. — Нет оснований думать об участии Линдейла в преступлении, за исключением его нескрываемой нелюбви к покойному и приставания последнего, добивавшегося назначения адвокатом в Речной комитет. Это было у Уорренби навязчивой идеей, но его кандидатура никого из них не устраивала.

— Кто эти «они»? — спросил Хемингуэй. — Неужели это лакомая работенка? Впрочем, я ничего не смыслю в Речных комитетах.

— Никакая не лакомая! — махнул рукой полковник. — Из нее мало что выжмешь, просто она стала бы приятным дополнением к его делам. На мой взгляд, Уорренби жаждал ее ради общественного статуса. Она позволила бы ему завести престижные знакомства. Ну, и приобрести вес в графстве. Энергичный был человек! Его назначение зависело как раз от этих людей: сквайра, Гэвина Пленмеллера, Генри Хасуэлла, Линдейла. Все они — собственники речных берегов, решают вопросы рыбных ресурсов и ловли. Речка Раши протекает по землям сквайра и Линдейла. На ней также расположены земли Хасуэлла и Пленмеллера. Не пойму, как подобные обстоятельства могут довести до убийства? Если бы Линдейл не оказался на том приеме, то, по-моему, вообще не привлек бы внимания следствия.

— Дело в том, сэр, что не существует свидетелей его занятий между шестью пятьюдесятью, когда он покинул «Кедры», и половиной восьмого.

— Да-да, Карсторн, вы были совершенно правы, решив его допросить!

— Чем он в это время занимался, по его собственным словам? — спросил Хемингуэй.

— Примерно в 6.50, — стал докладывать сержант, не отрывая взгляда от блокнота, — они с мистером Эйнштейблом покинули «Кедры» через ворота и двинулись по тропинке. Миссис Линдейл ушла домой этим же путем на четверть часа раньше. Ее приходящая домработница не готова показать под присягой, когда именно хозяйка вернулась на ферму, но утверждает, что это было гораздо раньше семи, когда домработница уходит. Конечно, миссис Линдейл могла бы снова уйти позднее, но это вряд ли, она же молодая мать. Не оставила бы малышку одну. Линдейл немного проводил Эйнштейбла. Потом сквайр свернул, чтобы осмотреть свои новые посадки, а Линдейл продолжил путь на свою ферму. По его словам, он не сразу вошел в дом, а сначала проверил, выполнили ли работники поручение — починку ограды заливного луга в стороне от дома. Работники к тому времени уже разошлись, он никого не застал. Линдейл говорит, что вернулся домой к семи тридцати через свое пшеничное поле. Его жена это подтверждает.

— Пока ничего особенного в глаза не бросается, — заметил Хемингуэй. — А что там с вашим сквайром?

— Сквайр Эйнштейбл осмотрел посадки и вернулся домой только без четверти восемь. Кстати, миссис Эйнштейбл покинула компанию раньше, в шесть тридцать, уехав на машине. Это подтверждает мистер Пленмеллер. Он встретил ее, когда возвращался с бумагами для сквайра, она остановилась перекинуться с ним словечком. Она неважно себя чувствовала: по его словам, плохо выглядела и сильно нервничала. Болезнен-

ная особа. Рано, сразу после чая, ушел викарий Клиберн: ему понадобилось навестить захворавшего прихожанина. В этом я не склонен сомневаться, сэр: пока не проверял его, но...

— И не надо, — посоветовал Хемингуэй. — У вас найдутся другие дела. — Конечно, в случае чего мы им займемся, но это меня сильно удивило бы. Жена викария — еще куда ни шло, хотя и это маловероятно.

— Миссис Клиберн и мисс Уорренби ушли последними, сэр, — доложил сержант. — На часах было семь десять. Мисс Уорренби вышла в садовую калитку, а миссис Клиберн двинулась в сторону Вуд-лейн. Я проверил. Пожилой житель одного из коттеджей на Хай-стрит, напротив Вуд-лейн, сидевший на своем крыльце, видел, как миссис Клиберн шла по этому проулку. Он не заметил, в котором часу это было, но она остановилась с ним поздороваться, прежде чем отправиться к себе домой. По его словам, он видел также мистера Пленмеллера, шагавшего не в Торнден-Хаус, а по улице, в направлении «Красного льва». Ружья у него не было, старый Рагби непременно заметил бы его.

— Миссис Клиберн тоже вычеркиваем, — решил Хемингуэй. — Что это за субъект с заковыристой фамилией? Ее я раньше слышал, но его самого не представляю.

— Слышали, а как же! — проворчал полковник. — Он сочиняет детективы. Сам я такого не читаю, но, говорят, у него получается довольно лихо.

— То-то я подумал, что дело выглядит слишком гладко, чтобы все так и было на самом деле, — усмехнулся Хемингуэй. — Принимаемся за очередного любителя преступлений! Как у него насчет алиби, сэр?

— Оно вызывает сомнения, — сухо ответил полковник. — Воспроизведите ему слова Пленмеллера, сержант. Пусть знает, с кем имеет дело.

— Беда в том, сэр, что я не знаю, как с ним быть, — пожаловался сержант. — Создается впечатление, будто он прямо спал и видел, чтобы влипнуть в дело об убийстве! Сегодня в полдень я отыскал Пленмеллера в пабе «Красный лев», где он пил пиво в обществе майора Миджхолма. Он изображал завсегдатая, охотно болтал об убийстве и доказывал, что преступление совершила жена майора в отместку за жестокое обращение Уорренби с одной из ее собачонок. Все это, конечно, в шутку, но было видно, что майор недоволен. Ну, а потом Пленмеллер стал доказывать, что вполне мог сделать это сам. Большой шутник! Я, правда, не мог тратить зря весь день, поэтому подошел к стойке, представился и предложил ему поговорить. Вот что я вам скажу, сэр: ничто иное его так не обрадовало бы! Можно было подумать, что все это — театральная постановка, а мы выпиваем в антракте и обсуждаем ее. Какая-то непристойность! Но Пленмеллеру не откажешь в хладнокровии. Я, конечно, не стал задавать ему вопросы в пабе, предполагая, что мы пойдем к нему, но у него было другое на уме. «Кстати, — говорит, — хотите знать, где я находился, когда было совершено преступление? Точно знаю, что алиби у меня нет». Тут майор на него напустился: мол, он знает, что Пленмеллер спокойно шел домой, когда остальные — сам майор, мистер Драйбек и мисс Дирхэм — ехали в машине младшего Хасуэлла. «Откуда вам знать, что я направился домой? — возразил Пленмеллер. — Мало ли куда я забрел! Крейлинг — хозяин паба — присягнет, что вчера вечером я не показывался здесь до восьми часов!» Крейлинг, конечно, и не подумал утверждать что-либо подобное: наоборот, выразил уверенность, что Пленмеллер пришел в паб гораздо раньше, хоть и не вспомнил, когда именно. Держу пари, Пленмеллер подговаривал владельца паба не обес-

печивать ему нежеланное алиби. Я не успел и рта раскрыть, как с ним резко, по-военному заговорил майор: потребовал перестать дурачиться и превращать трагедию в фарс. Пленмеллер засмеялся и ответил, что собирает ценный материал для новой книги и ему полезно побывать в шкуре главного подозреваемого. Правда, потом посерьезнел и сознался, что сначала пошел домой, а затем отправился в «Красного льва», вот только это вряд ли доказуемо, поскольку мисс Блайндберн, экономка, его не видела. Она находилась в кухне и не могла слышать, как он приходил, потому что глуха как пень. Глухота экономки подтвердилась.

— Ясно! — мрачно бросил Хемингуэй. — Знавал я таких! Что ж, при определенном везении мы сможем навесить убийство на него!

Полковник улыбнулся, а сержант Карсторн смутился.

— Вообще-то он мог бы это сделать, — неуверенно проговорил он. — Но вот зачем это ему понадобилось?

— Старший инспектор пошутил, сержант.

— Понятно, сэр. Но, как мы успели узнать, причин для убийства не было ни у кого из них.

— Даже у папаши молодого Хасуэлла? — осведомился Хемингуэй. — Или он вне игры?

— Его там не было, сэр. Уехал днем в Вудхолл и вернулся только в половине девятого. Вудхолл в пятнадцати милях от Торндена, это большое поместье, владелец которого нанял его управляющим. Он — агент по торговле недвижимостью и часто подрабатывает таким способом.

— Он ладил с Уорренби?

Сержант помялся:

— По-моему, да. Хотя оба заседали в совете, и у них порой возникали разногласия.

— Господи! — воскликнул Хемингуэй. — А кто-нибудь поддерживал с этим субъектом добрые отношения?

Сержант молча усмехнулся.

— Вы попали в точку, старший инспектор, — заметил полковник Скейлз. — Мерзкий был тип, все его не выносили. Признаться, даже я. Уорренби был из тех, кому не только надо во все вмешиваться: не успокаивался, пока не добивался своего. Прямо Гитлер в миниатюре! Наглый выскочка! Ничем не брезговал, лишь бы встрять в дела, не имевшие к нему касательства. Казалось бы, где он, а где тот или иной вопрос? Нет, он тут как тут! Проник даже в комитет по организации благотворительного бала, устроенного год назад леди Бинчестер. Наверное, решил, что это пойдет ему на пользу. Как же он ошибся!

— Получается, это не единственное место, где Уорренби нажил себе врагов. Торндонское общество мы уже разобрали. Как насчет остальных, тех, с кем он сталкивался?

— Естественно, мы и этого не упустили. Даже если не принимать во внимание, что Карсторн не знал, чтобы в Торнден в интересующее нас время наведался кто-либо из Беллингэма — к Фокс-Хаусу можно подойти по общественному выгону, — я не слышал, чтобы кто-нибудь всерьез с ним повздорил. Зависть — пожалуй, ревность — сколько угодно, многие Уорренби недолгобливали, и большинство из нас вздохнули бы с облегчением, если бы он убрался из Беллингэма. В округе он был самой ненавистой фигурой, однако из неприязни не убивают: требуется мотив! Вот почему, старший инспектор, я не стал медлить с обращением в Скотленд-Ярд: нет никого хотя бы с подобием мотива!

— А как насчет поляка, который заглядывался на его племянницу? — поинтересовался Хемингуэй. — Не говоря о самой этой юной леди... Если она получает по наследству деньги, я назвал бы это неплохим мотивом.

— Сначала познакомьтесь с мисс Уорренби, а потом говорите! — И полковник громко захохотал.

— Я так и сделаю, сэр, — сказал старший инспектор.

Глава 6

— Беда с вами, Хорас! Вам не угодишь, — произнес Хемингуэй позднее. — Я везу вас в разгар лета в прекраснейший уголок, о каком можно только мечтать, привожу в паб, где, вижу, не читали указов о нормировании, а у вас такой вид, словно вас притащили в зону бедствия. Я вас побеспокою: передайте-ка мне масло!

Инспектор подал ему зеленую чашку, отдаленно напоминавшую формой салатный лист.

— Масло! — провозгласил он. — Недельная норма!

Хемингуэй не стал себя ограничивать. Они сидели в пустом кафе и наслаждались поздним ужином, навевавшим воспоминания о почти забытых изобильных временах. Гостиница «Сан» была старейшей, но далеко не лучшей в Беллингэме. Сюда приходили ночевать после дневных трудов заезжие коммивояжеры. Неудобства кроватей в номерах смягчались перьевыми матрасами. В единственной ванной комнате стояла старинная крашеная ванна в деревянном коробе, со старомодным краном. Зарешеченные окошки можно было, приложив силу, попробовать открыть. Постояльцы были людьми неприхотливыми, поэтому к их услугам здесь была всего одна гостиная, а в кафе стоял длинный стол, сидеть за которым приходилось на стульях, набитых конским волосом. Еще здесь громоздился массивный буфет из красного дерева, пожелтевшего от времени, служивший подставкой для фикуса, были сложены коробки от печенья с картинкой на сюжет коронации Эдуарда VII и расставлено множество банок с соусами и маринада-

ми. На стенах висели гравюры из стали в кленовых рамах, в углу висела ваза с пампасной травой. Еду здесь подавали небрежно, меню отсутствовало, зато сама еда была отменной. Хемингуэй заказал чай, и вскоре на столе появилась тарелка с беконом, яйцами, колбасой, помидорами и жареным картофелем, а также три-четыре вида джема, булочки, фруктовый пирог, буханка хлеба, компот и редиска. Эту гостиницу ему порекомендовал сержант Карсторн, в связи с чем старший инспектор проникся уважением к его профессиональным способностям — по мнению помощника Хемингуэя, безусловно.

— Хотелось бы узнать, откуда у них столько бекона, — зловеще произнес Харботтл.

Старший инспектор налил себе вторую чашку чая и щедро добавил сахару.

— Не пойму, зачем вы занялись расследованием убийств? — усмехнулся он. — Ищейка на службе у министерства продовольствия — вот ваша стезя! Какое вам дело, откуда у них бекон? Когда вы его ели, у вас за ушами трещало! Еще чаю?

Харботтл не возражал. Несколько минут он звенел в чашке ложечкой.

— В деревне хорошо! — внезапно заявил он. — Но это расследование мне не нравится, шеф.

— Проблема в вашем комплексе неполноценности, — невозмутимо заметил Хемингуэй. — Когда вы заговорили о сквайре, я понял: быть беде. Вы же стали вспоминать былые деньки, когда были деревенским пареньком, возили навоз и ломали шапку перед сквайром.

— Вот еще! — возмутился хмурый подчиненный. — В жизни не возил навоз и ни перед кем не ломал шапку. Что мне было ломать, когда я ходил с непокрытой головой?

— Так вы из красных? Здесь лучше забыть о равенстве, это тупиковый путь. — Увидев, что инспектор тяжело дышит, он примирительно добавил: — Остыньте, Иов, поберегите свои сосуды!

— Почему Иов? — подозрительно спросил инспектор.

— Если бы вы читали Библию, то знали бы, что этот бедняга страдал ужасной болезнью. И много чем еще.

— Хочется узнать, от чего я страдаю!

— Главным образом, от меня.

Инспектор неуверенно улыбнулся:

— Вы начальник, сэр, мне не следует вам противоречить. Но я никак не пойму, что вам нравится в данном деле. По мне, либо оно окажется таким простым, что его вполне раскроет местный сержант, о ком вы высокого мнения, либо развернутся глубины, до которых нам ни за что не доырнуть.

— Я ценю качество. — Хемингуэй взял редиску. — Обстановка хороша, как и действующие лица, исключая поляка. Не каждый день происходит убийство в провинциальной среде приятных респектабельных людей. Снеттисхэм, конечно, и в Беллингэме раскопает кого-нибудь со списком судимостей длиной в вашу руку, он и окажется виновным, но пока что все выглядит заманчивее. Здесь есть возможности — назовем это так.

Инспектор нахмурился:

— Поляк — вам это не понравится! — и племянница, над которой потешается местный начальник полиции. От остальных я бы ничего не ждал. Только понять бы, почему начальник полиции проглотил язык, стоило Карсторну упомянуть Драйбека.

— Драйбек — его поверенный, играет с ним по выходным в гольф, — объяснил Хемингуэй.

— Вы знаете это от Карсторна, сэр?

— За милую долю видно, что начальник полиции водит дружбу с большинством замешанных в деле. Потому и поторопился вызвать нас. Я его за это не виню.

Харботтл сопровождал этот факт людского несовершенства удрученным покачиванием головы, однако спорить не стал, а снова погрузился в молчание. Складка между его бровями углубилась, потом он воскликнул:

— Есть в данном деле кое-что поразительное, шеф!

— Что именно? — осведомился Хемингуэй, не отрываясь от карты Торндена.

— Вроде бы установлено, что стреляли примерно от этого куста утесника. Откуда же убийца мог знать, что потерпевший любезно подставит ему свой профиль в саду именно в это время?

— Он этого не знал, — ответил Хемингуэй. — Вероятно, даже не предполагал, что ему повезет и Уорренби усядется в саду. Напрягите мозги, Хорас! Если преступник — кто-то из этих теннисистов, то он знал, что мисс Уорренби нет дома. Мы не ошибемся, если предположим, что он знал и о выходном служанки. Мог надеяться, что теплым июньским вечером Уорренби расположится в саду, но невелика важность, если бы он ошибся. Вы видели дом на фотографиях. Там высокие французские окна, которые в такой день наверняка были открыты. Время тоже не играло роли. Поляк здесь ни при чем: ему бы пришлось залечь часа на два, дожидаясь выхода Уорренби.

— Чем дольше я размышляю, тем больше прихожу к мысли, что преступление совершил человек, не присутствовавший на приеме, — сказал Харботтл. — Если это кто-то из них, то где лежала винтовка? Если бы играли в крикет, можно было бы заподозрить, что она ждала своего часа в крикетной сумке. Но что надо принести на теннис, чтобы спрятать там винтовку?

— Ничего! Вы на правильном пути, Хорас, но ответ прост. Если убийца был на приеме, то, хорошо зная местность, припрятал оружие где-то между участками Хасуэллов и Уорренби, чтобы в нужный момент забрать его из тайника. Вам, сельскому жителю, полагается знать, что это совсем нетрудно, когда вокруг заросли, живые изгороди и каналы. Лично я отдал бы предпочтение канаве: в это время года к вашим услугам высокая трава, шиповник — выбор велик!

— Верно, — согласился Харботтл. — Если все было так, как вы описываете...

— Скоро увидим. К шести часам Карсторн заедет за нами и отвезет в Торнден. Со вчерашнего дня его сотрудник сторожит Фокс-Хаус, но мисс Уорренби хочет, чтобы его поскорее убрали из-за служанки, отказывающейся находиться под одной крышей с полицейским. Хороша репутация у полиции в этих краях!

— Людям не нравится полиция у них дома, — серьезно объяснил инспектор. — Это нереспектабельно.

— Вот взгляну сам на место преступления, посмотрю бумаги в столе убитого — и он удалится. Не хочется лишать девушку служанки, даже если она убила своего дядюшку. У Уорренби был адвокат в Лондоне, ограничившийся одним составлением его завещания. Сейчас он удит рыбу в Шотландии. Начальник полиции графства говорил с его клерком и с мисс Уорренби, которая сообразила, что ее дядя не возражал бы, чтобы мы исполнили свой долг. Выманить эту птичку из Шотландии нет необходимости, без нее обойдемся.

— А завещание?

— Оно лежало в сейфе Уорренби у него в конторе. Как сказал полковнику клерк, лондонский юрист — один из душеприказчиков покойного. Второй — мисс Уорренби. Все просто. Завещание вскрыли в ее присут-

ствии. Так же, при ней, я смогу ознакомиться с бумагами. Закончим в Фокс-Хаусе — нанесем визит мистеру Драйбеку. Не хочу являться завтра к нему в контору для запроса, возникнет скандал.

Этот план был приведен в действие. В назначенный час прибыл в полицейской машине сержант Карсторн, и уже через двадцать минут старший инспектор любовался деревней Торнден. На общинном выгоне играли в крикет: поле для игры находилось на его ровном участке около триндейлской дороги. В самой деревне было по-воскресному тихо. Сержант подъехал к перекрестку, чтобы показать Хемингуэю место, где от Хай-стрит отходит Вуд-лейн, после чего развернулся и поехал обратно, на Фокс-лейн.

Прежде чем войти в сад Фокс-Хауса, троица, выйдя из машины, поднялась на бугор посреди выгона, к кустам утесника. Оттуда открывался вид далеко на восток, в направлении Беллингэма. Там тоже росли кусты утесника, было много ежевики, кое-где виднелись деревца — в основном березы. На севере, у хоуксхэдской дороги, тянулась ограда недавно устроенного сквайром, как узнал Хемингуэй от сержанта, гравийного карьера. Выгон оказался не коронной землей, а манориальной пустошью.

— Все здешние земли раньше принадлежали Эйнштейблам, кроме земель Пленмеллеров к западу от деревни, — объяснил сержант. — Но вы ведь знаете, как вели себя люди этого пошиба после Первой мировой войны. Говорят, молодому Пленмеллеру не до земли. Поглядел я на него и вижу, что ему вообще не до чего. Иное дело — сквайр. Таких называют «старая школа». Он не успокоится, пока жив, а вот после смерти перспективы выглядят неважно, потому что его наследник не станет стараться так, как он. На последней войне он потерял сына. Гово-

рят, поместье отойдет то ли племяннику, то ли кузену, который сюда носа не кажет. А как иначе, раз живешь в Йоханнесбурге? Это будет непривычный для Торндена сквайр. Надо отдать должное мистеру Эйнштейблу: как ни подкосила его смерть сына, он не опустил руки. Он из тех, кто не гнется: делает все, что может. Карьер вырыл, чтобы были средства на поместье. Вон там новые посадки: ему пришлось вырубить и продать много леса.

Хемингуэй кивнул:

— Таких людей осталось немного. — Он отвернулся и стал рассматривать сад Фокс-Хауса. — Что ж, попасть отсюда в цель было нетрудно. — Он заметил кресло под деревом, потом дорожку и приступку, которой она заканчивалась.

— Если пригнуться, от приступки ничего не видно, — подсказал сержант.

— Действительно. Что там дальше, за лесом?

— Роща Хасуэлла. Тропинка вьется вокруг нее. Раньше от выгона до самого луга викария рос лес. Отсюда не разглядеть, это за участком Фокс-Хауса. Прошло уже, конечно, много лет, но, говорят, старые деревья остались с той поры. Поневоле задумаешься, верно?

Старший инспектор задумался, но не уточнил, о старом лесе или о чем-то другом. Несколько минут он молча смотрел по сторонам, а потом коротко бросил: «Идемте!» — и спустился на дорожку. Массивная сводчатая дверь Фокс-Хауса была по-деревенски распахнута, так что можно было разглядеть холл и резную лестницу за ним. Пол холла из черного дуба был устлан двумя персидскими коврами. Под окном напротив входной двери стоял старый сундук, посередине — перекошенный колченогий столик, вдоль стен — стулья эпохи короля Якова I с высокими спинками. Несколько охотничьих картинок завершали интерьер, больше свидетель-

ствовавший о некоей отошедшей эпохе, чем о личности владельца.

— Уорренби пополнял интерьер небрежно, тем, что попадалось на глаза, — произнес сержант. — Правда, в Лондоне был человек, который ему подсказывал.

У двери висел железный колокольчик. Сержант не удержался и дернул его. Эффект был мгновенным и неожиданным. Раздался истошный лай, и из полуприкрытой двери слева выскочили две мелкие, зато решительные защитницы рыжевато-коричневой масти. Одна стала грозно насакивать на пришельцев, другая, при более пристальном рассмотрении оказавшаяся кобелем преклонных лет, довольствовалась тем, что осталась стоять, хрипло погавкивая.

— Фу, ребятки! — послышался женский голос. — Как не стыдно? Назад, к мамочке!

— Миссис Миджхолм, — прошептал сержант.

Его взгляд, обращенный на Хемингуэя, был полон значимости, но объяснить охвативший его ужас он не успел: из гостиной выплыла миссис Миджхолм.

— О, полиция! — воскликнула она. — В воскресенье! Удивительно!

— Добрый день, мадам. Знакомьтесь: старший инспектор Скотленд-Ярда Хемингуэй, инспектор Харботтл. Они хотят увидеть мисс Уорренби.

— Скотленд-Ярд! — произнесла миссис Миджхолм, как выплюнула, явно не видя существенной разницы между этим учреждением и гестапо. — Бедное дитя!

— Совершенно верно, мадам, — примирительно промолвил Хемингуэй. — Собственно, мне нужно только заглянуть в бумаги и задать пару вопросов. Не беспокойтесь, я не стану ее огорчать!

— Что ж, — вздохнула миссис Миджхолм, — если без этого не обойтись, то я буду настаивать на своем присут-

ствии. Она осталась одна в целом свете, перенеся страшное потрясение. Я отказываюсь ее бросать!

— Уверен, это делает вам честь. Не возражаю. — Хемингуэй нагнулся, чтобы погладить пожилого пекинеса, нюхавшего его ботинок. — Ты такой красавчик!

Пекинес сердито взглянул на него и зарычал. Однако Хемингуэй знал на собачьей спинке местечко, почесывание которого приносит наибольшее удовольствие, поэтому песик прекратил рычать и даже помахал распушенным хвостом. Это растопило суровое сердце миссис Миджхолм.

— Вы ему понравились! — вскричала она. — Улисс! Обычно он не терпит прикосновения чужих. Значит, такие полицейские тебе по сердцу, мой бесценный? Фу, Унтиди! Не позволяйте ей приставать!

Собачка более юных лет, вдохновленная дедушкиным примером, перешла от лая к восторженным приветствиям, обращенным к старшему инспектору. Сержант Карсторн возмущенно засопел, но поведение старшего инспектора не позволяло предположить, что он приехал в Торнден с какой-либо иной целью помимо восхищения пекинесами миссис Миджхолм. Не прошло и нескольких минут, как Хемингуэй и миссис Миджхолм подружились. Он уже сумел бы успешно сдать экзамен по предмету «достоинства Улисса, количество выигранных им призов и поголовье зачатых им призеров выставок». На волне благосклонности Хемингуэй был наконец допущен в гостиную. Там в кресле с подголовником сидела, сложив руки на коленях, Мэвис Уорренби. Не принадлежа к тем, кто считает свой гардероб неполным без как минимум одного черного платья, она не смогла одеться должным траурным образом. Компромисс представлял собой серое платье, которое совершенно ей не шло. При появлении полиции Мэвис

встала и, бросив на миссис Миджхолм взгляд преданного спаниеля, выдавила:

— Что такое?

— Не надо волноваться, моя дорогая! — подбодрила миссис Миджхолм. — Два детектива из Скотленд-Ярда, только и всего. Очень обходительные. Но я побуду с тобой.

— Как я вам благодарна! Простите, я такая глупенькая! — заговорила Мэвис, покосившись на Хемингуэя. — Наверное, это потому, что на меня слишком много навалилось. Конечно, я знала, что без вопросов не обойдется, и сделаю все, чтобы вам помочь. Это мой долг.

И, обходясь почти без наводящих вопросов, Мэвис отчиталась обо всех своих действиях накануне, не забыв о том, как тревожно ей было оставлять ныне покойного мистера Уорренби одного, и о том, как она жаловалась миссис Хасуэлл на позднее время. Мисс Уорренби рассказывала все это не в первый раз, история обросла второстепенными подробностями, и она почти убедила себя, что уходила из дому с дурными предчувствиями. Впрочем, в двух важнейших пунктах история не отличалась от поведенной сержанту Карсторну: Мэвис не знает никого, у кого была бы причина убить ее дядю. Когда внезапно раздался выстрел, она никого не видела.

— Понимаете, — бесхитростно заявила Мэвис, — то, что я никого не видела, для меня облегчение. Дядю все равно не вернуть. Я предпочитаю не знать!

— Да, — кивнула миссис Миджхолм. — Но ты же не хотела бы, чтобы убийца твоего дяди остался безнаказанным? Да и мы не можем позволить, чтобы по нашей любимой деревне разгуливал душегуб! Никто глаз ночью не сомкнет. Я не верю, будто можно что-то утаить. Перед вашим приходом, инспектор, мы с мисс Уорренби как раз обсуждали, кто бы мог это сделать.

— Не думаю, что это подобающие разговоры, — возразила Мэвис.

— Прошу меня извинить, — произнес Хемингуэй, — но вы ошибаетесь! Если кого-то подозреваете, то ваша прямая обязанность сообщить мне об этом.

— Я никого не подозреваю. Даже не представляю, кто бы это мог быть!

— Не преувеличивай, Мэвис! — одернула ее миссис Миджхолм. — Одно дело хранить верность памяти дяди — хотя у тебя нет для этого причин, но, уверяя инспектора, что у твоего дяди не имелось врагов, ты грессишь против истины, зная, что враги были! Я не утверждаю, что он сам был в этом виноват — хотя кто же еще? — однако от фактов никуда не денешься. Видит бог, я не склонна сплетничать про соседей, но не возражала бы узнать, к примеру, куда отправился от Хасуэллов Кенелм Линдейл. Эти Линдейлы всегда были мне подозрительны. Они ведь как живут? Ни к кому ни ногой, в жизни торнденского общества не участвуют. Сколько миссис Линдейл ни твердит, что не может отойти от своей малышки, я уверена, что это высокомерие. Как только они поселились на ферме Рашифорд, я сразу же нанесла им визит и всячески выказывала дружелюбие, но миссис Линдейл намекнула, что без приглашения мне на ферме лучше не появляться.

— Со мной она всегда была очень приветлива, — промолвила Мэвис.

— Я не упрекаю ее в невежливости, но разве от нее чего-нибудь добьешься? — не унималась миссис Миджхолм. — Я спрашиваю ее о родителях, откуда она родом, давно ли замужем — все без толку. Уклончивость — вот как это называется. Я тогда еще заподозрила: ей есть что скрывать. Для девушки — а кто она еще по сравнению

со мной? — неестественно избегать разговоров о родне. И вот что я вам скажу... — Она пристально посмотрела на Хемингуэя. — У них никто никогда не гостит. Ее или его родители, сестра... Но нет, никого! Ни разу!

— Может, они умерли? — предположил Хемингуэй.

— Все до единого? — возмутилась миссис Миджхолм. — Людей совсем без родни не бывает.

— Не надо так, миссис Миджхолм! — взмолилась Мэвис. — Теперь, когда не стало бедного дяди, у меня тоже не осталось родственников. Я не знаю ни одного!

— Ты не замужем, дорогая.

Старший инспектор изъявил желание просмотреть в присутствии мисс Уорренби бумаги покойного.

— Мне обязательно при этом находиться? — пискнула Мэвис, ежась. — Уверена, дядя не хотел бы, чтобы я рылась в его столе.

— Вряд ли при жизни он допустил бы до своего стола кого-нибудь из нас, — заметил Хемингуэй. — Насколько я понимаю, вы — его душеприказчица. Лучше вам за мной проследить.

Мэвис послушно встала.

— Когда полковник Скейлз сказал мне об этом, я ушам своим не поверила! Понятия не имела, что дядя собирался назначить меня. Боюсь, я не знаю своих обязанностей, но так тронута, что сейчас расплачусь...

И Мэвис побрела через холл в большую светлую комнату — кабинет Уорренби. На пороге она задержалась, слабо улыбаясь Хемингуэю.

— Вы сочтете меня дурочкой, но до чего же я не люблю заходить в эту комнату! Знаю-знаю, это произошло не здесь, но все равно... Тут я невольно начинаю искать его. Хочу побыстрее избавиться от того садового кресла. Полиция не возражает? Ведь без вашего разрешения нельзя трогать ничего.

— Я не возражаю. Ваше желание убрать кресло вполне естественно, — ответил Хемингуэй, входя в кабинет и озираясь.

— Кресло наводит меня на зловещие мысли, — объяснила Мэвис, вся дрожа. — Дядя редко сидел на открытом воздухе. На самом деле это было мое любимое место. Подумать только: если бы не жара, дядя вряд ли пошел бы работать в сад и ничего бы не случилось!

Старший инспектор, уставший от этих безобидных глупостей, издал звук, означавший согласие, и кивнул констеблю, читавшему газету.

— Я решил оставить дежурного до вашего прихода, сэр, — доложил сержант Карсторн. — Из-за телефона комнату нельзя было запечатать, он один на весь дом.

При виде телефонного аппарата на письменном столе Сэмпсона Уорренби старший инспектор прищурился. Он не сомневался, что мисс Уорренби неоднократно приходилось бывать в комнате после гибели дяди. Мэвис, словно читая его мысли, промолвила:

— Я успела возненавидеть звук телефонного звонка.

В комнате подмели и вытерли пыль. Она сияла чистотой, бумаги на столе Сэмпсона Уорренби были собраны в одну стопку и перевязаны красной ленточкой, все ящики стола опечатаны. Сержант объяснил, что раньше бумаги валялись на столе и не разлетелись разве что благодаря стоявшему на них лакированному подносу с несколькими карандашами и авторучкой со снятым колпачком.

Хемингуэй кивнул и опустился в кресло у стола. Мэвис при виде этого святотатства отвела взгляд.

— Ну, мисс Уорренби, можно мне попробовать выяснить, нет ли здесь чего-то, относящегося к делу? — спросил он, разрезая ленточку.

— Да! Хотя я уверена, что ничего такого нет. Мне бы очень хотелось, чтобы все это оказалось случайностью,

и чем дальше я думаю, тем больше верю, что так оно и было. Тут постоянно палят по кроликам, дядя даже жаловался на это мистеру Эйнстейблу и предлагал запретить охоту на общинной земле. А браконьеры? Вы не считаете, что это мог быть несчастный случай?

Хемингуэй, не склонный вступать в спор, ответил, что пока не успел составить собственное мнение. Он быстро проглядел документы, касавшиеся многомесячных стараний некоего землевладельца прогнать арендатора. Письма, найденные у ног застреленного Сэмпсона Уорренби, были написаны тем же самым арендатором, видимо, еще до привлечения к тяжбе Уорренби: к ним были прикреплены копии язвительных писем самого землевладельца. Арендатор опирался на законы об ограничении арендной платы, и желчность его переписки с арендодателем с каждым разом усиливалась. При этом Сэмпсон Уорренби выступал всего лишь в роли юридического представителя землевладельца, и было трудно представить, что здесь могло послужить причиной для убийства.

Хемингуэй отложил бумаги и занялся содержимым ящичков стола. Один из них был полон россыпями зажимов, скрепок, кнопок и карандашей, два других содержали канцелярские принадлежности в нераспакованном, нетронутым виде. Еще один ящик отведен под коллекцию конвертов, два ящика отданы под счета и квитанции, под ними был ящик с бухгалтерскими книгами и использованными чеками. В четвертом, нижнем, лежали банковские выписки. Свою переписку Сэмпсон Уорренби доверил верхнему ящичку. В отличие от других ящичков в нем царил беспорядок. Прежде чем приняться за его содержимое, Хемингуэй окинул ящик любопытным взглядом.

— Мисс Уорренби, дядя был аккуратным человеком?

— О, да! Терпеть не мог, когда что-то лежало не на месте.

— Понятно. Если не возражаете, я это заберу, чтобы покопаться. Тогда у вас в доме не будут толпиться полицейские. Вам все обязательно возвратят. — Он встал. — Займитесь этим, Харботтл. Какие еще бумаги есть в доме, мисс Уорренби? В доме имеется сейф?

— Нет. Дядя держал все свои важные бумаги на работе.

— В таком случае не буду больше вас отвлекать.

Мэвис проводила Хемингуэя обратно в холл, где к ним присоединились миссис Миджхолм вместе с собачками. Деликатность не позволила миссис Миджхолм находиться с ними в кабинете, но было видно, что ее пожирает любопытство. Она бы дорого заплатила, чтобы выпытать у старшего инспектора, нашел ли он отгадку, но ей помешала некстати появившаяся мисс Паттердейл. Ее сопровождал неуклюжий четвероногий друг, что вызвало шумную суматоху: миссис Миджхолм испуганно заверещала, а обе Ультимы набросились на лабрадора — Улисс самым беспардонным образом, Унтиди как бесстыдная кокетка. Рекс при всем своем добродушии не проявлял к Ультимам никакого интереса, но миссис Миджхолм не отпускал страх, что однажды ему надоест их назойливость и им не поздоровится. Когда ей удалось наконец отловить своих любимиц, Мэвис успела объяснить мисс Паттердейл, что незнакомец — детектив из Скотленд-Ярда. Мисс Паттердейл, самоотверженно стиснув глазницей стекло, оглядела его с ног до головы и заявила, что сожалеет об этом.

— Так и знала, что возникнут неприятности, — заявила она. — Конечно, я ни при чем, но надеюсь, что вы не устроите в Торндене скандал?

— Что вы, мисс Паттердейл! Уверена, причин для скандала нет, — заверила Мэвис.

— Вздор! В жизни любого человека найдется нечто такое, что он желал бы скрыть. Как вас зовут?

— Старший инспектор Хемингуэй, мадам. Согласен, в ваших словах немало правды. Тем не менее мы стараемся соблюдать сдержанность.

— Что до меня, — вмешалась миссис Миджхолм, — то я часто называю свою жизнь открытой книгой. Пусть любой ее читает, даже полицейские!

— Вряд ли у полиции есть даже крупица желания этим заниматься, — сказала мисс Паттердейл, верно истолковав чувства старшего инспектора. — Я заглянула узнать, как ты себя чувствуешь, Мэвис, и пригласить ко мне поужинать. Абби ушла к Хасуэллам.

— Я здесь с той же целью! — воскликнула миссис Миджхолм, удивленная совпадением. — Лайон с радостью проводил бы ее обратно, но разве она проявит благоразумие и согласится? Нет же!

— Вы обе чрезвычайно добры, — промолвила Мэвис, — однако сегодня я побыла бы одна дома.

— Оставляю тебя с мисс Паттердейл, — произнесла миссис Миджхолм, сообразив, что Хемингуэй собирается уйти, и решив увязаться за ним.

С Ультимами под мышками она вышла вместе с ним в сад, загадочно заявив, что у нее есть для него важное сообщение.

— Я не могла говорить об этом при мисс Уорренби и тянула время, пока не осталась с вами с глазу на глаз, — доверительно начала она.

Сержант переживал из-за того, что не успел предостеречь Хемингуэя о заведомом отсутствии у миссис Миджхолм сведений, представляющих хоть малейший интерес. Тот адресовал Хардботтлу выразительную гримасу, но угрюмый полицейский отделался ухмылкой и покачал головой.

Ободренная вопросительным взглядом Хемингуэя, миссис Миджхолм заговорила:

— Я несколько не сомневаюсь, кто стрелял в Уорренби. Один из двоих — но хотя я всегда считала Делию Линдейл суровой особой, застрелить человека она вряд ли смогла бы. Не люблю я людей с бледно-голубыми глазами, но мне не хотелось бы, чтобы у вас возникла мысль, будто я подозреваю Делию! Нет, это ее муж! Более того, если это он, то, уверена, она знает. Сегодня утром я к ней заглянула, просто поболтать, но стоило мне открыть рот, как она постаралась поменять тему. Мне показалось, будто Делия сильно взволнована, даже напугана. Говорила как-то неестественно и не могла оставаться спокойной даже пять минут. То ей казалось, что плачет ее дочь, то возникала необходимость что-то сказать миссис Мертон, приходящей домработнице. Я сразу подумала: здесь что-то не так. — Она немного помолчала и неожиданно сказала: — Но я совсем о другом... Может, это и Кенелм Линдейл. А вдруг другой, Ладислас Зама-не-помню-как-там дальше?

— Я все ждал, когда всплывет его имя, — любезно отозвался Хемингуэй.

— Я не могла его упомянуть при мисс Уорренби, потому что бедняжке он очень нравится. Я всегда считала, что он ей не пара, а уж если это он убил мистера Уорренби, то и подавно.

— Если это его рук дело, мадам, то ему не удастся жениться на мисс Уорренби. Но почему вы подумали на него?

— Если бы вы знали, как он преследует Мэвис, то не спрашивали бы, — хмуро ответила миссис Миджхолм.

— Бесспорно, но я, видите ли, новичок в ваших краях.

— Именно поэтому я с вами совершенно откровенна. Мой муж говорит, что словами делу не поможешь, но я

с ним не согласна. Наш долг рассказать полиции все. Я знаю, что Сэмпсон Уорренби никогда не одобрил бы этот брак. Он запретил племяннице встречаться с Ладисласом. Если бы Уорренби догадался, что она втайне от него продолжает с ним видаться, то с молодым человеком было бы покончено!

— Думаете, тот решил стрелять?

— Нет, так далеко я не захожу. Не сомневаюсь, что он на это способен, но слишком умен и хитер. Он лишился бы работы и был бы вынужден уехать отсюда. Не спрашивайте, как Уорренби это устроил бы! Ладислас не мог не догадываться, что дядя оставит свои деньги племяннице. Кстати, в тот день поляка видели в том проулке! Если он не знал, что мисс Уорренби ушла к Хасуэллам, то остается лишь развести руками. Получается, он там был и имел мотив. Вот я и спрашиваю: чего вам еще?

— Кое-чего все-таки недостает, — заметил Хемингуэй. — Я вам очень признателен и запомню все сказанное вами. В чем там извалялась Ультима Унтиди?

Хитрость сработала. Миссис Миджхолм, спустившая своих Ультим на землю за пределами сада, с криком устремилась к Унтиди. Старший инспектор поспешно прыгнул в машину к своим коллегам, и они уехали.

Глава 7

Сержант озабоченно проговорил:

— Простите за миссис Миджхолм, сэр, и за напрасную трату времени. Знал бы — предупредил бы вас заранее.

— Вот это и было бы напрасной тратой времени, — подал голос с переднего сиденья Харботтл. — Шеф любит болтунов.

Это было сказано безнадежным тоном человека, вынужденного терпеть слабость, которую не одобряет.

— Действительно, люблю, — радостно подтвердил Хемингуэй. — Никогда не знаешь, что они выболтают. От миссис Миджхолм я узнал много важного.

— Неужели, сэр? — недоверчиво спросил сержант.

— А как же! Например, приехав в Торнден, я не различал пекинесов, а теперь я специалист. На пенсии может пригодиться.

Сержант усмехнулся:

— Ее собачонки выигрывают много призов.

— У меня отличная память, и мне не нужно ни о чем напоминать. — Переведа дух, Хемингуэй продолжил: — Собственно, я имел в виду не пекинесов. И не поляка. Меня заинтересовал ее рассказ про Линдейлов.

— Разве все это сказано не со зла, сэр?

— Вы правы, она их не любит, но злобной я бы ее не назвал. Вряд ли в словах миссис Миджхолм о них была неправда. Вы считаете, что ее болтовня кого угодно выведет из себя. Сам я был готов повеситься, все это выслушивая. Хотя это так по-людски — от души поболтать на такую тему! Зная, конечно, что ты на стороне добра. Что известно про Линдейлов?

— Почти ничего, сэр. Вроде спокойные уважаемые люди, общаются с другими мало, но иного от них и не следует ждать. У мужа полно дел на ферме, у жены маленький ребенок и только одна приходящая домработница.

— Ясно, — кивнул Хемингуэй. — А как насчет того, что у них никто никогда не ночует?

— Не знаю... — протянул сержант. — Что об этом скажете вы, сэр?

— Я тоже не знаю. Но, думаю, к ним следует приглядеться. Возьмите это на себя, Хорас. Если Линдейл был

членом Фондовой биржи, о нем будет нетрудно навести справки.

— Сэр, — сержант нахмурил брови, — Уорренби знал что-то компрометирующее Линдейла и шантажировал его?

— Судя по всему, это были бы проказы в его духе.

— Но зачем?

— Неизвестно. Может, он его не шантажировал. Вдруг он пронюхал про Линдейла какую-то гадость, и тот его застрелил, чтобы информация не просочилась? Зависит от того, какие это были сведения и что за человек Линдейл.

— Это не в его стиле, — заметил сержант.

— Возможно, вы правы, — сказал старший инспектор, когда машина остановилась перед домом Драйбека. — Но однажды я арестовал старого дедушку, милого и доброго. Казалось, он мухи не обидит. Не знаю, как он обходился с мухами, дело было в холодное время года. Арестовал я его за то, что он всадил кинжал в спину родному брату.

После этих воспоминаний он вылез из машины и зашагал по дорожке к двери Драйбека.

Был уже восьмой час, и Драйбек, чья экономка ввела категорический запрет на обильные поздние обеды, скучал над тоскливым воскресным ужином в виде ветчины, салата и заварного крема. Неудивительно, что он с облегчением оторвался от трапезы. Услышав, что к нему пожаловали двое из Скотленд-Ярда, Драйбек бросил салфетку и поспешил в холл, навстречу гостям.

— Я ожидал сотрудников уголовного розыска, — начал он. — Шокирующая история, старший инспектор! Могу утверждать, что в истории нашего прихода такого не было. С радостью окажу вам любое содействие. Вам нужно узнать о моих занятиях во время этого события?

Это естественно. К счастью, я не жалуясь на память, она у меня безупречная — спасибо юридической практике.

И он почти в тех же словах, что в первый раз, повторил рассказ, который слышал от него сержант Карсторн.

— Вы не слышали первого удара гонга, сэр? — спросил Хемингуэй.

— Нет, не слышал, но ничего удивительного в этом нет. С вашего разрешения мы проведем эксперимент с гонгом. Если сержант Карсторн останется здесь и вскоре ударит в него вполсилы — по словам Эммы, в первый раз она ударила именно так, считая, что я в доме, — а мы втроем будем находиться в той части сада, где я тогда поливал грядки, то старший инспектор сам убедится, слышно ли оттуда гонг.

— По-моему, это излишне, — заметил Хемингуэй.

— Простите, но я настаиваю, чтобы вы удостоверились в правдивости моих слов, — заявил Драйбек и повел полицейских в задний сад.

— Мои владения невелики, — рассказывал он по пути, — но обратите внимание на разделяющие их на сектора живые изгороди. Вот эта отделяет огород, а та, к которой мы подходим, обозначает мой маленький розарий. Вот тут, джентльмены, занимаясь поливом, я услышал гонг на ужин. Войдем!

Он посторонился и поманил их под арку в высокой тисовой изгороди, на чудесный квадрат земли, разделенный на клумбы с розами, между которыми пролегли узенькие травяные дорожки. Посередине розария располагался искусственный пруд. Окинув свои владения горделивым взглядом, Драйбек произнес:

— Вы оказались здесь в самое лучшее время. Замечательный год для роз! Вам нравятся красные, старший инспектор? Они — мои любимые, «Слава Голландии».

— Удивительно, сэр! — воскликнул Хемингуэй. — Редкая по красоте экспозиция! А вот и гонг!

— Я ничего не слышал! — удивился Драйбек.

— Я тоже, — признался Харботтл. — Никакого отчетливого звука.

— Вам почудилось! — возразил Драйбек, готовый к конфликту. — Я не считаю себя тугим на ухо, вовсе нет!

— У меня слух отменный, сэр. Более того, я ждал и прислушивался. Готов поверить, что вы были заняты с розами и не услышали гонга. Я думал так с самого начала, но рад, что побывал здесь. — Он шагнул к клумбе с розами сорта «Бетти Апричард». — Я видел неплохие розы в Фокс-Хаусе, но с вашими ничего не сравнится!

— Охотно верю, — кивнул Драйбек. — Боюсь, мой друг, Уорренби не обращал на такие вещи должного внимания.

— Вы хорошо его знали, сэр?

— Нет! Не претендую на большее, чем просто знакомство. Откровенно говоря, я не считал его приятным человеком, который мог бы тут прижиться.

— В общем, он не пользовался здесь популярностью, — заметил Хемингуэй.

— Да. Я бы удивился, узнав, что он нравился хотя бы кому-то во всем Торндене. Но вы должны правильно меня понять, старший инспектор! Я льщу себе, что неплохо знаю Торнден, так вот, в моем кругу нет никого, у кого была бы малейшая причина совершить ужасное преступление — убить его! Хорошо, что вы меня навестили! В деревне чешут языками, и я шокирован долетевшими до меня слухами. Их распускают безответственные люди. Кое у кого разыгралось воображение. Но вам, опытному человеку, скажу, что это дело не представляет особой сложности, фантастические предположения излишни.

— Рад этому, — произнес Хемингуэй. — Раз так, я, возможно, сумею раскрыть его.

— Боюсь, вы найдете его даже слишком простым. Я ломал над ним голову, подойдя к задаче как к шахматной. Моя версия — как же мне не хотелось к ней приходить! — заключается в том, что все указывает в одну-единственную сторону. Возможность и мотив были только у одного человека — племянницы убитого!

У инспектора Харботтла отвисла челюсть.

— Даже не учитывая того факта, что женщины редко прибегают к огнестрельному оружию...

— Это, — перебил его Драйбек, — говорят всякий раз, когда женщина использует огнестрельное оружие.

— Я в жизни не видел менее похожую на убийцу женщину!

— Разве ваш опыт, инспектор, свидетельствует, что преступники обоего пола всегда похожи на убийц? Уверен, мисс Уорренби чрезвычайно умна.

— А вот это уже представляет интерес! — оживился Хемингуэй. — Должен сознаться, что на меня она подобного впечатления не произвела.

Драйбек усмехнулся:

— Не сомневаюсь, она произвела на вас впечатление особы, придавленной гибелью любимого родственника. Чепуха, старший инспектор! Вздор и пустая болтовня! Мэвис утверждает, что Уорренби спас ее от нищеты, когда она была ребенком. Чтоб вы знали, она прожила с ним около трех лет. Он предложил ей кров после смерти ее матери, и она согласилась, хотя, насколько мне известно, располагает небольшим собственным доходом и уже достигла возраста, когда могла бы сама зарабатывать на жизнь. Несомненно, у нее имелись свои основания предпочесть место бесплатной экономки и прислуги в дядином доме. Разве теперь не очевидно, что

подобные основания у нее действительно были? Если верить слухам, в последнее время Мэвис увлеклась молодым поляком, гоняющим на шумном мотоцикле. Излишне говорить, что в деревне популярна версия, что вина лежит на нем. Но я считаю данную версию несостоятельной. Если молодой человек и наведаясь в Фокс-Хаус в роковое время, я не могу поверить, что он ждал до семи тридцати, а потом выстрелил в Уорренби. Сами посудите! Уорренби находился в доме один. Не только входная дверь, но и окна на первом этаже были распахнуты. Зачем ему было ждать, пока Уорренби выйдет в сад?

— Действительно, зачем? — подхватил Хемингуэй.

— Тренированный ум отвергает эту версию, — продолжил Драйбек, махнув рукой. — Давайте размышлять дальше. Проанализируем историю, рассказанную мисс Уорренби, пункт за пунктом.

— Если вам все равно, сэр, то я, сделав это за сегодня уже дважды и считая ее крайне поучительной...

— Она покидает «Кедры» одна, через садовую калитку, — продолжил Драйбек, отмечая все попытки остановить его и тыча пальцем в Хемингуэя. — С одной стороны, она неоднократно повторяет нам, что переживает, оставив дядю одного, а с другой — пересиживает в «Кедрах» остальных гостей, не считая миссис Клиберн. А потом еще делает так, чтобы по пути домой ни с кем не столкнуться. Говорит, мол, перелезла через приступку, миновала дорожку и вошла в Фокс-Хаус через переднюю калитку. Может, так и было, но лично я склоняюсь к мнению, что Мэвис приблизилась к дому сзади. Участок отделен от тропинки живой изгородью, тянущейся между ним и той рощицей, что примыкает к «Кедрам», — это препятствие вполне преодолимо. Мэвис могла вынести из дома дядину винтовку так, чтобы он

не знал. Убедившись, что дядя расположился в саду, Мэвис тем же путем вернулась на тропинку. И только после этого перешагнула через приступку.

— При этом мы допускаем, что у ее дяди имелось ружье, — напомнил Хемингуэй. — Если ружья не было, то ваша версия несостоятельна. Было или нет?

— Я не знаю, имелась ли у него винтовка, — ядовито проговорил Драйбек. — Хотя оружие калибра 0,22 — обычная вещь в сельском доме.

Инспектор Харботтл мрачно взглянул на него и прищурился, а Хемингуэй продолжил:

— Допустим. Учтите, это еще не установлено, но впереди у нас много времени.

— Ага! — торжествуя воскликнул Драйбек. — Вы забываете одно важное обстоятельство, старший инспектор. Если мы соглашаемся, что Уорренби застрелили в семь двадцать — а я не вижу причин сомневаться, — то где находилась мисс Уорренби перед тем, как прибежала к мисс Паттердейл?

— Кстати, когда это произошло? — спросил Хемингуэй.

— К несчастью, точно определить невозможно, но мои поиски позволяют сказать, что прошло не менее четверти часа. Мисс Уорренби совершила непростительную ошибку, правильно назвав время, когда, по ее собственным словам, она «услышала выстрел». Прежде чем бежать к мисс Паттердейл, необходимо было избавиться от орудия преступления.

— Малышка лишилась чувств, что неудивительно! — вставил Харботтл.

— Ерунда, Хорас! Она закапывала винтовку в грядке со спаржей! Знаете, сэр, я очень вам признателен. Вы все объяснили! Теперь я знаю, куда поворачивать, если вдруг забреду в тупик. А пока не стану больше отрывать вас от ужина.

После этого Хемингуэй, вытолкав возмущенного Харботтла из розария и простившись с Драйбеком, сел в машину к сержанту Карсторну.

— Куда теперь, сэр? — спросил тот.

— Какое здесь наливают пиво? — поинтересовался Хемингуэй.

— Хорошее. Можно выбрать любую марку.

— Значит, едем туда. Инспектор немного удручен, надо привести его в чувство.

— А то вы не знаете, что я не беру в рот спиртного! — буркнул Харботтл, подсаживаясь к шефу.

— Кто говорит про спиртное? Детям — оранжад, скажите спасибо и за это.

— Перестаньте, сэр, прошу вас!

— Вам удалось выжать из Драйбека что-нибудь важное? — спросил сержант.

— Еще бы! Исчерпывающую историю преступления! — радостно сообщил Хемингуэй. — Ума не приложу, зачем вам понадобились мы с Харботтлом, когда у вас есть Драйбек? У него тренированный ум, и с его помощью он легко раскрыл преступление.

— Тренированный ум? Можно подумать, у вас не такой, шеф!

— В том-то и дело, что совершенно не такой! — жизнерадостно откликнулся Хемингуэй.

— Я чуть с ума от Драйбека не сошел! — пожаловался инспектор. — От него и от его тренированного ума. Большой у него ум, вот что! Это же надо: бросить тень подозрения на невиновную юную леди!

— Она вам приглянулась? — спросил Хемингуэй. — А мне, честно говоря, нет.

— Не станете же вы утверждать, что такая нежная малышка может иметь к преступлению какое-то отношение? — воскликнул инспектор.

— Нет. Я другое скажу — это вас не покоробит: нужно на все смотреть непредвзято! В речах Драйбека много смысла, если не учитывать, что он все это несет от испуга.

— Да уж, напуган он сильно!

— Естественно. Вы бы на его месте тоже боялись. Убил он Уорренби или нет, не знаю, но Драйбек доказал себе, что мог бы это сделать. Теперь мне необязательно доказывать это самому.

— Он допустил как минимум одну оплошность, — заметил инспектор. — Откуда ему известно, что Уорренби застрелили из винтовки калибра 0,22?

— А вы уже решили, что он знает это, поскольку сам стрелял? Может, и так, но я не удивлюсь, если тем же самым знанием владеет вся деревня.

— Если так, то виноват доктор Уоркоп, — сказал сержант, внимательно их слушавший. — Или дурень Хобкирк. Они так довольны своей осведомленностью и собой, что я не удивлюсь, если они не держат язык за зубами. Попробуй собрать все оружие этого типа теперь, когда многие предупреждены! Надо было заняться этим сразу, как только у нас появилась пуля.

— Не огорчайтесь! — посоветовал Хемингуэй. — Если птичка, которую мы ловим, не вылетела из окошка Бродмурской лечебницы для маньяков, то у вас был шанс собрать только самые невинные стволы. Лучшее, на что можно надеяться, — найти бывшего владельца такого ружья, который его куда-то задевал. Куда мы, собственно, приехали?

— В бар «Красный лев», сэр, — напомнил водитель.

— Идемте, Хорас! Послушаем, что говорят об этом ужасном преступлении местные жители. Вам, Карсторн, лучше бы туда не заходить, вы все мне испортите. Хотя они уже достаточно нагляделись на машину, так что идемте с нами!

— Пока нас видел только один человек, — уточнил сержант, глядя на «Красного льва». — Мистер Пленмеллер, он сидит у окна. Может, мне действительно остаться в салоне?

— Вам лучше покончить с предрассудками, — грозно произнес Хемингуэй. — Вы с вашей неприязнью к этому писателю и инспектор со своим зубом на бедного старика Драйбека — а он очень полезный свидетель, я даже не ожидал, — того и гляди, меня заразите. Ну-ка, представьте меня местному эксперту по преступлениям!

Это, впрочем, оказалось излишним. Стоило троим полицейским войти в бар, как Гэвин Пленмеллер, стоя выпивавший в обществе мисс Дирхэм, майора Миджхолма и младшего Хасуэлла, радостно окликнул их:

— Кого я вижу! Мой друг сержант Карсторн, а с ним начальство из Скотленд-Ярда! Сюда, сержант! Догадаетесь, о чем мы тут судачим? Джордж, обслужите джентльменов и запишите на мой счет! Это для того, — продолжил он, приглядевшись к Хемингуэю и обращаясь уже только к нему, — чтобы вы чувствовали себя обязанным мне, если вдруг вздумаете меня арестовать. Вы — старший инспектор Хемингуэй, вели дело Гизборо. Рано или поздно я вас разговариваю: я много отдал бы за улики, которых следствие тогда не разгласило. Я не пропускал ни одного заседания суда. Кстати, познакомьтесь: мисс Дирхэм. Она, как и мистер Хасуэлл, не имеет отношения к делу, о чем сильно сожалеет, в отличие от майора Миджхолма, чьи причины покончить с Сэмпсоном Уорренби, при всей их смутности, вы непременно выявите.

— Ну и язык у вас, Пленмеллер! — вздохнул майор. — Добрый вечер, старший инспектор. Грустная история!

— Наглая ложь! — радостно сказал Гэвин. — На самом деле мы все в восторге! Или вы имели в виду, что она грустная для Уорренби?

— Как я погляжу, мистер Уорренби не пользовался здесь популярностью, — промолвил Хемингуэй. — Добрый вечер, майор! Я уже имел удовольствие познакомиться с миссис Миджхолм.

Майор вздрогнул:

— Вы побывали у моей жены?

— Не совсем так, сэр. Я встретил ее в Фокс-Хаусе. Ее, Улисса и Унтиди, — спокойно уточнил он. — Очаровательные собачки! Насколько я понимаю, они выигрывают все призы?

— Надо же, от полиции ничего не укроется! — пробормотал Гэвин, заставив майора слегка покраснеть. — По-моему, миссис Миджхолм не следовало приводить Улисса на место, где его постигло унижение. Это садизм, не находите?

— Нет, не нахожу! — отрезал майор.

Абби простодушно устала на Гэвина и заявила:

— Это не смешно! Почему бы вам не выяснить, кто на самом деле виноват, вместо того чтобы придумывать невесть что про людей, которые совершенно ни при чем? Вам и карты в руки: вы сочиняете умные остро сюжетные романы! Сама я не читала ни одного, но все их хвалят.

— Молодчина! — восхищенно воскликнул Чарлз.

— Низкая попытка подкупа! — усмехнулся Гэвин. — Я к ней глух. Сочиняя свои умные романы, деточка, я нахожусь в лучшем положении: заранее знаю, кто убийца. То есть знаю, кто совершит злодеяние. Это огромная разница, демонстрирующая удручающее расхождение между жизнью и вымыслом. К тому же у всех моих подозреваемых есть убедительные мотивы. Вы никогда не встречали таких толп мошенников, каких я могу собрать на тесном пяточке. Например, однажды я написал историю про убийство кинжалом в деревне вроде

этой, так там даже у церковного служки было мрачное прошлое. Но жители Торндена для меня слишком респектабельны. Не скажу «скучные», только намекну.

— Себя самого вы тоже назвали бы скучным, сэр? — спросил Хемингуэй.

— Ни скучным, ни респектабельным. Но при попытке примерить на себя роль главного подозреваемого я столкнулся со многими преградами. Сержант даже устроил мне нагоняй. Надеюсь, вы не подавитесь пивом, сержант.

— Ничего другого мне не оставалось, сэр. Простите, но вы попытались заморочить мне голову, — парировал тот.

— Вовсе нет. Я — сыщик-любитель, мне нужен опыт подсудимого. Только не рассказывайте мне про поляка, ухаживающего за пай-девочкой! Даже начинающий сыщик знает, что убийцей никогда не оказывается загадочный иностранец. И потом, это было бы слишком очевидно. Если не я и не миссис Миджхолм, то давайте подозревать сквайра.

— Вы преувеличиваете! — возмутился Чарлз.

— Какие глупости! — воскликнула Абби. — На него можно подумать в самую последнюю очередь.

— Действительно, как на такого подумаешь? — подхватил Гэвин. — В этом вся прелесть: очевидное мне ни к чему. Следующая пинта, старший инспектор?

— Лучше воздержусь, благодарю вас, сэр. Все, что вы говорите, мне чрезвычайно интересно с профессиональной точки зрения. Но если прикинуться любителем, то хочется спросить: зачем вам опыт подсудимого?

Гэвин с одобрением посмотрел на него:

— Восстанавливаете мое пошатнувшееся доверие к полиции, старший инспектор? Или это просто насмешка?

— Что вы, сэр! Не каждый день встретишь человека, пишущего о преступлениях. Мне важно понять, как на вас подействовало реальное преступление.

— Разочаровывающе. Что тут раскапывать, кроме того, кто именно убийца, что малоинтересно? Ни герметически запертых помещений, ни редкого орудия убийства, ни кажущихся несокрушимыми алиби!

— А по-моему, вычислить преступника гораздо интереснее всего остального, — возразила Абби. — Когда со всеми вокруг знаком, это просто завораживает! — наивно добавила она.

— Да, моя милая, но вы — женщина. Вам интереснее люди, а не задачи. Сильно ли вы будете возражать, если убийцей окажется примитивный, незначительный персонаж, о котором вы никогда не слышали?

— И не подумаю! Я была бы только рада. Только, подзреваю, этого не произойдет.

— Я преклоняюсь перед женской интуицией. Сам ею тоже наделен. Разве ваша интуиция не подсказывает вам, что я — человек, способный на убийство?

— Ни в коей мере! — заверила Абби, покраснев.

— Значит, она у вас недоразвитая. Уверяю вас, я на это способен, и еще как!

— Вероятно, так оно и есть, — кивнул Чарлз. — Но не на это убийство. В вашем стиле было бы нечто более утонченное.

— Учтите, Чарлз, я не напрашивался на похвалу! — насмешливо заявил Гэвин.

— Я бы охотно счел вас звездой этой драмы, если бы сумел придумать внятную причину, по которой вам могла понадобиться смерть Сэмпсона Уорренби. Но никак не могу, а раз так, для меня вам придется остаться статистом.

— Неужели неприязнь ко мне не позволяет вам представить меня в звездной роли?

— Нет.

— Тогда вы ненавистник, Чарлз! Или это хитрая попытка заставить старшего инспектора утратить ко мне интерес? Придется уведомить его, что одно убийство у меня на счету уже было. Хотелось, чтобы он сам это раскопал.

— На бумаге. Это не считается.

— На бумаге — много, настоящее — всего одно.

— Послушайте, вы заходите слишком далеко! — воскликнул майор. — Это не тема для шуток!

— Какие шутки! Общеизвестно, что я убил своего сводного брата.

Майор замолчал.

— Вам обязательно представлять себя в драматическом свете? — тихо спросил Чарлз.

— Правда, сэр? — произнес Хемингуэй. — Как вы это сделали, если не секрет?

— Какая чепуха! — пробормотал сержант Карсторн, гневно глядя на Гэвина.

— Я довел брата до самоубийства, старший инспектор, и получил в наследство его собственность. Долги, доставшиеся мне, были совсем малы, чего не скажешь об обязательствах, без которых в наши чудесные времена не обходится никакая земельная собственность. Конечно, если бы я знал, что почти все деньги Уолтера привязаны к земле... Став наследником Уолтера, я превратился в верующего человека, но боюсь, все еще допускаю ошибки. Так вот, знай я это заранее, не стал бы доводить брата до самоубийства.

— Если вам не нравится жить в Торнден-Хаусе, то почему бы не съехать? — поинтересовался Чарлз.

— Найдите мне покупателя!

Майор встал:

— Я, пожалуй, пойду. Вы уж меня извините, Пленмеллер, вы несете чушь!

— Очаровательное словечко! Можно мне его использовать или у вас авторские права?

Майор, не обращая на него внимания, обратился к Хемингуэю:

— Покойный мистер Пленмеллер вернулся с войны инвалидом и, впад в невменяемое состояние, наложил на себя руки.

— Оставив письмо, в котором обвинил меня в том, что довел его до этого я. Или вы забыли?

— Жаль, что вы сами никак этого не забудете! — отрезал майор. — Жить прошлым — непростительная ошибка. Всего доброго, Абби! — Попрощавшись с остальной компанией, он удалился.

— Может, нам тоже пора, Чарлз? — спросила Абби. — Ваша матушка звала меня к восьми, не хочется заставлять ее ждать. — Как большинство девушек ее поколения, она обладала хорошими манерами.

Посмотрев на свои часы, Чарлз поднялся.

— Действительно, нам пора. Старший инспектор, а правда, что Уорренби застрелили из винтовки калибра 0,22? Или об этом следует молчать?

— Спрашивайте сколько вам угодно, сэр! Только не меня, а сержанта Нарсдейла, эксперта-баллистика.

— Я так и сделаю! — пообещал Чарлз. — Но если это правда, вам не позавидуешь. Таким оружием здесь владеет чуть ли не каждый, в том числе я сам. Это было первое ружье, подаренное мне отцом. Я стрелял из него по кроликам.

— Вы до сих пор им пользуетесь, сэр?

— В последнее время перестал: ложа коротковата. Когда я был мал, отец специально переделал его для меня. Теперь даже не знаю, где оно лежит.

— Не знаете, где лежит? — удивилась Абби.

— Вы меня осуждаете? — Он улыбнулся. — То ли в чулане, то ли в оружейной комнате. Если мать не отправила его на чердак вместе с игрушечными рельсами.

— Как вы не понимаете? — воскликнула Абби, сверкнув глазами. — Его могли украсть!

— Глупости! Это сколько нужно терпения, чтобы найти в доме ружье? Все, нам надо торопиться!

— А мне эта версия приглянулась, — заметил Гэвин. — Она возвращает нас к Мэвис Уорренби, которую я заподозрил первой. Сколько я ни старался, мне никак не удается поверить в столь вопиющую безгрешность... Видели бы вы ее сегодня утром на выходе из церкви! Храбрая малышка, не согнувшаяся под тяжестью страшного горя... Школьное ружьишко пришлось бы ей в самый раз. Поспешу-ка я домой, надо поработать над новой версией.

— Желаю удачи! — произнес Хемингуэй. — Только ответьте перед уходом: у вас, как и у мистера Хасуэлла, тоже есть винтовка калибра 0,22?

— Точно не знаю, но склоняюсь к утвердительному ответу. Сам я не стрелок, а вот у моего брата было спортивное огнестрельное оружие. Не желаете проверить?

— Благодарю вас, сэр, непременно проверю, — пообещал Хемингуэй, вставая. — Удостовериться нелишне, сейчас для этого самое время. Вы двое, — обратился он к своим подчиненным, — ждите здесь. Я мигом. Вы ведь живете где-то неподалеку, сэр?

— В сотне ярдов отсюда, — ответил Гэвин, неуклюже поднимаясь с кресла.

На улице, простившись с Чарлзом и Абби, старший инспектор избрал умеренный темп ходьбы, за что удостоился упрека.

— Учтите, при всей нелепости походки я все же не передвигаюсь со скоростью улитки! — обиженно заявил Гэвин.

— Тем лучше, сэр, — сказал Хемингуэй. — Память о войне?

— Я не воевал. Просто одна нога с рождения короче другой.

— Не повезло.

— Отчего же? Уверен, в армии я был бы чужаком. При этом в седле я сижу не хуже любого другого, а поскольку охота — единственный вид спорта, к которому у меня есть склонность, вам лучше прибегнуть к вашему чувству, даже молчаливое.

— Вы — заядлый охотник, сэр?

— Нет, мне это не по карману. Охотник должен хорошо выглядеть, гарцевать на лошади, метко стрелять. Когда-то я был неплох, но те времена канули в прошлое.

— Ваш брат не охотился?

— Страшный был зануда! Гулял в лесу, наблюдал за привычками одних птах и палил по другим.

— Почему он покончил с собой?

— Я же говорил: из-за меня. Умирая, так мне и сказали, а словам умирающего положено верить.

— Лично я на них не полагался бы, не те обстоятельства. Мой опыт подсказывает, что предсмертные послания самоубийц лучше отправлять в огонь, потому что они делают несчастными людей, многие из которых этого не заслуживают.

— Неужели? Я тогда сильно на него обиделся: это как отпустить грязную шутку и выйти вон, не дождавшись

ответа. А мы тем временем добрались до моего отчего дома. Добро пожаловать!

Старший инспектор толкнул калитку в глухом заборе и остановился, засмотревшись на изящную постройку.

— Нравится? — спросил Гэвин.

— Да, сэр. А вам?

— Эстетически — очень. В смысле сантиментов — немного, а в практическом разрезе — ничуть. Сантехника дряхлая, но ремонт, даже если бы я мог им заняться, все погубил бы. По-хорошему, здесь требуются минимум трое слуг. А у меня одна старуха да садовник, он же конюх и на все руки мастер. — Гэвин дошел по утыканной флажками тропинке к входной двери и открыл ее. — Комната, где мой братец хранил, среди прочего, оружие, находится сзади. — Он прохромал мимо красивой лестницы к вращающейся двери, обитой изъеденным молью сукном. — Рядом кухня. — Открыв дверь, Гэвин помянул за собой старшего инспектора. — Мерзкий чулан! Навсегда провонял псиной. Здесь дрыхли спаниели брата. Мерзкая парочка! Только и могли, что лизаться, ни такта, ни предпочтений. Оружие вон там. — Он приблизился к застекленному шкафу и открыл дверцу. — Целый арсенал! Сохранилась даже парочка отцовских ружей с ударниками. Думаю, ружье калибра 0,22 у Уолтера тоже имелось. Нашел! Забирайте и делайте с ним что хотите. — Гэвин вынул ружье из футляра, но не отдал его Хемингуэю. — Вот я и дал маху! — усмехнулся он. — Насажал на ружье своих отпечатков. Умно, ничего не скажешь!

— Не очень-то умно, — возразил старший инспектор. — Сдается мне, на ружье, которое я ищу, никаких отпечатков не будет. Можно мне взять его на время, сэр?

— Разве я могу возражать? Себе дороже! Хотите пострелять по моим кабачкам? Сейчас я поищу патроны.

— Нет, сэр, — сказал Хемингуэй, зажимая ружье под мышкой. — Признателен вам за предложение.

Простившись с Гэвином на пороге, он заметил за забором ожидавшуюся его полицейскую машину. Он уселся на заднее сиденье, рядом с Харботтлом, и поставил между собой и им ружье.

— Отдаю должное вашему рвению! Или вас выкинули из паба за шум?

— Куда теперь, сэр? — поинтересовался Харботтл.

— Обратно в Беллингэм. На сегодня достаточно. К тому же я добыл первое ружье из тех, которые мы ищем.

— Вы думаете, это оно? Какие у вас основания?

— Ровным счетом никаких. Но если мне с первого раза досталось то, что нужно, то это чудо, а я не верю в чудеса. Поторопись, сынок, здесь можно гнать всюю.

— Вы уже познакомились с некоторыми из тех, с кем вам придется иметь дело, — произнес Харботтл. — Что скажете, шеф? Как вам это дельце? До сих пор нравится?

— Конечно, нравится! Почему нет, когда полдюжины людей делают за меня работу?

У Харботтла эти слова вызвали улыбку, сержант же был слегка озадачен: такого количества помощников старшего инспектора он не насчитал.

— Полдюжины, сэр? — уточнил он.

— Только по скромной оценке, — ответил Хемингуэй. — В Торндене нет ни одного дома, где бы прямо сейчас не ломали голову над разгадкой преступления. Если к завтрашнему дню ответа не будет у Драйбека, то его отыщет эта милая молодая пара. Нам только и останется, что вернуться в Лондон, присвоив славу себе.

Глава 8

Что бы ни обсуждали в других домах, в «Кедрах» достойной внимания темой считали только убийство Сэмпсона Уорренби. За коктейлем Хасуэлл-младший и мисс Дирхэм развлекали миссис Хасуэлл описанием встречи в «Красном льве». Миссис Хасуэлл питала хрупкую надежду, что виновным не окажется никто из ее знакомых, в остальном же это дело мало ее интересовало. Она склонялась к тому, что убийство совершил кто-то из Беллингэма, и гораздо больше внимания уделяла признакам увядания, внезапно обнаруженным у одного из редких растений. Тем не менее они с мисс Паттердейл соглашались, что, как ни неприятно для людей их поколения сознавать, что поблизости произошло убийство, в качестве занятия для детей годится даже это, ведь Торнден слишком безмятежен и не может похвастаться событиями, кроме игры в теннис. Мисс Паттердейл даже заявила, что раз уж это случилось, то хорошо, что Абби находилась в это время у Хасуэллов. Она боялась, что у нее Абби скучно.

— Мне старший инспектор понравился, — сказала Абби, — а вам? Не то что второй, с отгалкивающим выражением лица. Этот оправдывает худшие ожидания. Интересно, чем они сейчас заняты?

— Мне показалось, старший инспектор старался развязать нам языки. Я боялся, что вы расскажете о своей версии.

— Гэвин тоже. Что за мысли, Чарлз? Я бы так не поступила. Однако считаю, что права.

— Абби думает, мама, что это сделал Драйбек.

— Нет, дорогая, вряд ли, — возразила миссис Хасуэлл. — Он прожил здесь много лет!

Чарлз, привычный к материнской логике, сочувственно улыбнулся, заметив:

— В конце концов он засудит ее за клевету.

Миссис Хасуэлл опять не согласилась, напомнив, что Драйбек — поверенный мисс Паттердейл.

— Он не посмеет за что-либо меня засудить, — заявила Абби. — Он — единственный подходящий подозреваемый.

— А вот и нет! — воскликнул Чарлз. — Мэвис тоже под подозрением.

— Хватит про Мэвис! — попросила Абби. — Она не могла это сделать. У нее силенок не хватило бы.

— А по мне, Мэвис темная лошадка. Жаль, что вас не было сегодня в церкви. Я недолюбливаю Гэвина, но он был прав насчет нее! Невыносимый перебор! Она при-творялась героиней с разбитым сердцем, принимала со-болезнования, пускала слюни, расписывая дядюшкину доброту, твердила, мол, осталась одна-одинешенька, и даже маме стало противно.

— Не сказала бы, что противно, дорогой, — поправила сына миссис Хасуэлл. — Это выглядело не вполне искренне, но, полагаю, так она представляет правильное поведение. Есть в смерти нечто, превращающее людей в невозможных лицемеров. Почему, хотелось бы мне знать? Я сама вела себя почти так же, когда умер твой дед, пока отец не напомнил, каким неприятным и придирчивым тот был много лет, как изводил бедную бабушку и не стремился видеть кого-либо из нас!

— Разве можно сравнить тебя и Мэвис? — возмутился Чарлз. — Ты не делала из деда святого и никому не говорила, что напрасно он оставил тебе все деньги.

— Это правда, дорогой, но я всегда знала, что он это сделает, к тому же я их получила только после смерти

бабушки. И вообще, мне бы не пришло в голову говорить такие глупости.

— А от Мэвис именно глупостей и ждешь! — подхватила Абби. — Со мной училась одна — вылитая Мэвис. Только и слышали от нее: «Нам этого нельзя!» Со всеми была добренькая, всем все прощала, говорила только приятное. Ужас! А ведь такие люди верят в то, что говорят и делают. Я бы не возражала, если бы все это шло от сердца, но где там! Как говорит Джефффри Силлоф, лицемерие — смертельная отравка, распространяющаяся на весь организм. Да и вообще, — добавила она, — ты представляешь стреляющую Мэвис?

— Я этого не видел, — со значением сказал Чарлз. — Все, что я про нее знаю, — она явилась сюда и добровольно принялась славить человека, бывшего при жизни мерзавцем, ни в грош саму ее не ставившего и нещадно ею помыкавшего. До вчерашнего дня я не знал, почему это происходит.

— Дорогой, до вчерашнего дня ты об этом не думал, — напомнила мать.

— Она сказала, что считала уход за дядей своим долгом, — промолвила Абби.

— Пустая болтовня! — презрительно усмехнулся Чарлз. — Согласен, раньше я об этом не думал, но, помню, однажды Мэвис призналась, как удивилась, когда ненаглядный дядюшка написал ей и предложил кров. Раньше она его ни разу не видела! Если вы воображаете, будто Уорренби прежде был опорой для своей стареющей невестки, то заблуждаетесь. Он поселил Мэвис у себя, потому что, во-первых, был честолюбив и не имел времени на хозяйство, а во-вторых, верно рассудил, что в лице племянницы приобретет дармовую рабочую силу, которую сможет всюю шпынять.

— Верно, — кивнула Абби. — И все же я настаиваю, что это сделала не она. Знаете, чем я занималась сегодня утром, пока вы были в церкви? Сходила к дому Драйбека, а оттуда через выгон к Фокс-Хаусу, засекая время. Выяснилось, что он легко мог это сделать! Я добралась до кустов утесника ровно за шесть минут. К тому же там есть где спрятаться: кусты и прочее.

— Я не говорю, что у Драйбека не хватило бы времени, просто он не такой быстрый, как ты. Староват!

— Глупости! — отмахнулась Абби. — Он тощий, как селедка! А вы видели его на теннисном корте?

В комнату вошел Хасуэлл-старший. Закрыв дверь, он заявил, что если Чарлзу необходимо пользоваться его одеждой, то пусть хотя бы возвращает ее на место, а не разбрасывает по дому. Это было сказано без зла, но и без малейшей надежды, что его слова возымеют действие. Сын, как обычно, ответил: «Извини, папа», — и немедленно выкинул это из головы.

Мистер Хасуэлл, заметив гостью, пожал Абби руку, одобрительно ее оглядев. Она удивилась, поскольку, хорошо его зная, не привыкла вызывать у него больше интереса, чем остальные знакомые сына: ко всем он относился одинаково не критично, но и без малейшего любопытства. Абби не знала, что этот неожиданный интерес вызван загадочными словами, произнесенными миссис Хасуэлл ему на ухо накануне вечером. Мистер Хасуэлл был хорошо сложен, не склонен к лишним разговорам, с бесстрастным квадратным лицом. Радужный хозяин невозмутимо относился к молодежи, наполнявшей его дом, танцевавшей под радио и бесконечно спорившей о сюрреализме, англо-советских отношениях и балете, однако внушал ужас большинству друзей Чарлза. Сейчас в ответ на вопрос сына, считает ли он, что Сэмпсона Уорренби убил старый Драйбек, мистер Хасуэлл спо-

койно ответил: «Конечно, нет», — после чего налил себе херес.

— Это версия Абби. Я подобного не исключаю, но отдаю предпочтение Мэвис. Как ты думаешь, папа?

— Мое мнение такое, что вам обоим лучше доверить расследование полиции и перестать болтать.

Воспитанная Абби немедленно замолчала, как ни занимала ее данная тема, но Чарлз, хотя любил родителей, не собирался доводить сыновнюю почтительность до абсурда.

— Ты отлично знаешь, что эта тема непременно всплывает. В Торндене никогда не происходило столько интересных событий.

— Знаете, мистер Хасуэлл, — поддержала Чарлза Абби, — в «Красном льве» мы беседовали со старшим инспектором из Скотленд-Ярда!

— Неужели? — Хасуэлл слегка улыбнулся. — Представляю ваше волнение! Надеюсь, вы не выложили ему своих версий?

— Что вы, мы молчали! — завершила она.

— Мне не пришлось говорить ему о моей версии, — добавил Чарлз. — За меня это сделал Гэвин. Кстати, мама, где мое старое ружье? То, что папа подарил мне, когда я учился в школе?

— Из которого ты стрелял кроликов, дорогой? Я отдала его внуку старого Ньюбиггина, такому ушастому. Помнишь, он очень помог, когда Вудхорн заболел и я не могла завести машину.

— Боже! Он его вернул?

— Наверное, — сказала миссис Хасуэлл, свертывая вышивание и снимая с пальца наперсток. — А что? Ведь тебе оно уже не нужно, Чарлз?

— Мне — нет, в отличие от старшего инспектора. Гэвина осенило, что это оружие в самый раз для Мэвис,

и они обязательно это проверят. Если мое ружье кочует по деревне...

— Не кочует. Я вспомнила. Джим Ньюбиггин вернул его через день. Я находилась в Лондоне, и Молли спрятала его в чулан. Я хотела убрать ружье на чердак, вместе с остальными твоими вещами, но забыла. Теперь я не знаю, где оно.

— Черт возьми! — бросил Чарлз и поспешно вышел.

Через несколько минут он вернулся с винтовкой, держа ее рукой в перчатке.

— Она стояла в одежном шкафу, за вещами, — объяснил Чарлз. — Я к ней не прикасался, и пусть никто не прикасается — из-за отпечатков. Давай, мама, я положу ее на буфет.

— Обязательно было брать мои перчатки? — буркнул отец.

— Извини, папа. Других не нашлось, но ружье не маляное.

Спрятав оружие, чтобы оно не попало на глаза горничной, он стянул с руки перчатку и бросил ее на кресло. Хасуэлл-старший наблюдал за сыном с осуждением, но тут ударил гонг, и он, ничего не сказав, забрал перчатку, выходя из комнаты, и сам отнес ее в чулан.

Поскольку в воскресенье вечером из трех слуг на месте находился один, ужин в «Кедрах» был холодный и за столом никто не прислуживал. По этой причине единственным препятствием изнурительному спору об убийстве стало молчаливое неодобрение миссис Хасуэлл. Впрочем, мяч вернула на поле она сама, заявив, что не считает Мэвис способной что-либо позаимствовать без спросу. После этого Абби сочла возможным озвучить свою версию. Тщательно исследуя внутренность огромной клешни омара при помощи серебряной вилочки, она произнесла:

— Конечно, это не в ее характере. Гэвину просто захотелось поумничать. Еще он ляпнул, что если в убийстве не заподозрят Мэвис или его, то он считал бы следующим подозреваемым мистера Эйнстейбла!

— Что? — удивился Хасуэлл-старший.

— Да, потому что он — самый невероятный подозреваемый.

— Неужели Пленмеллер говорил такое при этом старшем инспекторе?

— Представляешь? — поддержал Абби Чарлз, копавшийся в салатнице в поисках оливки. — Я тоже счел это перебором, хотя кто же станет реагировать на подобную бессмыслицу?

— К тому же сквайр не так отвергал Уорренби, как большинство остальных, — напомнила Абби. — Он и миссис Эйнстейбл приглашают его на свои приемы. То есть приглашали...

— Верно. Но почему? — медленно сказал Чарлз. — Казалось бы, его-то Эйнстейблы обласкали бы последним. Он даже не был их поверенным. Так почему, отец?

— Не имею представления. Наверное, обычная вежливость.

— Вряд ли. Ведь сквайр представил его тебе, мама? Он бы не проник в клуб, если бы не помощь сквайра.

— Полагаю, Эйнстейблы считали своим долгом проявлять добрососедство, — промолвила миссис Хасуэлл.

— Почему-то они не были приветливы с людьми, эвакуировавшимися сюда при «блице» и временно въехавшими в Торнден-Хаус, — напомнил Чарлз. — Они их знать не хотели!

— Это разные вещи. Они приехали сюда на время, приторговывали на черном рынке и хвастались, что при должном умении могут раздобыть лишний бензин. С такими Эйнстейблы не стали бы иметь дела.

— Да, но Уорренби был человеком того же сорта, — заметил Чарлз.

— Мы не знаем, дорогой: во время войны его здесь не было.

— Во всяком случае, он не из тех, кого обычно поощряет сквайр.

— Верно, — задумчиво проговорила миссис Хасуэлл. — Я тоже удивлялась, почему он привечает Уорренби, тем более что бедный Драйбек его не выносил.

— А он его не выносил? — насторожилась Абби.

— Да, дорогая, как и все мы.

— Драйбек опережал в этом остальных. При чем тут Мэвис, когда улики указывают на Драйбека?

— Ничего подобного! И потом...

— Так и есть! — не унималась Абби. — Начать с того, что у него был мотив. Он не просто ненавидел Уорренби: тот его обошел. Я знаю от тети Мириам, что клиенты Драйбека перебегали к Уорренби. Тот его обманывал.

— Милая Абби! — воскликнул Чарлз. — Посмотрите на старика Тэddieаса! Сама респектабельность!

— Как Армстронг! Мне весь день не дает покоя эта мысль. Тоже поверенный, и мотив похожий. Армстронг был уважаемым человеком, которого никто никогда не заподозрил бы в убийстве, тем не менее он убил, так что не надо говорить, что это недостаточно сильный мотив.

— Не спорю, но у Армстронга это было второе убийство, просто в первый раз ему повезло. Его судили за отравление жены, и мотив у него был посильнее. Вряд ли он покусился бы на жизнь своего соперника, если бы первое преступление не сошло ему с рук. Наверное, вообразил себя умником, которому все нипочем. Как «убийца невест в ванной» Дж. Смит! Ведь правда, отец, если преступник выходит сухим из воды, то убивает опять? Кровь ударяет в голову!

— Да, — кивнул старший Хасуэлл. — Но если ты намекаешь, что на счету Драйбека уже было убийство, то ошибаешься!

— Я ни на что не намекаю, просто говорю Абби, что есть сходство между Драйбеком и Армстронгом.

— Хватит об этом! Как сегодняшний теннис?

Вопрос, адресованный обоим молодым людям, подвел черту под спором. Больше он не возобновлялся, и остаток вечера присутствующие посвятили бриджу. Когда Чарлз усадил Абби в машину, чтобы отвезти в Фокс-коттедж, она спросила:

— Мы рассердили вашего отца разговорами об убийстве?

— Нет, ничуть! Он опасается, как бы мы не распустили язык в чужой компании, как делает Гэвин.

Она наморщила лобик.

— Он не распускает язык. Просто слишком язвительен.

— Не может не ужалить майора? Вообще-то Гэвин безвредный. Остриг и хвастается, только и всего.

— Мэвис он жалил от души! — напомнила Абби.

— Кто его за это осудит? Я тоже не даю ей спуска.

— Да, но вы не натравите на нее полицию.

— При определенных обстоятельствах натравил бы.

— Не верю!

— Напрасно. Если бы решил, что полиция подозревает меня или моих близких. — Он повернул на Фокс-лейн. — Или вас.

— Вот спасибо, какое благородство!

— Я такой, — вкрадчиво сказал он, тормозя перед Фокс-коттеджем. — Ни перед чем не останавливаюсь ради тех, кого люблю.

— Не удивилась бы, если бы вы легли за них костями!

— Охотно — за вас!

— Только без глупостей! А вот и тетя Мириам.

— К черту тетю Мириам!

— Здравствуйте, Чарлз! — воскликнула мисс Паттердейл, подходя к машине с большой картонной коробкой под мышкой. — Так и думала, что вы подбросите Абби, поэтому кое-что собрала для ярмарки рукоделия вашей матушки. Передайте ей это, пожалуйста!

Он взял коробку и небрежно бросил ее на заднее сиденье.

— Обязательно, тетя Мириам. Опять эта ярмарка, будь она неладна! Как насчет поездки к морю завтра после чая, Абби? Заеду к вам завтра утром по пути на работу, посмотрю, какое у вас будет настроение. Всего доброго, тетя Мириам!

— Чарлз — молодой человек, — заметила мисс Паттердейл, ведя племянницу к дому. — Удалось вам разгадать тайну?

— Нет, мистер Хасуэлл заткнул нам рты. По дороге в «Кедры» мы с Чарлзом заглянули в «Красного льва». Выпиваем там с Гэвином и майором Миджхолмом, как вдруг входит детектив, допрашивавший Мэвис. Знаете, кого он привел?

— Двух детективов из Скотленд-Ярда, — без запинки ответила мисс Паттердейл. — Я видела их в Фокс-Хаусе.

— Неужели? Что скажете о старшем инспекторе? Мне он понравился! У него отменное чувство юмора, он поставил Гэвина на место!

— По-моему, у него дар ставить людей на место. Слышала бы ты его разговор с Флорой Миджхолм! Так и знала, что это приведет к неприятностям.

— Почему? Разве что для убийцы, но вы же не станете против этого возражать?

— Нет, не стану, вот только пострадает не один убийца, уж я-то в таких вещах разбираюсь. В Торндене не

останется ни одного шкафа, где не раскопали бы скелет. Меня не проведешь. Твой старший инспектор утверждал, что они ведут себя осторожно, но я ему не поверила. Ты, наверное, знаешь, что он побывал у Тэддиаса Драйбека?

— Неужели? Расскажите!

— Драйбек задержался, как черт на сковородке. Явился сюда вечером с совершенно невнятными оправданиями, умолял меня вспомнить, сколько было времени, когда Мэвис прибежала и рассказала о смерти дяди. Неудивительно, что он теряет клиентов: с чего он взял, что я должна вспомнить то, чего не забывала? Ты ни за что не догадаешься, что было потом: оказывается, Драйбек стал доказывать, что убийца — сама Мэвис! Вот старый дурень! Прожил жизнь, обложенный ватой, а теперь до смерти перепугался!

Абби, пытавшаяся налить себе лимонаду так, чтобы в стакан не попали корки, бросила это занятие и уставилась на тетку.

— Он всерьез напуган? — спросила она. — Чего пугаться, если ты ни при чем? Тем более — переводить стрелки на другого!

— Вы все кого-то подозреваете, чем он хуже? — усмехнулась мисс Паттердейл.

— Не все, только мы с Чарлзом, а Гэвин, как всегда, шутит. Хасуэллы никого не подозревают, майор тоже.

— Ты забыла про Флору! Надо же быть такой глупой! Она никак не решит, на кого думать: на поляка или на Лидейлов — сразу на них обоих или на кого-то одного.

— Линдейлы... — пробормотала Абби. — Я их плохо знаю. Почему миссис Миджхолм считает, что они замешаны в преступлении?

— Миссис Линдейл была с ней немного высокомерна. Не стала бы ее за это осуждать.

— А что говорят об этом сами Линдейлы?

— Я не была у них на ферме. Понятия не имею.

— Может, вы видели их после церковной службы?

— Они не посещают службу. По крайней мере, он.

Про нее не знаю. Скорее всего, она католичка.

— Тетя Мириам, а зачем Эйнстейблы оказывали гостеприимство Уорренби?

— Это для меня новость!

— Тетя Мириам! Я хорошо помню, как вы сами однажды сказали: ума, мол, не приложу, зачем сквайр его терпит.

— Терпеть не то же самое, что оказывать гостеприимство. Откуда у тебя эти мысли?

— Это все Гэвин...

— С него станется!

— Нет, об этом он ничего не говорил. Гэвин понес околесицу насчет того, что убийца — сквайр, потому что на него подумают в последнюю очередь, — объяснила Абби. — Из-за этого Чарлз и спросил своего отца о том же, о чем я сейчас спросила вас.

— Вот оно что! А мистер Хасуэлл?

Абби со смехом обняла тетку:

— Отмахнулся, как вы!

— Правильно сделал. Абби, я не против твоих игр в детектива, но мой тебе совет: займись Тэддиасом! Он устарел, отстал от жизни, и ему полезна трепка. А Эйнстейблов оставь в покое. Им и так достается, только полиции не хватало! Я сильно рассержусь, если узнаю, что ты наболтала этому детективу из Скотленд-Ярда нечто такое, отчего у него в голове появились ненужные мысли. Если Эйнстейблы были добрее к этому противному человеку, чем все остальные, то по единственной причине: они считали себя в долгу перед местными жителями.

— Я буду тише воды ниже травы, — пообещала Абби. — Но скажите, такое поведение Эйнстейблов не казалось вам странным?

— Что бы я об этом ни думала, я далека от мысли, что это как-то связано с гибелью Уорренби. Хватит, пора ложиться спать!

Глава 9

Вечером, прежде чем лечь спать, инспектор Харботтл, прошедший много времени в полицейском участке, за изучением списка зарегистрированного огнестрельного оружия, с мрачным удовлетворением доложил своему начальнику, что винтовки калибра 0,22 имеются в распоряжении тридцати семи человек, живущих в Торндене и неподалеку.

— Учтите, я пока ограничился радиусом в двадцать миль, — предупредил он, разворачивая список.

Хемингуэй, сам долго возившийся с бумагами из стола Сэмпсона Уорренби, испугался, что сейчас последует чтение вслух, и не дал этому произойти.

— Не желаю слышать фамилии неизвестных мне людей, Хорас! Пусть перечислением владельцев стволов занимается местная полиция, это ее уровень. А от вас я хочу услышать, у кого есть такой ствол в Торндене. Это все.

— Я бы не удивился, если бы нам пришлось забросить сеть подальше, — возразил Харботтл. — Вы, конечно, оптимист, шеф, но...

— Выполняйте! — приказал Хемингуэй.

Инспектор посмотрел на него, как Кальвин на веротступника, однако его ответ был образцом дисциплинированности:

— Слушаюсь, сэр. Судя по списку, в Торндене одиннадцать таких ружей. Три из них принадлежат ферме-

рам, живущим сразу за деревней, но они вам, полагаю, неинтересны.

— Правильно. Если понадобится, Хорас, я поручу вам проверить все тридцать семь штук.

Оценив угрозу, инспектор позволил себе подобие улыбки.

— Есть такое и у сквайра, — продолжил он. — Также у Экфорда, его агента, и у егеря Джона Хеншоу. Если не учитывать, что кто-то мог воспользоваться оружием без ведома, то, по словам Карсторна, подозревать их нет никаких оснований. Следующий — Кенелм Линдейл.

— Недавно он одолжил свое ружье поляку Ладислашу, — вспомнил Хемингуэй.

— Я не сомневался, что вы об этом не забыли, — сказал Харботтл, глядя на него со смесью гордости и грусти. — Хасуэлл-младший говорил нам о своем ружье, как и Пленмеллер — его ствол вы забрали. Такой же есть у хозяина «Красного льва» Джошуа Крейлинга. Ну, и последний — собственность викария Клиберна. У Драйбека только дробовик, а майор Миджхолм ограничивается служебным шестизарядным револьвером, в связи с которым возникает спор каждый раз, когда подходит время возобновлять лицензию. Пока ему удастся ее продлевать. — Инспектор сложил свой список и спрятал его в карман. — Немало, сэр, даже официально. Хотите, чтобы Карсторн всех их собрал?

— Тридцать семь человек?

— Одиннадцать, — поправил Харботтл.

— Восемь, Хорас. Если ни одно не подойдет, я заинтересуюсь вашими тремя фермерами, а пока мне есть чем заниматься, не беспокоя людей, которые вряд ли узнали бы Уорренби, столкнувшись с ним на улице. Пусть Карсторн проведет обычную проверку, и не надо навешивать на бедного старика Нарсдейла те стволы, чьи

владельцы не спускают с них глаз. — Хемингуэй помолчал, а потом добавил: — Лучше нам не наступать друг другу на пятки и не вызывать к себе неприязнь. Сам я завтра утром отправлюсь в Торнден, побываю у викария. Скажите Карсторну, что я заберу у викария ружье, если нужно будет. А он пускай начнет с оружия сквайра, Линдейла и молодого Хасуэлла. Карсторн малый с головой, но все равно предупредите его, чтобы действовал учтиво, особенно со сквайром. Больше всего нас интересует вероятность попадания оружия в руки тех, кому оно не положено.

Инспектор кивнул.

— Вы собрались к викарию? — спросил он.

— Да. У меня отличный предлог — его ружье.

— Карсторн проверил его алиби, оно вроде бы в порядке, шеф.

— Потому мне и нужен предлог. Если судить по рассказу полковника, то преподобный Энтони Клиберн — тот человек, который раскроет мне всю подноготную здешнего высшего общества. Пока я был вынужден выслушивать миссис Миджхолм, считающую, будто Уорренби убил Линдейл, потому что миссис Линдейл ею пренебрегает, трусишку Драйбека и Пленмеллера, которого постоянно тянет острить. В общем, у меня голова идет кругом. Хотите узнать подробности деревенской жизни, Хорас, — обращайтесь к викарию! Конечно, вам эти поучения ни к чему, вы лишены способности развязывать людям языки, а все почему? Предпочитаете пиву безалкогольную сарсапариллу — вот причина!

— Что в бумагах Уорренби, сэр? — холодно произнес инспектор.

— Ничего важного. Возможно, завтра мы найдем что-нибудь у него в конторе, хотя это сомнительно.

Инспектор с кряхтением сел, подождал, пока Хемингуэй соберет бумаги, и сказал:

— Меня кое-что настораживает, шеф.

— Уже во второй раз за сегодня. Прогресс! — одобрительно отозвался Хемингуэй. — Валяйте! Я мучаюсь неизвестностью!

— С тех по, как нам сказали, что стреляли, вероятно, из винтовки калибра 0,22, я не перестаю об этом думать. Мне кажется, что нести такое оружие на плече или под мышкой — большой риск. Вдруг столкнешься с кем-нибудь по пути? Но, глядя на вас с Пленмеллером на улице, шеф, я подумал, что если бы он засунул оружие себе в левую штанину, то никто, зная о хромоте, не заподозрил бы его.

— Неплохо, Хорас! А теперь ответьте: зачем Пленмеллер отнес винтовку домой и вернул в оружейный шкаф, а не утопил в реке или не подбросил в чей-нибудь двор? Оружие досталось ему в наследство от брата, сам он не стрелок — чему я верю, потому что, во-первых, не дурак и не станет кормить полицию враньем, которое легко опровергнуть, а во-вторых, я заметил на ружьях в его оружейном шкафу ржавчину. Если бы Пленмеллер сказал, что не знает, где это ружье, и понятия не имел, что оно пропало из шкафа, то было бы трудно доказать, что его не украли. А украсть могли! Дверь там запирается только на шеколду, а экономка у Пленмеллера глухая. — Хемингуэй встал и взглянул на мраморные часы над каминной полкой. — Я отправляюсь спать и вам советую.

Инспектор встал, внимательно посмотрел на начальника и, обращаясь к вазе с пампасной травой, задумчиво произнес:

— Если бы мне пришлось объяснять, чем хороша эта моя работа, я бы не сумел!

— Если воображаете, будто Би-би-си пригласит вас в свою программу, то напрасно. Этого не произойдет.

— Не понимаю, как Сэнди Грант проработал так долго! — буркнул Харботтл.

— Все просто, Хорас: он знал, что если будет держаться меня, то получит повышение.

— Да, ваших помощников быстро повышают, — неохотно согласился Харботтл.

— А как же! Представление к повышению — единственный способ от них избавиться. Все, немедленно спать!

На следующее утро инспектор Харботтл отправился в контору Сэмпсона Уорренби, а Хемингуэй наведался в полицейский участок, где сначала позвонил в Скотленд-Ярд, а затем побеседовал с начальником полиции графства и выслушал короткий доклад сержанта Нарсдейла.

Сержант уже отправил в Лондон пулю, которую он для проверки выпустил из ружья Гэвина Пленмеллера, вместе с гильзой, но не скрывал, что сомневается в успехе.

— В микроскоп я не смотрел, — объяснил он Хемингуэю, — но, полагаю, они найдут на гильзе повреждения, которых не было на той, другой. Вы мне что-то принесли, сэр?

— Сержант Карсторн скоро принесет еще три штуки, если найдет.

Нарсдейл усмехнулся:

— У нас тут целый арсенал!

— Вы даже не догадываетесь какой! В списке инспектора тридцать семь стволов.

— Впору устроить соревнование!

— Вот-вот! Дайте только закупить в «Вулворте» комплект призов, — сказал Хемингуэй, выходя.

Расстояние до конторы Сэмпсона Уорренби он преодолел за десять минут. Дежурный по участку предлагал ему провожатого, однако Хемингуэй знал, что ему нужно лишь пересечь рыночную площадь и дойти по Саут-стрит, главной торговой улицы Беллингэма, до Ист-стрит, поэтому отказался. Площадь была заполнена сельскими автобусами, а Саут-стрит людьми, приехавшими в город за покупками. Хемингуэй заметил мисс Паттердейл, входившую с большой корзиной в бакалейную лавку, а еще через минуту столкнулся с Гэвином Пленмеллером, выходящим из банка.

— Боже правый! Олицетворение Скотленд-Ярда! — крикнул Гэвин так громко, что все вокруг обернулись и уставились на Хемингуэя. — Любуетесь достопримечательностями, старший инспектор?

— Да. Знаете, я не удивлен, что сержант Карсторн смотрит на вас косо. Жаль, вы не захватили с собой мегафон.

— Виноват! — воскликнул Гэвин.

Хемингуэй продолжил путь и вскоре вошел в контору Сэмпсона Уорренби на Ист-стрит, где его принял младший клерк. Две стенографистки и рассыльный вытаращили на него глаза. Он быстро закрылся в кабинете Сэмпсона Уорренби, но старшей из двух девиц хватило и этого короткого эпизода, чтобы потом утверждать, будто взгляд детектива пронзил ее насквозь, и убеждать младшую, что если ее вызовут на допрос, то она слова не сможет вымолвить, потому что очень волнуется. Рассыльный сначала уверял, что не испугается какого-то сыщика, а потом улизнул на почту с двумя пустячными письмами, опасаясь, что не сможет спрятаться от такой важной персоны.

Тем временем старший инспектор присоединился в кабинете Уорренби к своему подчиненному. Туда к ним пожаловал старший клерк Каупланд.

Старший клерк был низкорослым, худым, с редкими седыми волосенками и испуганным лицом. Нервно поздоровавшись, он произнес:

— Какой кошмар! Никак не приду в себя. Я уже говорил инспектору: не знаю, что теперь будет, ведь у мистера Уорренби не было партнера. Очень тревожно, очень! Разберемся с текущими делами — а дальше что?

— Боюсь, что не смогу вам помочь, — ответил Хемингуэй. — Много работы?

— Это еще мягко сказано. Очень много! Мы — крупнейшая юридическая фирма Беллингэма. Мистер Уорренби говорил о необходимости партнера. Что теперь будет? Просто не верю, что это произошло!

— Вы никак этого не ожидали?

Клерк заморгал.

— Настоящий шок! Кажется, мистер Уорренби вот-вот войдет и спросит про аренду Уидррингэма и... Но этого, конечно, уже не произойдет.

Он с неуверенной улыбкой поднял голову и в смущении обнаружил, что за ним пристально наблюдают. Попытался выдержать испытующий взгляд, но улыбка померкла.

— Давно вы старший клерк?

— С самого начала практики мистера Уорренби в Беллингэме, — гордо ответил Каупланд.

— Вы не знали, что у него были враги?

— Представьте, нет! Мистер Уорренби не любил откровенничать. Даже наши проблемы он предпочитал решать самостоятельно. Был энергичным и волевым человеком.

— А я слышал, что Уорренби нажил себе много врагов.

— Наверное. Ничего не могу сказать о его частных делах, но в профессии он, конечно, сталкивался с не-

приятною. Понимаете, мистер Уорренби был очень успешным, а это вызывает зависть. В совете и во всех комитетах, где заседал, он всегда стоял на своем и, боюсь, не всегда бывал щепетилен в своих методах. Однажды мистер Уорренби признался: ничто не приносит ему столько удовольствия, как заставлять других плясать под свою дудку. Ко мне и к остальным сотрудникам хорошо относился, но порой я поражался, какие трудности он готов преодолевать, чтобы узнать побольше о людях, с которыми имел дело. Я даже спросил его однажды, зачем ему все это, а он ответил, что никогда не знаешь, как и когда это может пригодиться.

— Шантаж? — спросил Хемингуэй.

— Нет, никогда не замечал такого, что позволило бы заподозрить... Скорее мистеру Уорренби нравилось заставлять неприятных ему людей ерзать, намекая им, что он знает о них нечто, что они предпочли бы скрыть. Речь о сущих мелочах, я вовсе не хочу сказать... Ну, вы меня понимаете, старший инспектор. Мало найдется людей, никогда не совершавших ничего постыдного.

— Тем не менее вы удивились, услышав, что кто-то застрелил этого вашего мини-Гитлера?

Каупланд вздрогнул:

— Да, удивился! Надеюсь, я не создал у вас неверного впечатления. Я совсем не хотел сказать, что мистер Уорренби делал нечто такое, за что у кого-то могло возникнуть желание его убить! Да, ему случалось — в шутку — насмехаться над чужими оплошностями. Со мной мистер Уорренби тоже, бывало, так обходился. Не скрою, на подобное трудно не рассердиться, но в действительности это были пустяки...

— Ясно, — кивнул Хемингуэй. — Что ж, мистер Каупланд, излишне вам напоминать, что ваш долг — ока-

зывать мне любую помощь и обо всем сообщать. У вас есть основания подозревать, что в последнее время он кого-то шантажировал? Не нравится это слово — замените его любым другим.

— Нет, старший инспектор. Ни малейших оснований, уверяю вас! Личных отношений у меня с ним не было, а в работе... О, нет! — Говоря это, Каупланд выглядел испуганным и несчастным.

Хемингуэй, наблюдавший за ним, склонил голову набок, напомним Харботтлу дрозда, высматривающего лакомство, и бросил:

— Пусть так!

В щель в двери протиснулся младший клерк. Видя, что он замер на пороге, Каупланд посмотрел на Хемингуэя, но тот лишь пожал плечами:

— В чем дело? — спросил Каупланд.

Клерк подошел к нему и прошептал что-то на ухо. «Сэр Джон Игнлсфилд», — услышал Хемингуэй. Это имя произвело на Каупланда волшебное действие.

— Прошу меня извинить, старший инспектор! — воскликнул он. — Это один из самых ценных клиентов мистера Уорренби!

— Все в порядке. Займитесь им.

Каупланд, изобразив на лице безмерную признательность, скрылся за дверью. Оставшись с шефом наедине, Харботтл, все это время сидевший за столом Уорренби и молча наблюдавший за старшим клерком, произнес:

— Как он вам, сэр?

— Сама честность! — ответил Хемингуэй, шагнув к заваленному бумагами столу. — Вам не позавидуешь, Хорас. Столько работы!

— Действительно, — усмехнулся Харботтл. — Перед вашим приходом этот человек как раз объяснял причины беспорядка. Уорренби мечтал переехать в помеще-

ние рядом с ратушей, это лучшее место во всем Беллинге, и не соглашался ни на что другое.

— Не сомневаюсь, он добился бы своего!

— Естественно. Жаль, не успел, и на меня свалилось столько работы. — Харботтл обвел унылым взглядом кабинет, загроможденный коробками, полки с папками, распахнутый сейф, две перегруженные картотечные этажерки и большой книжный шкаф. — Уорренби совал нос буквально во все, что происходило в городе. Вон тот шкаф полон документов, в которых придется покопаться. Похоже, он держал здесь всю свою деловую переписку. Большую часть — в сейфе, но также и под книгами. Вы же этого от меня хотите, шеф?

Хемингуэй кивнул.

— Только не занимайтесь его клиентами, иначе застрянете и потеряете время. Повидал я кабинеты юристов, где ничего нельзя было найти, но этот перещеголял все остальные. Сочувствую, Хорас!

— Бывает и хуже. Тут все хотя бы систематизировано и отсортировано. Просто слишком много, и надписи на корешках не всегда ясны.

— Может, приставить к вам Каупланда?

— Нет, он разбирается только в делах, которые велись в конторе. Я разнюхал кое-что, что может вас заинтересовать, шеф. Вы знали, что Уорренби являлся секретарем совета графства?

— Нет, но не удивлен.

— Его назначили в прошлом году, — продолжил Харботтл. — Я узнал об этом от Каупланда. Когда должность освободилась, старый Драйбек был болен. Раньше ее занимал один старый поверенный, но перед квартальной сессией он умер. Уорренби занял это место, пока Драйбек лечился в Торки.

— Не исключено, что ему пришлось прикончить прежнего секретаря, чтобы захватить должность, — сказал Хемингуэй, опытным взглядом изучавший стопку писем.

— Из слов Каупланда я понял, что на это место ментил Драйбек.

— Я бы не осуждал их за выбор в пользу Уорренби. У него все в руках горело, чего я не готов сказать о Драйбеке. Да, Хорас, знаю, куда вы клоните. У Драйбека появляется еще один мотив. Возможно, вы правы, хотя он, по-моему, давно должен был привыкнуть, что Уорренби сгребает под себя все должности. Странно, что он не был секретарем городской корпорации, коронером, церковным сторожем, сотрудником по наблюдению за бывшими малолетними правонарушителями и глашатаем!

— Коронером он был, а все остальное проворонил.

— Вы не знаете, кем этот бедняга стал бы, если бы не погиб во цвете лет. Нашли что-нибудь полезное для нас?

— Может, вас заинтересует письмо о гравийном карьере Эйнстейбла или о переговорах насчет приобретения Фокс-Хауса? Хотите взглянуть? Дает представление о том, что собой представлял покойный. Умел человек сбивать цену! Только все это старье.

— Что он там писал про гравийный карьер сквайра? Пытался и его прихватить по сходной цене?

— Нет, это просто письмо из лондонской юридической фирмы в ответ на его письмо от имени клиента. Должна существовать и копия, но я ее пока не нашел.

— Как тут вообще можно что-либо отыскать? — пробурчал Хемингуэй, глядя, как Харботтл роется в грудe бумаг на столе. — О чем там речь?

— Похоже, у Уорренби был клиент, зарившийся на гравий, вот он и наводил для него справки.

— Чем только не увлекаются люди!

— Господи! — вздохнул инспектор, отчаявшись найти нужное письмо. — Я его отложил, чтобы вам показать, но оно куда-то завалилось. Клиенту, ясное дело, требовалась лицензия.

— Где ваше терпение? — усмехнулся Хемингуэй. — При чем тут лондонские юристы? Я думал, что поверенный у сквайра — Драйбек. Так мне сказал начальник полиции.

— Об этом мне ничего не известно, сэр. Вот!

— Нашли?

— Копия письма Уорренби! Попала не в ту стопку. Прошу, сэр!

Хемингуэй стал читать, а инспектор продолжил поиски.

— Письмо двухлетней давности. Но вы правы, Хорас: у него был клиент, интересовавшийся гравийным карьером сквайра. Он узнал, что они те самые люди, к которым следует обращаться, и с радостью бы... И так далее. Мне что, до завтра здесь находиться, Хорас?

Инспектор бросил на него негодующий взгляд:

— Вы сами накрыли это письмами, которые читали!

— Хотите преуспеть в жизни — научитесь сваливать ответственность на других, — проговорил Хемингуэй и стал читать письмо дальше. — Они были готовы к сделке, но я не пойму вот это, о пожизненном владении... Лицензия должна была представлять собой по согласию с пожизненным владельцем — вижу, это сквайр! — нечто вроде майората. Все деньги шли этим людям за пропорциональное распределение между пожизненным владельцем и доверительными собственниками. Как интересно! Это все?

— Да.

— Письма от безымянных клиентов?

— Нет. Поэтому я и решил показать вам эти два. Выглядит так, будто предложение не имело продолжения. Может, сквайр отказался от сделки и между ним и Уорренби возникла неприязнь? — медленно произнес Харботтл, хмурясь.

— Тогда Уорренби решил добывать для своего клиента гравий втихаря, а сквайр посадил в него пулю? Хорас, вы меня удивляете!

— Или у вас возникли такие подозрения? Знаю, безумие заразительно!

Хемингуэй засмеялся:

— У меня есть занятия получше, чем выслушивать ваши версии. Продолжайте, вдруг что-нибудь раскопаете? Хотя сомнительно... Я пришлю вам в помощь молодого Морбаттла.

— Вы не увозите его в Торнден, сэр?

— Нет, Морбаттл мне не нужен. Он в вашем распоряжении, Хорас.

— Вот радость! — буркнул инспектор, затравленно глядя на ожидающие его горы бумаг.

Покинув его, Хемингуэй вернулся в участок. Сержант Карсторн еще не возвращался из Торндена, но у дежурного были для старшего инспектора новости.

— Сообщение для вас, сэр! — весело доложил он.

Хемингуэй уставился на него:

— Живо выкладываете! Зачем мне ваши усмешки?

— Прошу прощения, сэр. От мистера Драйбека! — доложил сержант.

— Другое дело! Что ему надо?

— Попросил меня передать вам это, сэр, причем осторожно. Находка сделана рядом с местом преступления, в высокой траве около кустов утесника. Он огорчился, не застав вас, сначала хотел вернуться позднее, но я сказал, что мы не ждем вас до вечера.

— Вы перспективный сотрудник, — похвалил Хемингуэй. — Что он нашел? Шпильку для волос, принадлежащую, по его мнению, мисс Уорренби?

Сержант, доставший из ящика у себя над головой маленький предмет, завернутый в льняной носовой платок, поднял голову.

— Сэр, вы почти угадали, — сказал он, разворачивая платок. — Но, оставляя это мне, мистер Драйбек попросил обратить ваше внимание на инициал.

— Ясно, — проронил Хемингуэй, с отвращением глядя на компактную пудреницу из розовой пластмассы с буквой М, выложенной из поддельных рубинов на крышке.

— Он добавил, — продолжил сержант, подбирая слова, — что делать выводы не его дело, он предоставляет это вам.

— Как предусмотрительно! Предвкушаю выражение на лице сержанта Карсторна, когда он узнает, что проглядел это при поисках гильзы! Повесьте-ка перед участком объявление, что найдена ценная пудреница. Наверняка это подарок девушке от ухажера, и она захочет вернуть его.

— Вы серьезно, сэр?

— Конечно! Или вы решили, что я возьму ее себе?

— Честно говоря, я усомнился, что мисс Уорренби могла пользоваться такой пудреницей, — признался сержант.

— Ни одна юная леди вроде нее не стала бы ей пользоваться. Дешевка!

— Но инициал... Однако вам виднее, сэр!

— Как вы думаете, у скольких девушек в Беллингэме имя начинается с М? Пудреницы не было в кустах, когда там шарил Карсторн с компанией, не было ее и когда Фокс-Хаус посетил я. Зато я знаю, что происходило на

выгоне позднее: там томились зеваки! Даже при мне побывала какая-то парочка: я их видел. Уже к вечеру воскресенья об убийстве должен был пронюхать весь город. Представляю, каково было бедной мисс Уорренби наблюдать всех этих праздношатающихся! Более того, она не пользуется пудрой! А даже если бы она пользовалась пудрой, то где девушки держат пудреницы? В сумочках! Одно могу сказать: если вы воображаете, будто, перед тем как застрелить дядюшку, мисс Уорренби пудрила носик, то вам прямая дорога к психиатру!

— Так точно, сэр! — отчеканил сержант с улыбкой.

— Если это платок Драйбека, отдайте его ему. А вот и Карсторн. Ну, как?

— Я привез три ствола, которые вы заказали, сэр.

— Молодец! Какие-нибудь проблемы?

— С мистером Эйнстейблом и в «Кедрах» — никаких. Эйнстейбл понял, зачем нам его винтовка, и не возражал. Она хранилась в летнем домике, чтобы Экфорду, агенту сквайра, не приходилось каждый раз ходить через хозяйский дом. Сквайр сам меня туда отвел. Не стану утверждать, что ружье не могли сначала оттуда забрать, а потом вернуть. Хасуэлл-младший завернул свое ружье в мешковину и попросил мать отдать его нам, если мы за ним явимся. Он сам взял его из шкафа в чулане, сэр. Это мог бы сделать любой из теннисистов, а потом спрятать — хотя в последнем я сомневаюсь.

— Что с оружием Линдейла?

— Оно тоже у меня, сэр. Он был недоволен: заявил, что никто не мог бы взять оружие без его ведома. Проблема возникла не с ним, а с миссис Линдейл. Когда я приехал, хозяина не было. Миссис Линдейл послала пощенщицу за мужем на ферму, хотя я объяснил, что хочу всего лишь проверить оружие. Она вела себя враждебно — думаю, от страха. Принялась нападать на меня —

сами знаете, как ведут себя женщины в подобных ситуациях. Но стоило появиться мужу, она притихла. По моему, они очень друг к другу привязаны. Муж сказал, что я могу забрать ружье, но он будет чрезвычайно нам обязан, если мы больше не станем тревожить его супругу, потому что она сильно нервничает и такие события, как убийство, ее огорчают.

— В таком случае, — произнес Хемингуэй, — я столкнусь с враждебностью, потому что сегодня днем намерен ее побеспокоить.

Глава 10

Старшего инспектора сопровождал в Торнден тот же молодой констебль, который возил его туда накануне. Но на сей раз целью являлась ферма Рашифорд, поэтому констебль Мелкинторп за Беллингэмом свернул направо, на Хоуксхэд. Через несколько миль дорога пересекала общинный выгон, а затем, за четверть мили до Рашифорда, с нее стал виден гравийный карьер сквайра. Там кипела работа; на вопрос Хемингуэя, что это за люди, Мелкинторп назвал местную компанию и добавил, что Эйнстейбл дает ей заработать. Далее констебль Мелкинторп, наслаждавшийся своим теперешним заданием и мечтавший о подвигах, осторожно повернул на узкую дорожку перед фермой и с надеждой осведомился, нужен ли он старшему инспектору в доме.

— Только в том случае, если до вас донесется мой крик, — ответил тот, вылезая из машины. — Тогда бегите меня спасать.

Захлопнув дверцу, Хемингуэй постоял, любуясь домом — живописной постройкой посреди небольшого сада. Служебные помещения примыкали к нему с одной стороны. Входная дверь была распахнута, тем не менее

Хемингуэй вежливо постучал и стал ждать разрешения войти. Ответ последовал только после второй попытки. На голой дубовой лестнице появилась миссис Линдейл, судорожно снимая и отбрасывая в сторону фартук.

— Извините! Моя помощница поехала в Беллингэм, а я не могла спуститься раньше. Вам нужен мистер Линдейл?

— Хотелось бы поговорить с ним, мадам, — ответил он. — Старший инспектор уголовной полиции Хемингуэй. Вот моя карточка.

Она не сделала попытки взять карточку, а застыла на пороге, словно не собиралась впускать его.

— Сегодня один детектив у нас уже побывал. Что понадобилось вам? Зачем вы нас донимаете? Мой муж был едва знаком с мистером Уорренби. Всему есть предел!

— Согласен, мы доставляем вам неудобства. Но если не позволять нам проводить расследование, мы не продвинемся дальше, согласны?

— Мы с мужем ничем не можем вам помочь! Что вы хотите узнать?

— Просто задать вам обоим пару-тройку вопросов. Можно войти?

Поколебавшись, миссис Линдейл нехотя посторонилась и, открыв дверь справа, вздохнула:

— Что ж, так и быть, входите. Я пошлю за мужем.

Она скрылась в коридоре, откуда вскоре донесся ее голос: миссис Линдейл отправляла какого-то Уолтера за мужем. В гостиную она вернулась по-прежнему воинственная, однако выдавила со слабой улыбкой:

— Извините. Поймите, это слишком. Мы уже рассказали полиции все, что знали о субботних событиях, вернее — ничего! Я покинула «Кедры» в половине седьмого и вернулась домой, чтобы уложить дочь спать. Точно сказать, когда оттуда ушел муж, я не могу: когда

я уходила, он еще играл в теннис. Но знаю, что, когда застрелили Уорренби, его не было даже рядом с Фокс-лейн.

Хемингуэй, редко заглядывавший в свои записи, произнес:

— Наверное, местная полиция запомнила мне это сообщить. Откуда вам об этом известно, мадам?

— Он шел от заливного луга, — ответила она, смело глядя ему в лицо. — Я видела его там!

— Правда?

— Хотите, поднимемся наверх, и я покажу вам окно. Оттуда виден заливной луг. Я зачем-то поднялась наверх — мы держим на чердаке много вещей — и заметила мужа. — После паузы она добавила: — Уверена, что говорила об этом другому детективу, когда он явился сюда в первый раз. Готова поклясться!

— Не сомневаюсь, — кивнул Хемингуэй. — Однако у вас могли быть свои причины, чтобы не сказать об этом сержанту Карсторну.

— Какие же?

— Например, при первом визите сержанта вы еще не поняли, что могли видеть луг с чердачного окна, — предположил Хемингуэй.

Миссис Линдейл вспыхнула, ее обычно бледное лицо зарумянилось.

— Если я не сказала об этом сержанту, то лишь потому, что была потрясена известием об убийстве мистера Уорренби и плохо соображала.

— Что заставило вас это вспомнить?

— Когда у меня нашлось время подумать, прокрутить в голове свои действия после возвращения домой в субботу... — Она осеклась и так крепко стиснула пальцы, что побелели костяшки.

Хемингуэй покачал головой:

— Не следовало утаивать это от сержанта, когда он явился сегодня утром за ружьем вашего мужа.

— Поднимитесь наверх и убедитесь!

— Я не подвергаю сомнению ваши слова, — сказал Хемингуэй и виновато уточнил: — Насчет того, что с вашего чердака виден заливной луг...

Оба помолчали.

— Послушайте! — решительно произнесла Делия Линдейл. — Точно вам говорю, вы теряете время зря. Мы были едва знакомы с Уорренби и ничего не можем вам рассказать! Почему бы вам не спросить мистера Эйнстейбла, что он делал в субботу, простившись с моим мужем? Почему он не уехал домой на машине, с женой? Почему решил вдруг побывать на своих посадках? Но нет, Эйнстейблы живут здесь уже не одну сотню лет, поэтому они вне подозрений! Как и Гэвин Пленмеллер. Лучше бы выяснили, чем занимался он, а не донимали меня! Разве это не мог быть он? Он не выносил Уорренби! Спросите мисс Паттердейл, она подтвердит, что Пленмеллер говорил: надо что-то предпринять, чтобы от него избавиться! Я стояла с ней рядом, когда он это сказал на коктейле у Эйнстейблов в прошлом месяце. Мистер Клиберн тоже там находился. И Уорренби с племянницей. Помню, как все твердили: удивительно, что сквайр их пригласил! Знал ведь, что соседи враждуют с Уорренби — и все равно позвал!

— Зачем он это сделал? — поинтересовался Хемингуэй.

— Наверное, потому, что Уорренби был прохвостом. На таких Эйнстейблы привыкли смотреть сверху вниз. Уверяю вас, они не позвали бы в Олд-плейс первого встречного. Миссис Эйнстейбл и меня не пригласила бы, если бы не просьба мисс Паттердейл. Тогда она снизошла... Не хочу ни на кого бросать тень подозрения, но

разве Уорренби не держал сквайра в кулаке? После того как Уорренби убили, я долго размышляла, кому могло понадобиться застрелить его, вспоминала разные мелкие эпизоды, которым раньше не придавала значения.

— Какие, например?

— Хотя бы вот это... Эйнстейбл пытался уговорить моего мужа поддержать Уорренби на выборах юриста Речного комитета. Не пойму, какая разница, кто им стал бы, но на Уорренби настаивал один сквайр. Теперь, когда все позади, я удивляюсь, зачем сквайру понадобился именно он, а не Драйбек. Ведь Драйбек — его поверенный и старый друг — тоже хочет это место...

Уверенные шаги в коридоре заставили ее прерваться и оглянуться на дверь. Вошел хмурый Кенелм Линдейл в старых серых штанах и распахнутой цветастой рубашке. Он был разгорячен и явно недоволен.

— Полиция? — резко спросил он.

— Старший инспектор Скотленд-Ярда, — объяснила его жена. — Я сказала, что нам нечем ему помочь.

Линдейл достал из кармана штанов носовой платок и вытер лицо и затылок.

— Хорошо, — сказал он, глядя на Хемингуэя. — Что вы хотите узнать? Мы приступили к сенокосу, поэтому буду рад, если вы сразу перейдете к делу.

— Нужно просто проверить ваши показания, сэр, — соврал Хемингуэй. — Итак, вы говорили, что покинули теннисную площадку примерно в семь десять?

— Плюс-минус несколько минут, точнее не скажу. Я ушел вместе с мистером Эйнстейблом через садовую калитку. Возможно, он лучше знает время, я его не спрашивал.

— Когда вы расстались с мистером Эйнстейблом, сэр?

— Через пару минут. Он свернул к своим новым посадкам, они тянутся прямо за «Кедрами», а я двинулся

дальше. Вы увидите, что одна моя калитка открывается на дорогу напротив тропы, ведущей к деревне. Это ярдах в ста отсюда по дороге. Я вошел в эту калитку и отправился смотреть, как мои работники справляются с заданием на заливном лугу. Дома я был к половине восьмого, точно знаю, потому что посмотрел на часы в коридоре.

— Я думала, ты взглянул на свои часы, дорогой, — заметила его жена. — Те, дедушкины, часы спешили на десять минут, сегодня я их подвела. Извини, надо было сказать тебе раньше, я не знала, что ты ориентировался по ним.

Муж подошел к камину, выбрал трубку из коллекции на полке и снял крышку со старомодного кувшина с табаком. Пока он набивал трубку, морщина у него на лбу становилась все глубже.

— Вряд они так сильно спешили, Делия, — промолвил мистер Линдейл. — Я не мог побывать на лугу и вернуться уже к семи двадцати.

— Конечно, нет. Потому я и подумала, что ты ушел из «Кедров» раньше семи десяти. Время так обманчиво, тем более когда нет особых причин смотреть на часы.

— Вы не обратили внимания, который был час, когда увидели мистера Линдейла на лугу, мадам? — спросил Хемингуэй, глядя не на нее, а на ее мужа.

— Помнишь, Кенелм, я тебе говорила, что заметила тебя из окна чердака?

Линдейл был раздражен, но не подал виду. Обняв Делию за плечи, он слегка стиснул ее.

— Глупышка! Не пытайся обмануть полицию, а то угодишь в сообщницы, верно, старший инспектор?

— Я мог бы привлечь ее к ответственности за попытку препятствовать исполнению моего служебного долга. Линдейл усмехнулся:

— Слышала? Все, иди к Розе-Веронике, а то попадешь в беду! Когда я вошел, она пыталась перевернуть коляску.

— Но, Кенелм...

— Вам моя жена не нужна, старший инспектор? — прервал ее Линдейл.

— В данный момент нет, сэр.

— Тогда иди, милая, дай мне поговорить со старшим инспектором. — И Линдейл мягко, но решительно подтолкнул жену к двери.

Она уставилась на мужа, покраснев, потом вздохнула и ушла.

Линдейл закрыл за ней дверь и повернулся к Хемингуэю.

— Прошу прощения, — сказал он. — Моя жена не только крайне напряжена, но и твердо уверена, что любой, не имеющий железного алиби, сразу становится в глазах полиции главным подозреваемым. Странные они, женщины!

— Да, я видел, что миссис Линдейл сильно нервничает, — подтвердил Хемингуэй.

— В действительности она очень робкая, — принялся объяснять Линдейл. — Не любила Уорренби. Не могу ей внушить, что этого мало, чтобы заподозрить одного из нас в убийстве.

— Должен ли я понимать вас так, что вы тоже его недолюбливали, сэр?

— Уорренби никто не любил. Чужак, знаете ли. Впрочем, мы почти не имели с ним дела. Мы редко выходим, нет времени.

— Насколько я понимаю, вы здесь недавно?

— Да, мы новенькие. Я купил ферму два года назад.

— Серьезная перемена после биржевой торговли, — заметил Хемингуэй.

— После войны я не смог вернуться на фондовую биржу. Попытался, но не получилось. Теперь все не так, как раньше. — Он чиркнул спичкой и стал раскуривать трубку. — Тот — не помню его имени, — кто забрал сегодня утром мое ружье... Как я понял, вам надо его проверить. Не возражаю, но должен сказать, что не представляю, как его могли бы позаимствовать без моего ведома. Оно хранится в комнате, которую я использую как кабинет, там автоматический замок. Сейфа я пока не завел, в доме часто бывает наличность для выплаты работникам. Приходится держать ее в ящике стола.

— Да, сэр, сержант Карсторн передал мне ваши слова, что винтовкой никто не мог воспользоваться.

— Из его вопросов я заключил, что он подбирается к молодому Ладисласу. Полагаю, вы о нем слышали: один из злосчастных эмигрантов. Некоторое время назад я действительно давал ему ружье — знаю, в техническом смысле это наказуемо — и патроны к нему. Учтите, он вернул его в тот же вечер вместе с неиспользованными патронами.

— Он побывал здесь и рассказал о своих опасениях? — сочувственно предположил Хемингуэй. — Эти иностранцы такие возбудимые! Все в порядке, сэр: я не арестую его за то, что несколько недель назад он одалживал у вас ружье.

— Неудивительно, что он струхнул. Сержант, похоже, сурово с ним обошелся, да и вообще, отношение к полякам очень предвзятое.

— На этом основании я его тоже не арестую, — пообещал Хемингуэй.

— В Торндене чешут языками, будто поляк ухлестывает за Мэвис Уорренби, — продолжил Линдейл. — Это тревожит его больше всего. Он говорит, что в мыслях ничего не имел, и я ему верю. Девушка мила, добро-

сердечна, но — не красавица... На вашем месте я бы не тратил время на Ладисласа. — Он зажал зубами черенок трубки, но тут же вынул его изо рта со словами: — Послушайте! Не хочу вмешиваться, это меня не касается, но я сочувствую этому Ладисласу. Мы с женой слишком заняты, а в деревне болтают, что мы — странная, даже загадочная пара! Та еще загадка! Ваш сегодняшний приход — доказательство, что и вы нечто подобное слышали. С Уорренби я был едва знаком, мне вообще безразлично, жив он или мертв. Если вам нужен настоящий подозреваемый, советую разобраться, чем занимался в субботу в семь двадцать Пленмеллер.

— Спасибо, сэр, непременно займусь. Вы мне можете?

— Нет. Я в это время находился на своей территории. Даже не помню, во сколько он покинул «Кедры», хотя все мы вроде ушли одновременно: мы со сквайром выбрались на тропу, остальные — на переднюю подъездную аллею. Я знаю одно: Пленмеллер теперь только тем и занимается, что возводит напраслину на соседей. Может, у него такое чувство юмора?

— На вас тоже, сэр?

— Неизвестно! Я бы не удивился. Обвинить меня в лицо он бы, конечно, не посмел.

— Возможно, вы правы, но когда я встретил Пленмеллера, он сидел с майором Миджхолмом, однако не постеснялся заявить, что скоро мне откроется мотив майора для убийства Уорренби.

— Ядовитый субъект! Пусть только попробует проделать то же самое со мной!

— Как вы думаете, у него была причина убрать Уорренби?

— Нет. Я не говорю, что вам нужен Пленмеллер. Просто не понимаю, почему он так себя ведет? Зачем

ему это? Сколько злобы! Тем более если правду говорят, что он метит и в несчастную мисс Уорренби. Я бы помалкивал, если бы не это его поведение, но раз так, хотелось бы мне понять, почему зуб на Уорренби у него был длиннее, чем у всех остальных, и почему он сбежал из «Кедров» в субботу сразу после чая?

— А он сбежал, сэр? — спросил Хемингуэй. — Я думал, Пленмеллер ушел одновременно с вами и с Эйнштейблом, с мисс Дирхэм и с Драйбеком.

— В последний раз — да. Но еще до того отлучался домой под пустячным предлогом — будто бы за чем-то, что понадобилось сквайру.

— Что это было, сэр?

— Какая-то переписка на тему назначения нового юриста в Речной комитет. Сквайр хотел показать ее мне, но это можно было сделать в любое время!

— Опять этот Речной комитет! — пожаловался Хемингуэй. — Вы принадлежали к тем владельцам береговых участков, которые не хотели отдавать место Уорренби?

— Не скажу, чтобы мне это было очень важно, — ответил Линдейл, пожимая плечами. — Наверное, я пошел бы за сквайром: он знает больше меня. Считал подходящим человеком именно Уорренби.

— Ясно, сэр. Который был час, когда Пленмеллер ушел за письмами — они же были у него?

— После чая, когда составляли новые теннисные четверки. Примерно в шесть. Отсутствовал примерно полчаса. Вернулся перед уходом моей жены.

— Если не ошибаюсь, от «Кедров» до его дома полмили?

— Только не думайте, что я намекаю, будто он не ходил домой! Наверняка ходил. На это у него мог уйти час или меньше. Не смотрите, что у Пленмеллера одна нога короче другой, он шустрый!

— Он тоже так говорит, — признал Хемингуэй. — Тогда на что вы намекаете, сэр?

Линдейл молча стоял и хмуро смотрел на вынутую изо рта трубку. Наконец поднял голову и произнес:

— Ни на что, кроме одной возможности. Пленмеллер мог сбежать домой за винтовкой — если она у него имела, а потом спрятать ее где-то у тропы, неподалеку от ворот «Кедров».

— Сообразил, что сумеет выйти сухим из воды?

— Нет. Только в «Кедрах» он понял, что сможет ею воспользоваться, — объяснил Линдейл. — Уорренби тоже пригласили на теннис, он отказался в последний момент. Это означало, что Уорренби дома, один. Теперь улавливаете? Пленмеллер ушел, когда Хасуэлл-младший увез Абби Дирхэм, Драйбека и майора. Когда машина скрылась из виду, он мог незаметно шмыгнуть на тропу. Что Пленмеллер делал после ухода из «Кедров», до того как объявился в «Красном льве»?

Хемингуэй покачал головой.

— Я плохо отгадываю загадки. Что же?

— Не могу сказать, у меня с этим тоже неважно. Пусть полиция займется этим, вместо того чтобы что-то вынюхивать в моем доме и пугать мою жену! — Линдейл сверкнул глазами. — Не знаю, сделал ли это Пленмеллер и даже были ли у него на это причины. Я часто задаюсь вопросом: претворяют ли свои методы в жизнь люди, успешно расправляющиеся с людьми на бумаге? Зато я понимаю, как он сумел бы припрятать легкое ружье и не вызвать подозрений, с кем-нибудь случайно столкнувшись. Вам не приходило в голову, что хромота ему на пользу?

— Такая мысль обязательно рано или поздно посещает, — признал Хемингуэй, беря свою шляпу.

Линдейл проводил его до машины.

— Вы, конечно, считаете, что напрасно я все это наболтал. Это и впрямь было бы напрасно, если не знать, что сам Пленмеллер не ведает угрызений совести! Если хотите, так ему и передайте, я не возражаю.

— Насколько я понимаю его натуру, он тоже вряд ли будет против, — заметил Хемингуэй. — Надеюсь, через день-другой вы получите свою винтовку обратно. Всего доброго, сэр!

Констебль Мелкенторп, степенно подъехавший к воротам, надеялся, что его чуждый условностям начальник поделится результатами беседы, но Хемингуэй только спросил:

— Можно отсюда добраться до дома Эйнстейблов?

— К Олд-плейс? Да, сэр, там есть заезд с дороги. Туда?

Хемингуэй кивнул:

— Да, но сначала притормозите у тропы, о которой я столько слышал.

Милкенторп подчинился: вырулив с фермы, повернул направо и через сто ярдов остановился. Хемингуэй вылез и захлопнул дверцу.

— Ждите здесь. — И он зашагал по тропе.

Слева от него простирался общинный выгон, справа тянулись канава и проволочный забор, отделявший тропу от посадок — молодых елочек. Южная граница посадок представляла собой поросшую лишайником каменную стенку, вдоль которой тропа продолжалась еще ярдов пятьдесят. Зная, что за стенкой находится часть сада «Кедров», Хемингуэй запомнил расположение ворот на южной оконечности. Сразу за воротами стенка полностью загораживала сад, а тропа резко уходила на запад и южнее главных ворот «Кедров» достигала Вуд-лейн. Там, где был поворот на запад, находилась приступка — переход на Фокс-лейн.

В этом месте Хемингуэй постоял несколько минут, запоминая местность. Изгиб тропы скрывал от глаз Вудлейн. Через приступку был виден Фокс-Хаус, проглядывавший между деревьев сада, и кусты утесника на бугорке выгона, золотившиеся за вязом, росшим рядом с проулком. Грубые голоса и шелест легкого платья подсказали старшему инспектору, что по меньшей мере в чем-то он не ошибся: проулок Фокс-лейн стал пользоваться популярностью у зевак. Он поджал губы, покачал головой и вернулся на дорогу, разочаровав водителя своим молчанием после приказа: «Едем дальше!»

Въезд в Олд-плейс с хоуксхэдской дороги представлял собой белые сельские воротца, распахивавшиеся на узкую грунтовую дорожку с высокой травой между колеями от колес. По объяснению Мелкинторпа, этот въезд был дополнительным, в отличие от главного — больших ворот со сторожкой в конце торнденской Хай-стрит.

— Приятное место, — произнес Хемингуэй. — Наполовину парк, наполовину лес. Он заканчивается у дороги или земли сквайра тянутся дальше, где рубят деревья?

— По-моему, земли простираются до реки, сэр. Многие дома в округе тоже его.

— В наши дни это уже не такое богатство.

Больше он ничего не сказал, но, когда машина остановилась перед домом, его цепкий взгляд подметил невыдающую красоту парка. Они только что проехали мимо маленькой вспомогательной фермы, миновав еще двое ворот, а потом обширный прежде огород и фруктовый сад. Чтобы достичь подъездной аллеи, пришлось пересечь конный двор с проросшими между брусчаткой сорняками. Двери конюшен, даже верхние половинки, были закрыты, краска на них потрескалась и облупилась. Раньше здесь суеилось не менее полудюжины работников, а теперь остался единственный конюх средних лет.

— Прогресс, — тихо пробурчал Хемингуэй, понимая, что его спутник, сочувствующий демократическим устремлениям и бунтам, ощущает смутное удовлетворение от мысли, что высокие налоги принудили еще одного землевладельца оставить без работы большую часть прежнего персонала.

— Говорят, раньше у сквайра было полдюжины садовников, много конюхов и егерей, — сказал констебль, затормозив перед домом. — Теперь все, конечно, по-другому.

— Точно, — отозвался старший инспектор, покидая машину. — А народ, заметь, сынок, это все больше садовники, конюхи да егеря. Можешь набить этим свою трубку, то-то славно задымится!

Оставив недоуменного констебля с отвисшей челюстью, он шагнул к двери дома. Хемингуэй позвонил в колокольчик, и дверь открыл седой слуга, спросивший имя и цель гостя и поклонившийся в знак уважения к закону и презрения к его приспешникам. Виртуозно сочетая вежливость и пренебрежение, он усадил старшего инспектора в кресло в холле и отправился за указаниями к хозяевам. Вернулся слуга в сопровождении миссис Эйнстейбл, пары терьеров и одного молодого ирландского сеттера, устроившего старшему инспектору необычайно радостный прием.

— Сидеть! — скомандовала миссис Эйнстейбл. — Извините. Сидеть, дурачок!

Хемингуэй, успешно отражавший восторженный натиск сеттера, воскликнул, стряхивая с себя шерсть:

— Какой красавец! Ну, хватит! Сидеть!

— Очень признательна вам за снисходительность, — сказала миссис Эйнстейбл. — Он еще не прошел обучение. — Ее утомленные глаза оглядели старшего инспектора. — Полагаю, вам нужен мой муж. Он здесь, непо-

далеку, во флигеле. Я отведу вас к нему. Это сэкономит время, к тому же там он держит свою винтовку.

— Благодарю вас, мадам.

Она рассмеялась:

— Раньше Торнден не радовал нас такими развлечениями!

— Полагаю, вы предпочли бы без них обойтись, — произнес Хемингуэй, следуя за ней сначала по коридору, а потом по заросшей аллее.

— Сознаюсь, без этого было бы гораздо лучше. Какой ужас — убийство! Муж тоже обеспокоен. Он никак не избавится от ощущения ответственности за Торнден. У вас есть догадки, чьих это рук дело? Или нельзя спрашивать? Тем более когда среди возможных подозреваемых мой муж... Лучше бы я дождалась его и увезла домой!

— Вы, кажется, рано уехали с тенниса, мадам?

— Да, я заглянула туда только на чай. Сама я — развалина и в теннис не играю. К тому же тогда выдался очень жаркий день!

— Вы помните, во сколько уехали, мадам?

— А какая разница? После шести часов. Спросите мистера Пленмеллера, он шел мне навстречу, когда я выехала. Может, он помнит, который был час?

— Наверное, он возвращался с бумагами для вашего мужа?

Она опять засмеялась:

— Да! Вам рассказали?

— Мне сообщили, что после чая он попросил отпустить его и вернулся через полчаса. Я не знал, что вы встретили Пленмеллера.

Она остановилась и бросила на него быстрый взгляд:

— Можно подумать, что у кого-то были дурные замыслы! Поделом ему, угодил в собственную ловушку! Вам объяснили, почему ему понадобилось уйти?

— Нет, мадам. А вы знаете?

— Конечно, как и все остальные! Ужасно с его стороны — и так типично! После чая составились команды, и мисс Уорренби оказалась лишней. Это означало, что ей предстояло беседовать с Гэвином Пленмеллером. Поэтому ему и понадобилось отлучиться домой за бумагами для моего мужа. Неудивительно, что он создает себе врагов!

— Удивляться не приходится, — поддакнул Хемингуэй. — Вы полагаете, все знали истинную причину его ухода?

— Все, кто его слышал! Миссис Хасуэлл сказала, что ему и мисс Уорренби придется развлекать друг друга, после чего он обратился к Линдейлу будто бы вполголоса, но так, что слышали все: дескать, теперь ему надо быстро соображать... Не знаю, услышала ли это мисс Уорренби, но я услышала! Ты очень занят, Бернارد? Пришел старший инспектор Хемингуэй.

Две ступеньки вели в большую квадратную комнату, где были бюро с выдвижной крышкой, картотечный шкаф, несколько кресел с кожаными сиденьями. На одной стене висела карта поместья, в другой была дверь. Сквайр сидел за столом и занимался какими-то бланками. Он взглянул на Хемингуэя из-под густых бровей и поднялся.

— Скотленд-Ярд? — резко спросил он. — Иди отдыхай, Розамунда!

— И не подумаю, дорогой! — Миссис Эйнстейбл села и достала из лежавшей на столе пачки сигарету. — Не до отдыха, когда у нас полиция! Мне интересно! Можно подумать, что мы угодили в книжку Гэвина!

Муж молча посмотрел на нее. Она, закурив, подбодрила его улыбкой — так показалось Хемингуэю.

— Прошу, садитесь, — произнес сквайр. — Чем могу быть полезен?

Это было сказано скорее по-командирски, а не тоном человека, которому предстоит допрос. Хемингуэй оценил это и понял, что сквайр крепкий орешек. Что ж, люди, поручившие это расследование ему, знали, что делали. «Замешаны местные родовитые семейства, — объяснил заместитель комиссара полиции непосредственному начальнику и закадычному другу Хемингуэя суперинтенданту Хинкли. — Неприятная ситуация. Поручим ее Хемингуэю. Понятия не имею, как у него это получается, но у Хемингуэя нестандартный подход. Он умеет раскалывать самых трудных свидетелей». На что суперинтендант Хинкли с усмешкой заметил: «Он бывает несносным, правда, сэр? Но результат есть результат. Сдается мне, именно его нестандартный подход застает людей врасплох. Факт, вы же сами говорите: он всегда добивается своего! У него редкое...» В этом месте заместитель комиссара перебил суперинтенданта: «Чутье! И не говорите! Что есть, то есть, черт бы его побрал!»

Сам старший инспектор без колебания приписал бы свой первый вопрос сквайру этому чутью. Усевшись по другую сторону стола, он улыбнулся:

— Благодарю вас, сэр. Я подумал, что лучше с вами поболтать, потому что, насколько я понимаю, вы дружили с Уорренби.

Воцарилась тишина. Ее продолжительность была старшему инспектору на руку. Никто не догадался бы, что Хемингуэй наблюдает за обоими присутствующими. Тем не менее, хоть он и выбрал этот момент для поглаживания терьеров, нюхавших его штанины, от него не укрылись ни взгляд сквайра, ни оцепенение его обычно суетливой супруги: она, не мигая, уставилась на тлеющий кончик своей сигареты. Молчание нарушил сквайр:

— Я бы выразился скромнее. Я с ним прекрасно ладил. В пререканиях с соседями нет никакого смысла.

— Точно, — кивнул Хемингуэй. — Тем более что все сходятся в одном: поладить с Уорренби было непросто. Вот я и решил поговорить с человеком, относившимся к нему непредвзято. Как эту непредвзятость ни толковать... По одну сторону мисс Уорренби, по другую все остальные. В данной ситуации важно услышать беспристрастное мнение. Как он умудрился добиться такой единодушной неприязни?

Сквайр не спешил с ответом. Сначала, скрывая неуверенность, он пододвинул Хемингуэю сигаретную пачку.

— Не знаю, курите ли вы...

— Спасибо, сэр, — сказал Хемингуэй, беря сигарету.

— Вы задали трудный вопрос, — начал сквайр. — Сам я никогда не конфликтовал с Уорренби: со мной он был сама учтивость! Но он был отчасти чужаком. Не понимал, как вести себя в таком месте, как это. Здесь нужно добиваться поддержки, шагать в ногу со временем. Но и отпугивать таких, как Уорренби, не следует. Надо принимать их и учить правильному поведению.

Действительно, подумал старший инспектор, сквайр — крепкий орешек.

— Как вы считаете, сэр, он мог прибегнуть к шантажу, чтобы добиться своего? — спросил он.

Миссис Эйнстейбл уронила пепел с сигареты себе на подол и, стряхивая его, воскликнула:

— Что за противоестественная мысль! Кого ему было шантажировать в таком уважаемом месте?

— Мало ли... — пожал плечами Хемингуэй. — Я общался с его старшим клерком, мадам, и у меня возникли разные мысли...

— Бесплезно спрашивать об этом меня! — хрипло произнес сквайр. — Будь у меня основания такое заподозрить, то я не имел бы с ним ничего общего.

— Вы пытаетесь понять, почему мы с ним общались? — обратилась к старшему инспектору миссис Эйнстейбл, вызывающе глядя на него. — Это я виновата. Не могла преодолеть жалость к его несчастной племяннице. Потому и оказывала им гостеприимство. Это, конечно, глупость и феодализм, но если мы принимаем новичков, то нашему примеру следуют другие. Расскажите нам больше о шантаже! Если бы вы знали Торнден так, как я, то понимали бы, насколько это невероятно. Можно подумать, что мы попали в книжку Гэвина Пленмеллера.

Заметив, что сквайр впился взглядом в лицо жены, Хемингуэй сказал:

— Придется мне засесть за книги мистера Пленмеллера! Кстати, это напомнило мне о еще одном вопросе, который я собирался вам задать, сэр. Вы просили Пленмеллера принести вам во время игры в теннис в субботу некие бумаги?

— Нет! — отрезал сквайр. — Я попросил его вернуть их мне, но никакой спешки не было. По неким собственным причинам он взялся принести их немедленно. Не знаю, куда вы клоните, но хочу сообщить, что Пленмеллер вернулся в «Кедры» до моего ухода. Встретил по пути мою жену и отдал бумаги ей. Мог бы вручить их напрямую Линдейлу, не тревожа меня, но это не в его стиле.

— Как я слышал, они связаны с Речным комитетом, сэр? Вроде бы там нужен юрист, и Уорренби метил на это место?

Сквайр заерзал в кресле.

— Да. Не знаю, почему Уорренби было так важно это назначение: ничего особенного! Однако он на него на-

целился, и я не собирался ему мешать. Это не было поводом для волнения.

— Вот и мне так показалось, — признался Хемингуэй. — Хотя я в подобных вопросах профан. На место претендовал также мистер Драйбек.

— Вздор! — раздраженно бросил сквайр. — Драйбек и так свой, ему ни к чему дополнительные должности, чтобы быть принятым! Я говорил ему об этом. Он бы все равно получил место: кандидатура Уорренби сталкивалась с сильным сопротивлением.

— Действительно, — кивнул Хемингуэй, почесывая подбородок, — теперь-то, полагаю, сэр, должность его? События обернулись в пользу Драйбека.

— Что, черт возьми, вы хотите этим сказать? — крикнул сквайр. — Если вы намекаете, что Тэддиас Драйбек — человек, которого я знаю всю жизнь! — способен убить Уорренби или кого-либо еще просто ради того, чтобы получить место в Речном комитете...

— Ничуть, сэр! Я не имел в виду ничего подобного. Просто любопытно, что вас заставило поддерживать Уорренби, если на место претендовал Драйбек?

— Мне не пристало назначать в совет своего собственного поверенного! К тому же... Нет, не важно.

— Важно, Берnard! — возразила его жена. — Драйбек — наш семейный поверенный, старший инспектор, но... Он уже немолод и, увы, далеко не так компетентен, как Уорренби. Да, Берnard, я знаю, что это с моей стороны нелояльно, но зачем делать из всего тайну?

— Даже говорить не стоит, — заключил сквайр. — К делу не имеет ни малейшего отношения. — Он взглянул на Хемингуэя. — Вы хотите узнать, куда я направился и что делал, уйдя из «Кедров» в субботу?

— Благодарю вас, сэр, вряд ли я снова стану вас этим беспокоить, — ответил Хемингуэй, вызвав у мужа с же-

ной удивление. — Ваши показания сержанту Карсторну вполне ясны. Вы осматривали новые посадки. Сегодня я сам там побывал. Я не разбираюсь в лесоводстве, но, по-моему, вы активно занимаетесь вырубкой.

— Да, занимаюсь, — подтвердил сквайр.

— Простите, что спрашиваю, — не унимался Хемингуэй. — Покупатель вашего леса — клиент Уорренби?

— Клиент Уорренби? — повторил сквайр. — Ничего подобного!

— Наверное, я перепутал. Его интересовал гравийный карьер, не так ли? В его кабинете найдена переписка по данному вопросу. Не знаю, важно ли это, но решил упомянуть.

— Я не вел с Уорренби никаких дел!

— Он, случайно, не имел отношения к компании, разрабатывающей ваш карьер?

— Ни малейшего. Мне известно, что она действует через «Трокингтон энд Фламби». Ни я, ни она не прибегали к услугам юристов.

— Вы не привлекали своих поверенных к разработке контракта, сэр?

— В этом не было необходимости, напрасная трата денег. Это весьма уважаемая фирма, они не обманут меня, я — их.

— Тогда понятно, почему ваши поверенные не осведомлены, что вы уже лишились прав на карьер, — заметил Хемингуэй.

— Если вы о Драйбеке, то он был в курсе, что я так поступил.

— Я не о нем, сэр, а о лондонской компании. Кажется, она называется «Бейси, Кокфилд энд Белси».

Сквозняк из открытой двери зашелестел бумагами на столе. Сквайр аккуратно сложил их и придавил пресс-папье.

— Вы называете компанию доверителей по распоряжению именем, — объяснил он. — Им, естественно, неизвестны детали моих сделок. Я правильно вас понял, что Уорренби будто бы был с ними связан?

— Да, сэр. Поскольку эта связь, похоже, не принесла результата, я бы попросил вас продемонстрировать права собственности.

— Можно мне осведомиться, о чем они переписывались?

— Один клиент Уорренби вроде бы проявлял интерес к гравию. Он писал этим поверенным, наводя справки об условиях, будучи осведомлен, — что они именно те, к кому следует обращаться. Они в ответ подтвердили это, но заметили, что договариваться придется с вами. Из документов следует, что на этом все прекратилось. К вам, сэр, он не обращался?

Вместо сквайра ответила миссис Эйнстейбл.

— Уорренби обратился ко мне! — крикнула она. — Это был совершенно невозможный человек. Не надо хмуриться, Бернард: да, он мертв, но факты есть факты. В этом был весь он: выведать у меня, что ты уже отдал в аренду карьер, вместо того чтобы спросить тебя самого. Не выношу людей, идущих окольными путями без разумных причин. Ужасное плебейство!

— Уорренби обратился к вам, мадам?

— Не то что обратился... Повел речь вокруг да около.

— Когда это было? — спросил Хемингуэй.

— Господи, не помню! Он был таким любопытным, цепким! — Она затушила сигарету. — Интересно, кто являлся его клиентом? Похоже на какую-то мутную фирму, с которой мой муж не стал бы иметь дела. Забавно!

— Так, без сомнения, и было, — произнес старший инспектор, вставая.

Глава 11

Приехав в пять часов к викарию, Хемингуэй застал его за разговором с одним из церковных попечителей, мистером Генри Хасуэллом. Неопытная служанка с испугу привела гостя прямо в кабинет викария.

— Этот джентльмен из Скотленд-Ярда, сэр, — пролепетала она.

— Боже сохрани! — ахнул от неожиданности викарий. — Ведите его сюда, Мэри. Ах, вы уже здесь? Хорошо, Мэри, ступайте. Добрый день, мистер... не знаю вашего имени.

Хемингуэй вручил ему свою карточку. Викарий надел очки, прочитал: «Старший инспектор Хемингуэй» — и произнес:

— Добро пожаловать! Чем могу быть вам полезен? Познакомьтесь, это один из наших попечителей, мистер Хасуэлл.

— Может, мне уйти? — спросил Хасуэлл, поприветствовав Хемингуэя кивком.

— Мне вы не мешаете, — ответил Хемингуэй. — Мне стыдно вас прерывать, викарий. У меня совсем мелкое дело. Из регистра огнестрельного оружия явствует, что у вас есть винтовка калибра 0,22. Можно на нее взглянуть?

— Винтовка? А как же, есть! Вернее, у моего сына. Я покупал ее для него, хотя сейчас он ею не пользуется, потому что живет в Лондоне. Никогда не знаешь, понадобится ли она ему, когда он приезжает. Сам я не стрелок.

— Конечно, сэр. Вы мне ее покажете?

— Дайте вспомнить! До чего неудобно! Где же она? Простите, я пойду посмотрю. Садитесь!

Проводив его взглядом, Хемингуэй произнес со вздохом:

— Как я погляжу, еще один ствол канул неведомо куда! Первый был вашим, сэр.

— Вы перекладываете на меня ответственность за оплошность моей жены, старший инспектор? — спокойно откликнулся Хасуэлл. — Я не согласен, что винтовка куда-то канула. Ее одолжили — правда, в обход правил — местному водопроводчику, однажды заведшему заглохшую машину моей жены. Правда и то, что он вернул ее через несколько дней, и с тех пор она, насколько я знаю, лежит дома.

— Да, сэр, но мне сообщают, что она висела без присмотра в шкафу у вас в чулане, откуда любой мог ее взять без вашего ведома.

— Согласен, но позвольте уточнить, что ее обнаружили в этом самом шкафу вчера вечером. Я еще могу — хотя с большим трудом — представить, что ее забрал кто-то из гостей устроенного моей женой теннисного турнира. Но мне никак не удается объяснить, как кто-либо мог пронюхать о винтовке в шкафу, а тем более вернуть ее потом на место, оставшись невидимым. Вы забрали ружье? Мой сын оставил его для вас.

— Нет, сэр. Это сделал сержант Карсторн.

Хасуэлл чуть заметно улыбнулся:

— Согласитесь, мы ничего от вас не утаили, старший инспектор.

— Образцовые открытость и честность, сэр. В ваш чулан можно проникнуть из сада?

— Нет, только из холла. Над глухим матовым окном крутится вентилятор. Если учесть алиби моего сына, то остается лишь один человек, который мог бы сначала забрать оттуда ружье, а затем вернуть его на место, — я сам. Только я вряд ли стал бы возвращать его туда. — Ну что, Клиберн, настигли вас ваши грехи?

— Еще как! — ответил вернувшийся викарий. — Мне ужасно жаль, инспектор, но, боюсь, я не могу немедленно предоставить вам это оружие. Помнить бы заранее о ловушках, что усеют наш путь! Знаю, я поступил дурно, прекрасно знаю!

— Не огорчайтесь, сэр! Просто вы его кому-то одолжили, — сказал Хемингуэй. — Хотя и не должны были этого делать.

— Это невозможно отрицать, — скорбно проговорил викарий. — Но когда у тебя есть спортивное оружие, то надо быть скупердям, чтобы не одолжить его тому, у кого его нет. Особенно когда пример подает сам добрый сквайр, позволяющий стрелять у себя на пустоши и поощряющий деревенских ребят заниматься спортом. Большинство из них — молодцы! Я следил за тем, как многие ребята росли, от самой колыбели, и могу вас заверить, инспектор, что, хотя и нарушал закон, доверяя оружие тем, кто не имеет права его держать, никогда не отдал бы его тому, за кого не мог бы поручиться.

— Кому же, например, сэр? — поинтересовался Хемингуэй.

— Полагаю — и жена помнит то же самое, — в последний раз это был молодой Дитчлинг. Он пел у меня в хоре, пока голос не начал ломаться. Золото, а не паренек! Старший в большой семье, его мать, бедняжка, — вдова. Ему только что вручили призывную повестку, и он забыл вернуть мне ружье. Горе ему, а еще больше мне самому за то, что не напомнил! Молодежь, знаете ли, инспектор, весьма забывчива.

— Да, сэр, — кивнул Хемингуэй. — Говорите, он старший в большой семье? Боюсь, младшие братья долго баловались с чужим ружьем и, скорее всего, потеряли его.

— Уверен, что нет! — возразил викарий.

— Я тоже. Где проживает эта большая семья?

— «Розовые коттеджи», дом два, — ответил викарий, глядя на него с несчастным видом. — Коттеджи напротив выгона, на триндейлской дороге.

— Вот как?

— Знаю, о чем вы думаете, — произнес викарий, тяжело усаживаясь в кресло. — Никогда не перестану винить себя за то, что послужил причиной — сам того не ведая, но это не оправдание — для подозрения, павшего на голову представителя смелой преследуемой нации, о котором я не могу сказать ни одного дурного слова!

— Не отрицаю, сэ,р, меня посетила мысль, что в одном из этих коттеджей живет поляк, которого вы называете Ладисласом. Но вы, похоже, знаете мои мысли лучше меня самого, потому что я обычно считаю бездарной тратой времени о чем-то думать, когда не хватает информации. Тем не менее я рад, что вы его упомянули: то, что человек вашего сана может сказать о своем прихожанине, представляется мне заслуживающим внимания.

— Ладислас не мой прихожанин. Он не нашего вероисповедания. Можно, конечно, считать любого жителя прихода овцой в своем стаде, тем более в этом случае, когда молодой человек при столь трагических обстоятельствах лишился семьи, дома, даже страны. Мой долг — привнести в его одинокую жизнь немного дружелюбия.

— Это делает вам честь, сэ,р, — сердечно изрек Хемингуэй.

— Скорее самому Ладисласу, — возразил викарий с улыбкой. — Поляки стояли здесь у нас неподалеку во время войны и не всегда производили приятное впечатление. Я сам должен к своему стыду сознаться, что не был доволен, услышав, что один из них поселился сре-

ди нас. Однако, сочтя своим долгом навестить молодого человека, я приятно удивился. Достойный человек, полный решимости добросовестно трудиться и вынужденный, увы, преодолевать нашу островную замкнутость и предвзятость. Я познакомил его с людьми, с которыми он мог бы ощутить душевное родство, и нисколько об этом не пожалел. Кстати, его квартирная хозяйка, наша добрая миссис Докри, весьма уважаемая особа, души в нем не чает, а ее суждение весит несравненно больше моего, инспектор!

— Я бы этого не утверждал, сэр, тем не менее понятно, что он не тратит все свое свободное время на создание проблем для деревенских девушек, я уж не говорю о женщинах, чьи мужья служат в армии, — произнес Хемингуэй.

Хасуэлл, молча сидевший у окна, вдруг хохотнул, но викарий, по-прежнему улыбаясь, покачал головой и заметил, что младенцы с неустановленным отцовством, которых он обязан крестить, вызывают у него слезы, а не смех. За этим соображением последовал переход к его малоимущей пастве. Старший инспектор внимал его сбивчивым речам, набравшись терпения, мысленно отделял зерна от плевел и постарался, упомянув домработницу Линдейлов миссис Мортон, вырулить на тему высшего торнденского общества. Однако о Линдейлах викарий сообщил немного. Миссис Линдейл не принадлежала, как и Ладислас, к его вероисповеданию, а ее муж, хотя и возвращенный в англиканской вере и вообще хороший человек, увы, в церковь не ходил. Викарий сожалел, что такие приятные молодые люди вынуждены жить затворниками. Они редко появлялись на скромных соседских праздниках. Миссис Линдейл слыла высокомерной, но викарий объяснял ее нрав робостью. Мисс Паттердейл, в высшей степени радушная особа, кото-

рую он упорно возводил в ранг доброго ангела прихода, прекрасно отзывалась о миссис Линдейл. Это она уговорила миссис Эйнстейбл пригласить пару, но ничего не вышло: миссис Линдейл вежливо отклонила приглашение, сославшись на невозможность оставить свою малышку. Викарий горевал и по этому поводу. Пусть Эйнстейблы не принадлежали к поколению Линдейлов и нечасто принимали гостей, их нельзя было не считать полезным знакомством.

— Я сейчас как раз от них, — подхватил Хемингуэй. — Мистер Эйнстейбл — джентльмен старой школы. Начальник полиции рассказал, что он лишился на войне единственного сына. Представляю, какая это утрата для Торндена, а не только для него самого.

— Вы совершенно правы, инспектор! — воодушевился викарий. — Я редко встречал таких замечательных молодых людей, как он. Он поддержал бы ветшающие традиции. Редкий цветок в густом лесу... Сквайр перенес жестокий удар. Остается надеяться, что его наследник не ударит в грязь лицом, хотя, боюсь, отношения между деревней и сквайром ждут печальные перемены. Торнден плохо принимает чужаков.

— Не знаю мест, где это происходило бы более гладко, — заметил Хемингуэй. — Будем надеяться, что в ближайшее время этого не случится. У сквайра здоровый и бодрый вид, чего не скажешь о миссис Эйнстейбл.

Викарий вздохнул:

— «Ибо не ведаешь, что сулит грядущий день...»

— Воистину! — отозвался Хемингуэй. — Так-то оно так, но...

— У сквайра грудная жаба, — сообщил викарий.

— Что вы говорите!

— Сквайр вполне может протянуть еще много лет, — подал голос Хасуэлл.

— Все мы молимся об этом, дорогой Хасуэлл.

— Я понимаю, о чем говорит викарий, — произнес Хемингуэй. — При такой болезни каждый день может оказаться последним. Неудивительно, что у миссис Эйнстейбл озабоченный вид. Как я погляжу, он не из тех, кто себя щадит.

— Сквайр не инвалид, — возразил Хасуэлл. — Он очень энергичный человек, для него будет только хуже, если он откажется от привычной активности.

— Святая правда! — кивнул викарий. — Но ему можно пожелать меньше трудов. Так и хочется посоветовать сквайру забыть о чрезмерной добросовестности, но разве такое советуют?

— То есть не так стараться ради поместья, которое достанется по наследству то ли кузену, то ли племяннику, живущему где-то в Южной Африке? — уточнил Хемингуэй. — Это даже не старания, а настоящая борьба! — Он посмотрел на Хасуэлла: — Я видел, что он занимается лесоповалом.

— И новыми посадками.

— Это я тоже заметил.

— Сквайр — необыкновенный человек, — тепло промолвил викарий. — Иногда я ему говорю, что предприимчивостью он поборется с человеком вдвое моложе себя! Помню, когда он только решил извлечь выгоду из общинного выгона... Надо вам объяснить, инспектор, что выгон...

— Кстати, про выгон, — перебил его Хасуэлл. — Как вы считаете, старший инспектор, можно запретить людям топтаться там, мусорить, тарашиться через изгородь на Фокс-Хаус? Мисс Уорренби это чрезвычайно неприятно.

— Бедняжка! — воскликнул викарий. — Это просто позор! Куда катится мир? Что за вульгарная тяга к сен-

сационности? Как раз сегодня утром об этом толковал Гэвин Пленмеллер, но я не обратил внимания. Испугался, что он опять настроен шутить, а мне его шутки совершенно не нравятся! Действительно, инспектор, необходимо что-то предпринять!

— Боюсь, полиция бессильна, сэр, пока люди ограничиваются самим выгоном и общественной дорогой и никому не чинят препятствий, да и как иначе, там же тупик!

На лице викария появилось тревожное выражение.

— Может, мне пойти туда и обратиться к ним, объяснить, как все...

— Кто-то просто похихикает, а может, и нагрубит вам, — предостерег Хасуэлл. — Лучше натравите на них Пленмеллера: ему понравится рассеивать толпу. Его остановит лишь угроза линчевания.

— Хасуэлл, Хасуэлл, друг мой, — пробормотал викарий.

— Не волнуйтесь! — засмеялся тот. — Вы можете представить, чтобы он хотя бы пальцем шевельнул ради племянницы Уорренби?

Викарий покачал головой и сказал, что у их доброго друга злой язык, но любой достоин снисхождения, а сердце человеческое не избавлено от горечи.

— Уж его-то, с хромотой, надо бы пожалеть, — произнес Хемингуэй. — Слушать Пленмеллера исключительно полезно, он о любом такого наговорит, что не устоишь на ногах от неожиданности! Однако я не уверен, что его суждению можно полностью доверять. Не удивлюсь, если Пленмеллер просто старается оправдать надежды слушателей и всякий раз, открывая рот, выдает что-нибудь сногшибательное.

Викарий окинул Хемингуэя одобрительным взглядом и похвалил за проницательность.

— Я сильно огорчен его отношением к этой при-
скорбной истории, — продолжил он. — Молчу о хри-
стианском сострадании, но и с мирской точки зрения
я предостерегал Пленмеллера, что его неумеренное
красноречие может быть неверно понято. Пока что, —
оговорился он, изображая поклон, — мои опасения не
подтвердились.

— Большое вам спасибо, сэр, — радостно сказал Хе-
мингуэй. — Вообще-то у меня возникло бы больше по-
дозрений, если бы Пленмеллер вдруг сменил тон, пото-
му что, как утверждают, он много месяцев твердил, что
от Уорренби необходимо избавиться. Я вот чего никак
не возьму в толк: почему он взъелся на Уорренби силь-
нее, чем кто-либо еще? — Он сделал выразительную па-
узу, но викарий лишь вздохнул, а Хасуэлл усмехнулся
и пожал плечами. — Возможно, — продолжил Хемингу-
эй, — разница между ним и остальными местными жи-
телями, не выносившими Уорренби, состоит в том, что
он говорил то, что думал, а они нет.

— Боюсь, вы правы, — скорбно закивал викарий.

Старший инспектор прищурился:

— Вы с большинством, сэр?

— Это невозможно опровергнуть, — ответил подав-
ленный викарий. — При всех стараниях тяжело бороть-
ся с неподобающими мыслями, плоть слаба, о как слаба!

— Если так пойдет, то вы скоро заподозрите всех, кто
не питал к Уорренби неприязни, старший инспектор, —
усмехнулся Хасуэлл. — Спешу вас уверить, что я, подоб-
но викарию, считал его пренеприятнейшим субъектом!

Хемингуэй поднялся.

— Вижу, он добился непопулярности, — подытожил
он. — Не стану больше отнимать у вас время, сэр.

— Что вы, что вы! — вежливо откликнулся вика-
рий. — Я полностью в распоряжении тех, кому нужен.

Он проводил Хемингуэя до двери, пожал ему руку и сказал, что мечтает встретиться с ним по более приятному поводу.

Констебль Мелкинторн, увозя старшего инспектора от дома священника, спросил в воротах, куда двигаться теперь. Ему было велено ехать к «Розовым коттеджам». Пропустив велосипедиста, водитель повернул на Хай-стрит влево. Он уже переключал передачу, когда раздался приказ затормозить. Он послушно замер на обочине. К машине приближался майор Миджхолм.

— Добрый вечер, сэр! — поприветствовал его Хемингуэй. — Я вам нужен?

— Да! — подтвердил майор. — Я думал-думал и посчитал своим долгом поделиться с вами кое-какими сведениями. Учтите, возможно, это пустое. Я не утверждаю, что придаю им большое значение, но мало ли? Наш долг — сообщать полиции все, что известно.

— Правильно, сэр, — подтвердил Хемингуэй.

Но майору все же недоставало решительности.

— Не люблю болтать о соседях! — признался он. — Но что поделаться, если речь об убийстве? Если то, что я скажу, окажется пустяком, никому не будет причинено вреда; а если нет — что ж... Глупо отрицать, что происшедшее всех нас потрясло. Не готов утверждать, будто знаю, чьих это рук дело. Между нами говоря, здесь, в Торндене, только спящий не изображает сейчас сыщика-любителя! Не думайте, что я пытаюсь сделать за вас вашу работу, но я, конечно, много обо всем этом размышлял и кое с кем это обсуждал. Собственно, вчера вечером я говорил об этом с женой. У нее свои версии, не стану в них вдаваться, потому что не разделяю их. В общем, у меня не выходит из головы, что два человека, сильнее всего не любившие Уорренби, — это Драйбек и Пленмеллер. Когда мы с Драйбеком шли в субботу в «Ке-

дры», к нам присоединился Пленмеллер. Среди прочего он сказал, что его порог — единственный в Торндене, через который Уорренби не переступить. — Майор выдержал выразительную паузу. — Я обмолвился об этом жене, и она сообщила, что видела в субботу утром, как Уорренби входил в Торнден-Хаус! Она, конечно, не знает, что ему там понадобилось и сколько времени он провел с Пленмеллером, потому что направлялась за покупками и думала о другом. В первый раз услышав об этом, я не придавал ее словам значения, но после долгого размышления пришел к выводу, что вам следует об этом знать. Повторяю, это может оказаться ерундой. А с другой стороны — странно: хвастаться, что Уорренби никогда не переступал твоего порога, когда тот сделал это в то самое утро! Можно подумать, он старался, чтобы никто не заподозрил, что у них двоих есть какие-то дела!

Констебль Мелкинторп смотрел на старшего инспектора, пытаясь понять, как на того подействовало услышанное. Но он не удивился, увидев, что спокойствие столичного сыщика нисколько не поколеблено.

— Понятно, — грозно произнес Хемингуэй. — Надо быть большим оптимистом, чтобы надеяться, что никто не заметит субботним утром на деревенской улице идущего к нему Уорренби!

— Я передал вам то, что узнал.

Подняв голову, майор замер. К ним направлялся от своего дома, переходя улицу по диагонали, Гэвин Пленмеллер.

— Допрос, передача сведений или беззаботная прогулка, майор? — осведомился тот. — Рад вас видеть, старший инспектор. Уверен, мою радость разделяет вся деревня. Мы ожидали вас ближе к закату, но так даже лучше. Признаться, здесь ощущалась неудовлетворен-

ность. Нам подавай действие, и мы надеялись, что настоящий детектив из Лондона щедро обеспечит нас пищей для разговоров.

— Что ж, я пойду, — пробормотал майор.

Гэвин окинул его веселым взглядом:

— Чего это вы вдруг заторопились? Неужели — поверить не могу! — вы наговаривали старшему инспектору на меня? — Видя, как майор заливается краской смущения, он захохотал: — Великолпно! Что это было? Или вы не захотите мне сказать?

Было видно, что у майора это желание отсутствует напрочь, но как офицер и джентльмен тот не мог сбежать, когда запахло жареным. Поэтому прозвучал от-важный ответ:

— Кажется, вы столько всего наболтали про людей, что не должны сильно возражать, если они поменяются с вами местами.

— Какие могут быть возражения! — усмехнулся Гэвин. — Просто хочется надеяться, что вы раскопали обо мне что-нибудь хорошее.

— Ничего я не раскопал! Знаете, что не дает мне покоя? Зачем было говорить, что Уорренби никогда не переступал вашего порога?

— А я так говорил? — удивился Гэвин.

— Да, говорили!

— Не исключено, конечно, и я ни в коем случае не стал бы это отрицать. Просто любопытно, когда я позволил себе столь ответственное утверждение?

— Вы сказали это Драйбеку и мне на Вуд-лейн в субботу. Мол, ваш порог — единственный, которого ему не переступить.

— Что ж, святая правда. Помнится, нашему Тэддису эти слова пролились бальзамом на душу. Ну и что?

— Пленмеллер! — повысил голос майор, обретая в гневе уверенность. — Уорренби переступил ваш порог тем самым утром!

— Обратите внимание, старший инспектор, — невозмутимо сказал Гэвин, — я категорически отвергаю данное постыдное обвинение!

— Примите к сведению, что моя жена видела, как он входил в ваш дом!

— Наглая ложь, — улыбнулся Гэвин. — В мой сад — другое дело. Если она находилась в тот момент на Хай-стрит, то вряд ли пропустила бы это зрелище. Более того, ваша жена должна была обратить внимание на его вульгарную машину у моих ворот. Осталось объяснить, как она умудрилась пронзить взглядом кирпичную стену, — вот что представляло бы интерес!

Как ни ошеломлен был майор, он еще не расстался со своим скепсисом:

— Вы хотите сказать, что в дом Уорренби не входил?

— Вам обязательно надо повторять очевидное? Он застал меня в саду. Не скажу, что Уорренби не пытался пересечь мой порог: такая попытка была. Он позволил себе предложение войти со мной в дом, заставив меня признаться, что, согласившись, я нарушил бы торжественную клятву.

— Так и сказали?! — ахнул майор.

— Что за вздор! Вам отлично известно, что я легко повторяю в лицо людям то же самое, что говорю у них за спиной.

Старший инспектор решил вмешаться:

— Зачем ему понадобилось переступать через ваш порог, сэр?

— Наверное, прилив честолюбия. Поползло из-под крышки, так сказать. Или вас интересует, зачем Уорренби пожаловал ко мне?

— Да, — подтвердил Хемингуэй.

— Хотел меня уговорить. Так он сам объяснил. Вообразал, будто я постоянно вставляю ему палки в колеса, к тому же он прослышал — каким образом, хотелось бы мне знать? — что я неодобрительно о нем отзывался. Я уведомил его, что последнее соответствует действительности, тогда Уорренби заявил, что сумеет положить конец моей деятельности. Понятия не имею, каким способом он собирался выполнить свою угрозу, а теперь мы и подавно не узнаем его наполеоновских планов. Могу лишь заметить, что Уорренби не сумел убедить меня, что замыслил контрнаступление. Уговоры быстро деградировали в пустые слова и злость. Уорренби перечислял свои услуги графству, потом видных людей, которых он, по его собственному неудачному выражению, принудил играть с ним в мячик. Дальше пошло что-то совсем бесвязное, и я его выставил.

— Боже милостивый! — вскричал майор. — Почему вы не рассказали нам с Драйбеком о своей ссоре с Уорренби?

— Дражайший майор, — ответил Гэвин сладким тоном, — во-первых, ссоры не было: я никогда не доставляю своим врагам удовольствия заставить меня вспылить. Во-вторых, мне не приходит в голову делиться маленькими победами с Драйбеками и Миджхолмами. А в-третьих, я давно понял, что одинок в своих не всегда безуспешных попытках сбить с Уорренби спесь.

— В жизни не встречал таких противных людей, как вы! — заявил майор, чье лицо теперь можно было с полным основанием назвать багровым. — Будь я проклят, если продолжу словесный поединок с вами!

— Так и думал, что вы спасуете, — сказал Гэвин. Проводив взглядом поспешно удаляющегося майора, он произнес: — Почему многим бывает трудно отделаться

от несносных зануд? Видали, как быстро рыбка заглотила наживку?

Пропустив его вопрос мимо ушей, Хемингуэй задал свой:

— Откуда у вас неприязнь к Уорренби, сэр?

— Происхождение антипатии теряется во мраке, старший инспектор. Сыграл роль также атавизм. При виде того, как этот выскочка штурмует все цитадели, в том числе крепость Эйнстейблов, во мне вскипела кровь Пленмеллеров. Пока был жив брат, мне редко удавалось добиться его одобрения, но теперь, когда он мертв, я уверен, что поступаю так, как ему хотелось бы. Люди ведь часто это делают... Из этого следует мораль, но я бы попросил вас ее не извлекать! Хотите узнать еще что-нибудь о злополучном визите Уорренби или с вас довольно?

— Хочу: как он собирался заставить вас прекратить его третировать? — спросил Хемингуэй, не сводя с Гэвина немигающего взгляда.

— Мне это тоже любопытно, но тайна осталась тайной. Не принимать же в расчет завуалированную угрозу привлечь меня к суду за клевету? Мое воображение спотыкается на мысли, что такой человек, как Уорренби, мог публично пожаловаться на то, что я о нем говорил. Это, знаете, не совсем та известность, к какой он стремился.

— Он грозил вам судом, сэр?

— Да. Я в ответ пообещал сделать все, чтобы он выиграл дело. Но разве от него дождешься благодарности? Он был по-своему не лишен ума. Скажите, старший инспектор, вам в процессе раскопок не попадалось имя Нентолл?

— А почему вы спрашиваете, сэр?

Гэвин насмешливо сверкнул глазами:

— Значит, не попадалось. Когда надоест проверять версии деревенских полоумных, вы наверняка оцените значение этого имени. Ничем не могу вам помочь: я сам его не слышал, пока оно не было по явной оплошности обронено в «Красном льве» вечером, примерно месяц назад.

— Кем обронено? — уточнил Хемингуэй.

— Самим Уорренби после того, как Линдейл заслуженно поставил его на место. Он спросил Линдейла, говорит ли что-нибудь ему это имя. Линдейл ответил отрицательно, но было очевидно, что имя говорило ему о многом!

— Так... Что было потом?

— Ничего. Наше любопытство не было удовлетворено. Уорренби сказал, что спросил просто так. Я смекнул, что вопрос подействовал на Линдейла — а почему?

— Что вы имеете в виду, сэр, говоря о действии вопроса?

— Мне пришло в голову, что я чуть не стал свидетелем убийства. Но вы должны помнить: я — профессиональный сочинитель. Наверное, я дал волю воображению. Но вопрос остается, старший инспектор.

Он подарил Хемингуэю свою фирменную саркастическую усмешку и захромал прочь. Констебль Мелкинторп вздохнул:

— Ну и тип! Что с таким делать?

— Никто от вас не требует делать с ним что-либо. Ваша задача — крутить баранку, — едко бросил Хемингуэй.

Глава 12

Через несколько минут полицейская машина подъехала к «Розовым коттеджам», и старший инспектор был счастлив свести знакомство с миссис Дитчлинг и с пя-

тью из семи ее детей — от двадцатилетней Герты до шестилетней Джекерлин. Он прекрасно обошелся бы без этого знакомства, но пока миссис Дитчлинг хлопотала по дому, стремясь оказать гостю достойный прием и боясь, что он найдет ее жилище не вполне прибранным, ее семья пришла к выводу, что наступил праздник. Элфи, юный джентльмен в бархатных штанишках и вязаной кофте, метнулся в задний двор, крича своему братцу Клоду, чтобы тот немедленно явился, иначе пропустит детектива.

Живописуя позднее эту сцену инспектору Харботтлу, Хемингуэй признался, что с самого начала сваял дурака. Дитчлинги были не только дружелюбны, но также словоохотливы и любознательны и при этом говорили все сразу. Старший инспектор, потрясенный приемом, был вынужден восхищаться чудовищным игрушечным зайцем из лилового плюша, продемонстрированным Джекерлин, милостиво согласившейся откликаться на Джеки, отвечать на пулеметные очереди вопросов Элфи и его братца Клода, и поддерживать миссис Дитчлинг в ее суждении, что Эдди не следует дурить и бросать надежное место в «Уолурте» ради карьеры кинозвезды. Одновременно его ознакомили с массой сведений, в том числе с полной историей безвременной кончины мистера Дитчлинга, взлета Герты в «Миллинери», с медалями, завоеванными Клодом в отряде бойскаутов, с материнской тревогой из-за аденоидов Элфи, с письмом Тэда из лагеря новобранцев, с высоким мнением хозяина о Рее, который, вот жалость, отправился в кино, не заглянув после работы домой...

— Он так огорчится! — причитала миссис Дитчлинг.

Все сходились во мнении, что отсутствующий Рег многого лишился, особенно убивалась Герта. Клод утверждал, что старший брат от огорчения сляжет, а Дже-

керлин раз семь спрашивала мать, придет ли Рег посмотреть на полисмена.

Когда старшему инспектору удалось наконец сформулировать цель своего визита, смятение усугубилось. Миссис Дитчлинг, с ужасом узнавшая, что викарий еще не получил назад свое ружье, принялась подробно рассказывать о проводах Тэда, а Герта — повторять, что Тэд наказывал Регу не забыть вернуть оружие. Эдди сказала, что Рег в своем репертуаре, Клод и Элфи визгливо заспорили о местонахождении ствола, а Джекерлин снова потребовала ответа на вопрос, придет ли Рег посмотреть на полисмена.

— Очень надеюсь, что нет! — крикнул Хемингуэй, разнимая мальчишек и тряся обоих. — Прекратите, оба! Замолчи, Элфи! И ты, Клод! Если ты бойскаут-«волчонок», то отвечай, куда твой брат девал ружье викария? Если увижу, что ты опять лягаешься с Элфи, то все расскажу командиру вашего скаутского отряда!

После этой отповеди Клод признался, что Тэд для безопасности отнес винтовку к себе в мастерскую, после чего орава вывалила в крохотный садик за домом. Там обнаружился деревянный сарай, возведенный Тэдом, как гордо доложила миссис Дитчлинг, собственными руками. Но поскольку дверь сарая оказалась заперта, а ключ находился у отсутствующего Рега (если сам Тэд не засунул его неведомо куда), донос Клода не представлялось возможным проверить. Элфи, ненавистник бездействия, предложил сбить замок, но старший инспектор отказался. Он распорядился, чтобы Рег доставил винтовку викария в полицейский участок Беллингэма по пути на работу следующим утром, не стал пить чай и сбежал. Семья провожала его до калитки двери и всячески проявляла дружелюбие. Мальчишки умоляли Хемингуэя навестить их еще, а Джекерлин не только про-

щалась с ним индивидуально, но и передавала писклявым голоском пожелания счастливого пути от своего плюшевого зайца.

Эта сцена так потрясла констебля Мелкинторпа, что он вместо того, чтобы с показной лихостью запустить мотор и распахнуть перед Хемингуэем дверцу, остался сидеть неподвижно с разинутым ртом.

— Разве вы не знали, что я — их пропавший дедушка? — усмехнулся Хемингуэй. — Ради бога, заводитесь! Сделайте вид, будто увозите меня в Беллингэм, не то Клод с Элфи предпримут попытку штурма автомобиля!

— Куда на самом деле ехать, сэр? — осведомился Мелкинторп.

— До конца коттеджей. Я навещу Ладисласа. Не хочу, чтобы эта банда прилипла носами к стеклу.

Хитрость, к счастью, удалась, и когда машина достигла назначенного места, Дитчлинги уже скрылись в доме. Выйдя из автомобиля, Хемингуэй зашагал к коттеджу миссис Докри.

Было уже шесть вечера, и Ладислас вернулся с работы. Оказавшись в передней гостиной, куда его привела миссис Докри, старший инспектор застал в гостях у Ладисласа двух посетителей: Мэвис Уорренби в трауре и Абби Дирхэм. Девушки навестили его, вернувшись из Беллингэма на автобусе. Хемингуэй не заметил, чтобы их появление доставило Ладисласу удовольствие. Он был кареглазым красавчиком с романтическими черными кудрями, робким, как фавн. Появление старшего инспектора его испугало, и он, не теряя времени, уведомил Хемингуэя на отличном английском, что две леди просто заглянули к нему по пути домой. Мисс Уорренби в своей простодушной манере дополнила:

— Мистер Замагориски — мой большой друг, и я сочла своим долгом продемонстрировать ему полное дове-

рие и уверенность, что он не имеет никакого отношения к смерти моего дяди.

По виду Ладисласа нельзя было судить, признателен ли он ей за это заявление.

— Вы так добры... — промямлил он.

Понимающе улыбнувшись, мисс Уорренби взяла его за руку и стиснула ее.

— Вы должны мне верить, Ладди, — ласково промолвила она. — Не слушайте сплетни, я же не слушаю! Я часто думаю, насколько лучше был бы мир, если бы люди помнили об обезьянах.

— Какой смысл помнить об обезьянах? — вскричал Ладислас, высвобождая руку. — Извините! К чему этот разговор об обезьянах?

— Я про трех обезьянок — олицетворении того, что нам следует...

— Ясно! — воскликнула Абби. — Не видеть дурного, не слушать дурного, не вести дурных речей. Ладислас, это просто поговорка. Пошли, Мэвис! Если старшему инспектору нужно поговорить с Ладисласом, не станем ему мешать.

Поляк переводил взгляд с Хемингуэя на девушек. Мэвис спросила, не хочет ли он, чтобы она осталась, причем ее тон так намекал на их полное взаимопонимание, что он испугался еще сильнее и поспешно отверг ее помощь.

Пришлось Мэвис нехотя собирать свои многочисленные свертки. Старший инспектор, достав из-под стола бумажный пакет, отдал его ей, заметив, что она совершила много покупок.

— Это для траура, — объяснила Мэвис благостным тоном, с легким оттенком упрека. — Знаю, скорбь сейчас не в моде, но лично я вижу в этом дань уважения. Я попросила мисс Дирхэм съездить со мной в Беллин-

гэм, потому что одна не смогла бы, хотя знаю, что должна привыкать к одиночеству...

Говоря, она поглядывала на Ладисласа, но тот избегал ее взгляда, предпочитая не без трепета смотреть на Хемингуэя.

— Верно, — кивнул старший инспектор. — Вы уважали дядю, мисс?

— Что за вопрос? Конечно, да!

— Ты говоришь искренне или просто потому, что он умер? — не сдержала любопытства Абби.

— Абби, ты не такая. Ненавижу циничные разговоры! Я очень любила дядю Сэмпсона и, естественно, уважала его.

— Меня это интересует, — произнес Хемингуэй. — Уж не обессудьте, мисс, похоже, вы — единственный известный мне человек, испытывавший к нему уважение.

— Наверное, я знала его лучше, чем все остальные.

— Вот и я так подумал. Объясните, как он умудрился всех против себя настроить? Только не надо утверждать, будто его любили.

Если Хемингуэй надеялся лишиться Мэвис самообладания, действуя напролом, то его ждало разочарование. Он удостоился лишь томного взгляда и следующих слов:

— Я считаю, что судить по внешности неверно. У моего бедного дядюшки было полно мелких причуд, зато сердце у него было золотое. Просто люди его не знали. Конечно, он не был безупречен — ведь у всех есть изъяны. Но я вспоминаю чудесную мысль Стивенсона, которую выучила в школе. Я решила, что буду всегда ей следовать. — Мэвис вздохнула, улыбнулась и, к неудовольствию Абигейл Дирхэм, восторженно продекламировала: — «В худших из нас так много хорошего, в лучших из нас так много плохого, что вряд ли кому-то стоит говорить об остальных!»

— Неужели вас в школе заставляли заучивать такую тухлятину? — усмехнулась Абби. — Моя была гораздо лучше! Мы учили самое лучшее, вроде «Попутный вечер нас доставил сей же час...», «Эдвард, Эдвард», «Лорд Рэндал, мой сын». В этом был хоть какой-то смысл! Пошли, нам пора!

Старший инспектор не возражал, чтобы она вывела Мэвис из комнаты. Он слышал, как в коридоре Абби упрекает подругу за чепуху, от которой всех тошнит.

Хемингуэй остался наедине с Ладисласом, уверенным, что угодил в лапы гестапо.

— Я ничего не знаю! — заявил он, прижавшись спиной к стене. — Делайте со мной, что хотите, я ничего вам не скажу!

— Значит, нет смысла что-то делать с вами, — заметил Хемингуэй. — Я и не собирался. Не знаю, как чудят в Польше, но в Англии бояться полиции не следует. Скажите, вы с мисс Уорренби собираетесь пожениться?

— Нет, тысячу раз нет!

— Ну и ладно, не надо волноваться! Вы просто друзья?

— Она очень добра ко мне, — произнес Ладислас уже спокойнее, но все еще с подозрением. — У меня здесь мало друзей. Я был рад, когда меня с ней познакомили. Мисс Уорренби сочувствует мне, спрашивает про мою родину, а сама она несчастная, потому что ее дядя тиран и у нее, как у меня, нет друзей. О женитьбе я не помышляю, клянусь!

— Дядя не был добр к мисс Уорренби.

— Ну да! Она не признается, не жалуется, но у меня есть глаза, и я не дурак! Она даже выполняет работу служанки, ведь дом большой, а служанка там была одна-единственная. Мисс Уорренби рассказала, что когда служанка вышла замуж за садовника, мистер Уор-

ренби от жадности не стал искать ей замену и заявил, что мисс Уорренби бездельничает, вот пусть и трудится в доме. Ей приходилось слушаться, прислуживать дяде, быть вежливой с его друзьями и не иметь собственных!

— Ему не нравилась ее дружба с вами? — Хемингуэй ждал ответа, но Ладислас молча таращил глаза. — Почему?

— Я поляк! — отрезал тот.

— Он случайно не вообразил, будто вы хотите жениться на мисс Уорренби?

— Это не так!

— Не надо волноваться! Вы видели мистера Уорренби, когда зашли туда в субботу?

— Нет!

— Видели. Что он делал?

Ладислас разразился бурной речью, суть которой сводилась к тому, что не будь он иностранцем, старший инспектор не посмел бы допрашивать его и ставить под сомнение его слова.

— Такая работа, приходится сомневаться в том, что слышишь, — невозмутимо парировал Хемингуэй. — К тому же у вас манера противоречить самому себе. Сержанту Карсторну вы сообщили, будто не ходили в Фокс-Хаус, а когда он вам не поверил, сказали, что все-таки ходили — к задней двери. Я вынужден предположить: вы знали, что мистер Уорренби находился внутри дома, раз вы его видели. Вы занимались там разведкой? Не склонен вас осуждать, он ведь был из тех, с кем лучше не сталкиваться. Ну, выкладывайте, что там произошло на самом деле?

Эта деловитая речь привела Ладисласа в чувство. Он еще немного поглазел на Хемингуэя, а потом промолвил:

— Когда я говорю, что не видел его, я имею в виду...

— Что видели! Вы же иностранец и неважно владеете английским языком?

Поляк задохнулся от возмущения:

— Он сидел в своем кабинете. Читал какие-то бумаги.

Хемингуэй кивнул:

— За письменным столом? Вы легко могли увидеть мистера Уорренби с дороги, если он был там. Потом подкрались к задней двери, что было глупо. Во-первых, я видел тропинку, по которой ходят торговцы, она проложена вдоль той стороны дома, где Уорренби мог вас заметить. А во-вторых, он должен был бы слышать, как вы стучитесь. Ладно, если вы так говорите, я не возражаю, это не очень важно.

— Сейчас скажу вам правду! — воскликнул Ладислас. — Я не подходил к двери. Ушел, потому что не хочу неприятностей для мисс Уорренби, а раз ее дядя дома, то мне ясно, что она никуда со мной не пойдет. Что здесь такого?

— Лишняя работа для полиции, больше ничего, — заметил Хемингуэй и ушел.

Для констебля Милкенторпа нашлась компания. Выйдя из машины, он с усмешкой наблюдал за потрепанным субъектом преклонных лет в старой одежде и засаленной фуражке набекрень, что шло вразрез с его почтенным возрастом. Рядом стояла полная женщина. На эту пару грозно взирал еще один констебль — средних лет, со склонностью к избыточному весу. Старший инспектор увидел, как полная женщина берет старика за руку, и услышал, как она уговаривает его уняться и идти домой, где его ждет чай.

— Отпусти, не то получишь тумака! — отвечивал старейшина сварливо и не вполне разборчиво, цепляясь для устойчивости за молодой ясень. — Женщины! Глаза б мои их не видели! Я намерен поговорить с детекти-

вом, и никакая женщина мне не помешает, тем более этот олух! У него тупая башка и плоскостопие, пусть не мечтает о повышении, даже если доживет до моих лет, ему лычек не видать, потому что он ест не в себя — или это не жир, а водянка?

— Отец! — взмолилась дочь, дергая его за руку. — Не груби мистеру Хобкирку! Если не прекратишь, то...

— Будешь дальше распускать язык, Бигглсвейд, — пожалеешь, что вовремя его не проглотил! — не выдержал констебль Хобкирк, задохнувшись от гнева.

— Мистер Бигглсвейд, мистер Хобкирк! — поправила его женщина, мгновенно переметнувшись в противоположный лагерь. — Ему целых девяносто лет, забыли, что ли? Все, отец, пошли!

— В чем дело? — вмешался подошедший Хемингуэй.

Констебль Мелкинторп так увлекся представлением, что забылся и подмигнул начальнику. Хобкирк отреагировал по-уставному:

— Полицейский констебль Хобкирк, сэр! Разрешите доложить...

— Заткнись, молокосос! — скомандовал Бигглсвейд. — Нечего тебе докладывать, дай мне! Знаю я тебя, еще наврешь с три короба. Пусть в газете будет моя фотография, а под ней надпись — мол, такой-то...

— Отстаньте от констебля, дедушка! — добродушно попросил Хемингуэй. — Что случилось, Хобкирк?

— Случись что, — не сдавался непокорный Бигглсвейд, — его лучше не спрашивать, он уже много лет не видит дальше собственного брюха, куда ему! А я ни словечка не скажу, потому что никогда не имел дела с полицией, никого из вас не боюсь!

— Несносный старикашка! — воскликнул Хобкирк. — Ты же был худшим в графстве браконьером, пока не превратился в развалину, мне ли не знать!

Злодейская физиономия Бигглсвейда сморщилась, из беззубого рта вырвалось слабоумное хихиканье.

— А ты докажи, сынок! Я не отрицаю и не подтверждаю, просто говорю, что был слишком хитер и всегда оставлял вас, олухов, с пустыми руками.

— Не обращайтесь на него внимания, сэр! — попросила дочь. — Впал в детство. Прошу извинения за его речи, у него осталось одно упрямство. Взлся рассуждать, а зубы забыл дома!

Сильный тычок локтем от разгневанного папаши заставил ее замолчать.

— Дочка, — представил ее Бигглсвейд. — Не даст отца в обиду. Вон как расцвела. У меня есть еще. И сыновья. Первым родился сын, последним тоже.

— Знаете, дедушка, — произнес Хемингуэй, — ничего мне так не хочется, как послушать историю вашей жизни, да только работа не позволяет. В общем, поскорее выкладывайте, зачем я вам понадобился!

— Вот-вот, сынок, слушай меня — произведут в сержанты! — одобрительно прошамкал Бигглсвейд. — Я-то знаю, кто убийца!

— Неужели?

— Ничего он не знает, сэр! — вмешался Хобкирк. — Совсем спятил от дряхлости! В сержанты! Вот старый болван!

— Отцепитесь от него! — велел Хемингуэй. — Я вас слушаю, дедушка. Так кто он?

На сморщенном лице Бигглсвейда появилось хитрое выражение.

— Только чтоб фотография в газете! — предупредил он старшего инспектора. — И награда, если полагается. Если нет, ни словечка не скажу!

— Все будет, — пообещал Хемингуэй. — Если назовете мне того, кто это совершил, я сам вас сфотографирую.

Довольный Бигглсвейд кивнул:

— Вот и умница! Хотите знать, кто это сделал? Молодой Рег Дитчлинг, вот кто!

— Отец! — крикнула его дочь. — Зачем возводить на парня напраслину? Ты все перепутал!

— Рег Дитчлинг, — упрямо повторил Бигглсвейд, с загадочным видом мотнув убеленной сединами головой. — Не слушайте тех, кто будет показывать на кого-либо еще. Я как раз находился на выгоне, неподалеку от Фокс-лейн. Вдруг слышу выстрел. Пусть никто не лепечет про эхо: никто на свете не разбирается в ружейной пальбе так, как я. Я и ухом не повел — не мое дело. Но вот кого, думаете, я увидел минут через десять в кустах ежевики?

— Рега Дитчлинга? — спросил Хемингуэй.

— Не торопитесь! Его самого, Рега Дитчлинга! «Чего тебе здесь понадобилось?» — интересуюсь. «Ничего». «Прямо так ничего? — говорю. — Ружьишко-то откуда, внучек?» Дунул он от меня — только пятки засверкали. А я пошел в «Красного льва», хлебнуть перед ужином пивка.

— Там я тебя и нашла, — подтвердила дочь. — Было уже семь, и Крейлинг сказал, что ты просидел там полчаса.

Хобкирк, подобравшийся к старшему инспектору, прошептал ему на ухо:

— Она говорит правду, сэр, но от старого дурня не добиться толку. Вот сцапаю Рега Дитчлинга — научу его уму-разуму: нечего разгуливать с оружием без разрешения. Но если он и стрелял на выгоне, то за час до убийства мистера Уорренби. Этому старому пройдохе я бы не поверил, даже если бы он поклялся на Библии! Все дело в том, что про девяностолетие старого Хани написали в газете. Теперь Бигглсвейд на все пойдет, лишь бы в газете появилась и его физиономия!

— Надеюсь, он добьется своего, — произнес Хемингуэй, одобрительно глядя на Бигглсвейда, сопротивлявшегося попыткам дочери увести его. — Бойкий старик! Такой заслуживает фотографии в газете.

Хобкирк усомнился в правоте начальства:

— Если бы вы так на него нагяделись, как я, сэр...

— Обойдусь! Многие местные жители изображают детективов-любителей?

— Вы не поверите, сэр! — серьезно ответил Хобкирк. — Просто эпидемия! Только и делаю, что вразумляю недотеп, видевших своих врагов в полумиле от Фокс-Хауса, когда застрелили мистера Уорренби. Как таким можно верить?

— Вы неправы, — возразил Хемингуэй. — Я бы поверил. — Что ж, дедушка, ступайте домой, а то чай остынет. Вам больше не о чем тревожиться. Я не забуду то, что вы мне рассказали. Мелкинторп! В Беллингэм!

В полицейском участке старшего инспектора ждал начальник полиции графства, пребывавший в раздражении.

— Извините, сэр, — начал Хемингуэй. — Вы хотите со мной поговорить? Меня немного задержали местные таланты. — Видя замешательство полковника, он объяснил: — Сыщики-любители, сэр.

— Неприятно! — бросил полковник без малейшего сочувствия. — У вас появилась информация?

— Рассказывать, собственно, нечего, сэр. Суп становится гуще — вот и все, что можно доложить на данный момент.

— Вас это радует?

— Да, — признал Хемингуэй. — Мой опыт подсказывает, что чем он гуще, тем ближе разгадка. Вы можете просветить меня на предмет юридического статуса поместья мистера Эйнстейбла?

— Не могу, — ответил полковник, пристально на него глядя. — Наследник — племянник Эйнстейбла, вот и все. Вы намекаете на майорат?

— Не совсем, сэр. Существует соглашение о доверительной собственности, но его условия мне неизвестны. Сквайр — не хозяин поместья.

— Господи! Я понятия не имел... Вы уверены?

— Уверен, что он лишь арендатор — пожизненно, сэр. Еще мне известно, как называется юридическая фирма, действующая от имени доверителей. Сколько лет было сыну Эйнстейбла на момент смерти?

Полковник задумался.

— Мой сын учился вместе с ним. Примерно девятнадцать — нет, он был старше Майкла на несколько месяцев. Около двадцати.

— Возраст не подходит. Значит, поместье отдал в доверительное управление его дед или перезаложил. Пока сын был несовершеннолетним, изменить юридическое состояние было невозможно. Я не очень подкован в подобных вопросах, просто одно мое расследование вращалось вокруг доверительной собственности на крупное поместье.

— Как вы все это разнюхали? — удивился полковник. — Я думал, в дела Эйнстейбла не посвящен никто, кроме Драйбека. А тот, конечно, ни слова не проронил бы о проблемах своего клиента!

— Если быть точным, это разнюхал Харботтл, — ответил Хемингуэй. — О доверительной собственности знал не только Драйбек. Еще Сэмпсон Уорренби. Если не ошибаюсь, Хасуэлл тоже в курсе — во всяком случае, подозревает.

— А ведь Уорренби был последним, с кем Эйнстейбл стал бы откровенничать. Продолжайте!

— Я твердо уверен, что он с ним не откровенничал. Уорренби сам все выяснил. Есть копия его письма к поверенным попечителей о том, что один его клиент интересуется гравийным карьером Эйнстейбла, и они именно те, к кому следует обратиться. Есть и ответ этой фирмы, в нем ясно сказано, что, хотя деньги следовало бы платить им, агентам попечителей, для последующего распределения между пожизненным арендатором и доверительными фондами, все подобные сделки должен одобрять только сам Эйнстейбл. Похоже на то, что Уорренби должен был обратиться к Драйбеку, поверенному Эйнстейбла, а тот переадресовал его к лондонской фирме.

— Так, наверное, и произошло, — согласился полковник.

— Да, сэр, но только я в свое время сталкивался с подставными лицами и считаю, что здесь было то же самое. Не сомневаюсь, что Уорренби выудил у Драйбека необходимые сведения, но он действовал не самостоятельно. Не знаю, как все устроилось, но это не важно. Если я разоблачу методы, которыми покойный добывал сведения о соседях, то вместо ареста подпишу благодарственное письмо человеку, который его уколошил!

— Я совсем запутался, — признался полковник. — Почему вы говорите о несамостоятельности Уорренби? Если у него был клиент...

— Да, сэр, но, похоже, никакого клиента у него не было. Как-то неестественно, что Драйбек ни разу не упомянул об этом сквайру, а в том, что упоминаний не было, я уверен. Для Эйнстейбла это стало новостью, причем неприятной.

Полковник заерзал в кресле.

— Почему вы думаете, что клиента не было?

— Потому что мы больше ничего о нем не слышим, сэр.

— Вдруг Уорренби выяснил, что карьер уже сдан в аренду? — предположил полковник.

— Он мог знать об этом с самого начала. То есть не мог, а должен был знать. Вместе со всем Торнденом! Думаю, Уорренби заподозрил, что поместье сквайра передано в доверительную собственность, и решил выяснить подробности. Не надеясь что-либо узнать у Драйбека, он поступил иначе.

— Хотелось бы услышать, что, собственно, у вас на уме, Хемингуэй.

— Если разобраться, сэр, то приходишь к выводу: сквайр обесценивает нанятое имущество, и продолжается это все время после гибели его сына. Я, конечно, не эксперт, но знаю: если отдать поместье в доверительную собственность и сбывать его, так сказать, основной капитал — лес, ископаемые и так далее, то примерно две трети выручки придется передавать в фонд поместья. — Он сделал паузу, но полковник промолчал. — А вот если класть всю сумму себе в карман — или, предположим, так ее инвестировать, чтобы жена после вашей смерти была обеспечена, то это и есть обесценивание.

Полковник, долго сверливший хмурым взглядом папку на своем столе, поднял голову:

— Это серьезное обвинение, старший инспектор.

— Да, сэр. Только меня не касается, как мистер Эйнштейн поступает со своим поместьем, если это не связано с данным расследованием. Тогда это не уголовное преступление.

— Что вы собираетесь предпринять?

— Попросить Управление кое-что осторожно выяснить. Без этого не обойтись. Шума не возникнет.

— Разумеется. Только если вы полагаете, что для подобного расследования существует достаточно оснований.

— Да, сэр. Я подозреваю, что Уорренби держал сквайра в кулаке. Далее. Я осмотрел поместье и увидел, что на него расходуется совсем немного денег, в то время как изымается немало. Отойдет оно племяннику, который сквайру почти чужой. Не скрою, я сочувствую сквайру из-за этой разоряющей его доверительной собственности. Если бы его сын дожил до двадцати одного года, то все изменилось бы, и миссис Эйнстейбл не осталась бы без содержания. Но сын погиб, и сквайр уверен, что племянник посмотрит на ситуацию иначе, чем смотрел бы его сын. Я был у супругов Эйнстейблов, и мне показалось, что близкая смерть грозит скорее ей, чем ему. Но из Олд-плейс я отправился к викарию и там выяснил, что у сквайра большое сердце.

— Грудная жаба, — произнес полковник. — Но, насколько я знаю, у него было только два приступа, причем несильных.

— Да, и мистер Хасуэлл, присутствовавший при моем разговоре с викарием, сказал, что Эйнстейбл протянет еще много лет. Но не надо быть врачом, чтобы понимать: все может произойти внезапно. Это добавляет деталей к тому, что я уже заметил. Упомянув о тех двух письмах, найденных в кабинете Уорренби, я неприятно удивил сквайра и миссис Эйнстейбл. У меня создалось впечатление, что им не нужно, чтобы я заглядывал на этот карьер или на лесоповал. А тут еще Хасуэлл: стоило викарию заговорить о гравийном карьере, он вмешался, заморочил бедняге голову и перевел беседу совсем на другое. Я сделал вывод, что он, как и я, в курсе намерений сквайра.

После недолгого молчания полковник сказал:

— Неприятное дело, Хемингуэй! Слава богу, оно в ваших надежных руках. Если Уорренби шантажировал сквайра не для денег, а чтобы тот взял над ним покровительство в обществе, то является ли это достаточным мотивом для убийства?

Хемингуэй встал.

— Не припомню сразу, сколько дел я вел, сэр, — сухо промолвил он. — Уж точно немало. И все равно не скажу, что может стать мотивом для убийства, а что нет. Многие преступления, которые я расследовал, совершались по причинам, которые я бы отмел как невозможные, не будь раскрытие умышленных убийств моим ремеслом. Излишне напоминать вам об этом, сэр.

— Да, — кивнул полковник. — Но все зависит от того, какой человек замешан в преступлении.

— Верно, сэр.

Полковник снова поднял голову.

— Шантаж, — веско произнес он. — Да, это мотив, старший инспектор. Сильный мотив.

— Причем он оставляет нас на широком поле возможностей! Сквайр был для Уорренби не единственным объектом шантажа. — Хемингуэй посмотрел на часы. — Если позволите, сэр, я вас покину. Я обещал своему шефу позвонить примерно в это время. — Подойдя к двери, он оглянулся: — У меня список из более полудюжины людей, которые в связи с отсутствием алиби могли бы совершить это убийство, ну и что? Как минимум у четырех из них есть некое подобие мотива, а в конце преступником окажется, наверное, кто-то, о ком я даже не успел подумать.

— Очень надеюсь, что вы правы, — заметил полковник.

Глава 13

В маленьком кабинете не оказалось никого из временно подчиненных старшему инспектору сотрудников, но он увидел, что Харботтл, пришедший раньше его, разобрал стопку бумаг на столе. Усевшись, Хемингуэй отодвинул бумаги и подтянул к себе за шнур телефонный аппарат. Его немедленно соединили с непосредственным начальником, суперинтендантом Хинкли, который поздоровался с ним сурово, зато без всякой официальности: сказал с убийственным сарказмом, что рад слышать его голос и обожает задерживаться в Управлении, опаздывая на встречу. На это старший инспектор нашел надлежащий ответ, содержащий порицание людей, весь день проводящих с ногами, закинутыми на стол. После обмена любезностями суперинтендант поинтересовался:

— Ну, как дела, Стэнли?

— Бывало и хуже. Есть что-нибудь для меня?

— Ничего важного. Все банально: родился в 1914 году в Ноттингемшире, единственный сын преподобного Джеймса Артура Линдейла. Отец жив, мать умерла в 1933 году. Две сестры, одна замужняя, другая одинокая. Учился в колледже Стиллингборо. В 1933 году поступил в брокерскую фирму своего дяди «Линдейл и Кру». В 1935 году зарегистрировался на фондовой бирже. Призван в армию в 1939 году, служил до 1946 года. Хотите его послужной список? Переводился с места на место, награжден орденом за достойную службу. Последнее место службы — оккупационная армия в Германии, звание — майор.

— Вряд ли это пригодится. Чем он занимался после демобилизации?

— На пять лет вернулся на фондовую биржу. Проживал в холостяцком пансионе на Джермин-стрит. Боль-

ше о нем ничего не известно. Он даже не продлил свои водительские права. В конце 1950 года покинул фондовую биржу.

— Маловато, — вздохнул Хемингуэй. — Что насчет его жены?

— Он холост.

— Женат! — нетерпеливо возразил Хемингуэй. — Муж и отец! Я уже говорил тебе об этом, более того, просил навести справки и о ней!

— Знаю, но ничего о ней не получил.

— Кто готовил справку?

— Джимми Роксэм.

— Вот оно что, — протянул Хемингуэй. — Этот вряд ли что-либо упустит. Ты приказывал ему заняться женой, Боб?

— А как же! Если у меня появится повод уволить тебя с позором со службы...

— Не появится! — перебил его Хемингуэй. — Послушай, Боб, это значит, что даже Джимми иногда дает маху. Я все видел собственными глазами: муж, жена, годовалый ребенок. Линдейл говорит, что женился года два назад.

— Нет, — возразил суперинтендант. — Джимми поболтал с одним из партнеров его прежней фирмы, и тот не смог ответить, где он сейчас и чем занимается. Якобы Линдейл ушел с фондовой биржи из-за проблем с нервами после войны.

— Примерно то же самое утверждает сам Линдейл. Получается, ему понадобилось целых пять лет, чтобы решить, что городская жизнь больше не для него. Говоришь, у него две родные сестры?

— Да. Старшая живет с отцом, у него приход в каком-то из центральных графств. Младшая замужем за судовладельцем, живет под Биркенхэдом.

— Биркенхэд... Далековато. Потому, наверное, никогда сюда и не заглядывала. А вот старшая могла бы проведать брата. Наверное, не может оставить старика одного. Джимми встречался с дядей?

— Нет, тот умер в последний год войны. После ухода Линдейла в фирме не осталось никого с этой фамилией.

— Жаль, он мог бы рассеять наши сомнения... Все это как-то странно!

— Ничего странного. Женщина, которую ты видел, очевидно, его любовница. Случается, знаешь ли!

Хемингуэй, хмурясь, пропустил мимо ушей эту фривольность.

— Нет, — произнес он. — Она — женщина иного типа. И дом у них семейный. Ладно, забудь. У меня к тебе еще одна просьба...

Он все еще разговаривал с Хинкли, когда вошел инспектор Харботтл, как всегда, с мрачным видом. Взглянув на него, Хемингуэй сказал суперинтенданту, что ему пора закругляться.

— Пришел Дисмел Десмонд*, понесший тяжелую утрату. Пока, Боб!

— Если это суперинтендант, — заговорил Харботтл сурово, — то он, наверное, что-то сообщил про пули?

— Только про первую. Мимо. Остальное завтра.

— Эта выпущена не из ружья Пленмеллера? Удивительно!

— А я не удивлен, — заметил Хемингуэй. — Если бы в Уорренби стреляли из этого ружья, я поймал бы пулю рукой. Возможно такое? Нет.

— Среди всех местных, — продолжил Харботтл, — я считал его самым подозрительным. Честно говоря, мне он с первого взгляда не понравился.

* Мягкая игрушка — печальная собачка.

— Сделаю все, чтобы поставить его в известность об этом, — отозвался Хемингуэй, сортировавший записи в своем блокноте.

— Не смешно, — враждебно сказал инспектор. — Злой язык выдает порченную натуру. Когда он заявил вам, что убил своего брата, я был потрясен сильнее, чем когда-либо в жизни! Даже вы, сэр, не сочли бы подобное удачной шуткой!

— С чего вы взяли? — рассердился Хемингуэй.

— Более того, — гнул свое инспектор, не обращая внимания на начальственный гнев, — я продолжаю верить в то, во что верил сначала.

— Верьте во что хотите, но я здесь не с целью расследовать смерть первого Пленмеллера. Достаточно утверждения Карсторна, что произошло самоубийство.

— Никто не спорит. Но если вы спросите меня, то я отвечу, что этот человек был преступником с моральной точки зрения.

— Говорит, что довел брата до самоубийства... Признавайтесь, что испортило вам настроение? Что вы раскопали?

— Нечто, не имеющее, строго говоря, отношения к данному делу, — ответил Харботтл. — Но я захватил это вместе с бумагами. Помните, я говорил вам, что Уорренби был коронером? Так вот, я нашел письмо, оставленное несчастным самоубийцей. Вы только послушайте! Дата — 25 мая прошлого года, в ту самую ночь он заперся в ванной и отравился газом. «Дорогой Гэвин, это мое последнее письмо тебе, больше мы не увидимся. Ты приезжаешь сюда, чтобы что-то из меня вытянуть, разозлить своим сарказмом. С меня довольно. Дом перейдет тебе раньше, чем ты думаешь, и когда окажешься в моей шкуре, то сможешь поздравить себя с тем, что поспособствовал моему концу. Так и будет, я тебя знаю.

Твой Уолтер». — Харботтл отложил листок. — Бедняга не ошибся! Он действительно торжествует!

Хемингуэй взял письмо и заглянул в него.

— Вообще-то мне Пленмеллер нравится не больше, чем вам, но это тоже подлость — отравиться газом, оставив такое письмо! Представляю, как приятно было брату слушать, когда письмо зачитывали в суде!

— Мог бы убраться куда подальше от стыда! — буркнул Харботтл.

— Не мог. Во-первых, за здешнюю собственность много не выручить. Во-вторых, даже этот хладнокровный мерзавец знает, что такое нервы.

— Ничего, ему хватило самообладания, чтобы застрелить Уорренби. Так я думаю!

— О, да! — подхватил Хемингуэй. — Он перебил бы полдеревни, если это пригодилось бы для новой книги. Но если вы пытаетесь убедить меня, что Пленмеллер выстрелил в Уорренби из неприязни, то напрасно тратите время, Хорас. Я признался начальнику полиции, что не знаю, что является мотивом для убийств, но это было преувеличением. Никто, кроме умалишенного, не убьет ближнего просто потому, что считает его навязчивым пройдохой! Полагаю, Пленмеллеру хочется, чтобы я думал иначе, тогда он мог бы наслаждаться тем, как я раз за разом оказываюсь в дураках. Но если ему нужно, чтобы я счел его главным подозреваемым, то пусть преподнесет настоящий мотив и перестанет изображать душу общества. Что еще вы нашли в кабинете Уорренби?

Харботтл с пренебрежением посмотрел на бумаги на столе:

— Я принес это вам, но вряд ли вы найдете в этом что-нибудь ценное. Тут переписка с одним из городских советников — похоже, у них вышла ссора. Еще много всего про какое-то выставленное на продажу имущество

в доверительной собственности. Кажется, главным попечителем выступал Драйбек, он всем этим и заправлял. Уорренби представлял интересы человека со странным названием — никогда раньше такого не слышал... — Харботтл вытянул из груды одну бумагу и воскликнул: — Вот, сэр! Бенефициарий! — Он положил бумагу на стол и ткнул пальцем в соответствующую строчку.

— Ох, уж эти законники, — с отвращением пробормотал Хемингуэй. — Поищите словарь!

Инспектор вернулся через несколько минут с увесистым томом.

— Так называется тот, кто получает прибыль от имущества в доверительной собственности, — продекламировал он.

— Отлично! — кивнул Хемингуэй, просматривавший письма. — Этот клиент, понятно, хочет свою долю. Можно приступить к продаже, но Драйбек по какой-то причине тянет резину...

— Неудачное время для продажи, — подсказал Харботтл. — Он так и объясняет в одном из своих писем, и это звучит разумно. Уорренби этого не опровергает. Пишет с безупречной учтивостью: мол, ситуация ясна, но его клиенту не терпится без промедления получить свою долю вырученного. Не понимаю, сэр, какое это имеет отношение к убийству? Я сомневался, нужно ли показывать это вам. Причина сомнения — появление в кабинете Уорренби Драйбека сегодня днем. Я решил, будто он что-то вынюхивает, однако он объяснил, что хочет как-то помочь Каупланду. Драйбек пытался вытянуть из меня, нашел ли я что-нибудь, — так я расценил его болтовню. Конечно, я его выпроводил, а потом подумал, что он беспокоится из-за переписки с Уорренби. Ничего иного, что касалось бы его, я не нашел.

— Любопытно, — признал Хемингуэй. — Клиент Уорренби тянулся за своей долей, а Драйбек, наоборот, не торопился. Может, он просто старался для выгодоприобретателей — жаль, мы не знаем, как относились к немедленной продаже другие! Хотя у него могли быть свои причины.

— Господи, шеф, уж не намекаете ли вы на хищение? — воскликнул Харботтл.

— Нет, — покачал головой Хемингуэй, — но я не удивился бы, если бы он просто все загубил упрямством или нерасторопностью. Бьюсь об заклад, Уорренби об этом пронюхал. В общем, придется разбираться. Что тут? — Он взял адресную книгу и открыл ее.

— Пока не смотрел, сэр. Наверное, надо.

Хемингуэй кивнул, рассеянно листая тонкие страницы.

— Сделайте одолжение. Мало ли что случайно... — Он осекся. — Чтоб мне провалиться!

— Вы что-то нашли, сэр? — Инспектор заглянул ему через плечо.

— Вот неожиданность! Не верилось, что подобное возможно. Пусть это послужит вам уроком, Хорас. Всегда обращайтесь внимание на то, что говорят вам люди, как бы глупо это, по-вашему, ни звучало!

— Вы-то ничего не упускаете, — отважился на комплимент Харботтл.

— На сей раз упустил. У меня возникло подозрение, что ваш приятель Пленмеллер пытается пустить меня по ложному следу. Посоветовал мне искать некоего Нентолла — а он вот где, голубчик! Фрэнсис Алоизий Нентолл, Брейджерст, Сюррей. Проклятие! Что мне стоило заглянуть в эту книгу перед звонком суперинтенданту! Теперь придется перезванивать ему завтра утром.

— Что сообщил об этом человеке Пленмеллер?

— Однажды Уорренби спросил Линдейла, говорит ли ему что-нибудь это имя, и вопрос тому сильно не понравился. Может, так и было, может, и нет. В одном я уверен: хозяйка твякующих Ультим не зря уловила в Линдейлах какую-то фальшь. Она здорово напугана и не спускает с них глаз. Есть нечто такое, что они от меня тщательно скрывают. Сквайр тоже... Кажется, теперь я знаю, что это. Ну и дельце, Хорас!

— Я не понимаю, сэр!

— И никогда не поймете, потому что не интересуетесь психологией.

Инспектор, знакомый с причудами своего шефа, уставился на него, но Хемингуэй не стал ничего объяснять.

— Не знаю, бывал ли у меня когда-нибудь такой обширный выбор, — наконец произнес он. — У троих мотив, заметный за милую: племянница убитого, наследующая его деньги. Ее парень, утверждающий, будто не помышляет о женитьбе, что я считаю ложью. Старик Драйбек, годами отстававший от Уорренби, да еще испугавшийся — если верна моя догадка, — что тот разоблачит его халтуру с неким трастом. Всех троих можно считать подозреваемыми первого порядка. За ними следуют подозреваемые под вопросом, со сквайром во главе. Полагаю, Уорренби шантажировал его.

— Сквайр? — усомнился Харботтл. — В чем же цель шантажа?

— Обесценивание нанятого имущества. Знаю, вам неведомо, что это такое: действия, не подпадающие под уголовный кодекс. У него могли возникнуть проблемы, но полиция не вмешивалась бы. Сейчас объясню, не перебивайте! Итак, со сквайром подозреваемых четверо, далее придется приплюсовать и его жену, хотя насчет нее у меня большие сомнения. Уже пять. Вот мы и до-

брались до Линдейлов. Это мог сделать любой из них, тем более муж, будь у него достаточный мотив. Подозреваемых «под вопросом» набирается четверо. Значит, в общей сложности семь.

— А Пленмеллер? — напомнил Харботтл.

— И его не забыл: он у меня возглавляет третью категорию — тех, кто мог бы это сделать, но вроде не имел для этого никаких причин. Таких трое. Пленмеллер, вполне способный на убийство; Хасуэлл — темная лошадка...

— У него алиби, сэр!

— Не младший, а его папаша. Я встретил его сегодня у викария. Он один из тех хладнокровных, рассудительных людей, кто говорит только то, что считает нужным. Как установил Карсторн, в субботу днем Хасуэлл побывал в пятнадцати милях от Торндена. Мы вынуждены полагаться на его слова, будто он вернулся домой после восьми, потому что по пути заехал в свой офис в Беллингэме, чтобы доделать какую-то работу. По субботам все закрываются в полдень, и подтвердить показания некому.

— А викарий? — спросил Харботтл. — Он мог добраться до Фокс-Хауса через свой луг.

— Если это совершил викарий, то я не гожусь в регулировщики на перекрестке, не то что расследовать убийство! Единственный другой вероятный подозреваемый — если только вы не положили глаз на миссис Миджхолм, не простившую Уорренби пинок, отвешенный ее собачонке, — Рег.

— Кто это?

— Я с ним пока не знаком, но у меня есть основания считать, что в субботу он побывал на выгоне с винтовкой викария. Рег совсем не годится в подозреваемые, но я не вычеркиваю его из списка: винтовку-то он где-

то припрятал. Я распорядился, чтобы завтра по пути на работу он занес ее нам. Судя по его семье, Рег, скорее всего, так и сделает. Если нет, можете за ним ехать. Всего в списке девять человек, но, признаться, некоторым в нем не место.

— Вы забыли про майора, — сухо напомнил Харботтл.

— Его я держу про запас, на тот случай, если отпадут все остальные, — объяснил Хемингуэй, собирая бумаги на столе и перевязывая их тесемкой. — Уходим! Хватит на сегодня.

— Вы будете просить завтра об отсрочке, сэр? Кто председательствует на дознании?

— Человек из Хоуксхеда. Начальник полиции хватит его, но, похоже, он из тех ворчливых ветеранов, кто обожает вникать во второстепенные подробности, а это значит, что утро у нас пропадет зря. Правда, мне еще надо поговорить с Хинкли.

Утром в полицейском участке Хемингуэй узнал, что десятью минутами раньше туда явился молодой Дитчлинг и теперь дожидается его.

— Ствол принес? — спросил Хемингуэй.

— Так точно, сэр. Он у сержанта Нарсдейла.

— Хорошо. Что вам известно об этом пареньке?

— Ничего такого, сэр. Уважаемая семья. Все имеют постоянную работу, никто никогда не нарушал закон. Парню недавно стукнуло шестнадцать лет. Трудится на складе Окли, босс на него не нахвалится. Но сейчас он здорово напуган.

— Это мне нравится, — сказал Хемингуэй. — Отправьте его ко мне!

В тесный кабинет привели взлохмаченного прыщева-того юнца с неуклюжими движениями. Он вошел и замер у двери, уставившись на старшего инспектора кру-

глыми серьезными глазами, прижав к груди фетровую шляпу.

— Рег Дитчлинг? — спросил Хемингуэй, окинув его взглядом.

— Да, сэр, — пролепетал тот.

— Хорошо. Сядь-ка. Объясни, почему не торопился возвращать ружье мистеру Клиберну?

При всей дружественности этой просьбы было понятно, что Рег уже видит распахнувшиеся перед ним тюремные ворота. Он боязливо приблизился к стулу и сел на самый краешек. Казалось, он со страху лишился дара речи.

— Выкладывай! — поторопил Хемингуэй. — Я тебя не съем. Где ты прятал ружье? В сарае, что ли?

— Это Тэд его туда отнес из-за Элфи, сэр.

— Разумный поступок! Сарай был на замке?

— Да, сэр.

— Где вы хранили ключ?

— У нас с Тэдом было одно местечко, больше никто о нем не знает, чтобы Клод с Элфи не могли туда забраться без нас и что-нибудь натворить.

— Что за местечко?

Рег стал мять свою шляпу.

— Мы с Тэдом покрыли крышу сарая просмоленным воском, чтобы не протекала. Под него можно подсунуть ключ.

Хемингуэй свел брови на переносице.

— Вы всегда держите там ключ?

— Да, сэр, — кивнул Рег, сильно волнуясь. — Никто про это не знает, кроме нас с Тэдом, честное слово, сэр!

Хемингуэй помолчал, представив ряд коттеджей: из верхних задних окон каждого наверняка отлично просматривались все узкие садики. Рег судорожно сглотнул, продолжая вертеть в руках шляпу.

— Слушай внимательно, сынок! Не буду тебя спрашивать, почему ты не отнес ружье мистеру Клиберну. Причину я знаю. И не стану напоминать, что ты нарушил закон, оставив себе огнестрельное оружие, не имея на это разрешения. Уверен, констебль Хобкирк все уши тебе этим прожужжал.

— Да, сэр, — признал правонарушитель с виноватой улыбкой. — Простите, сэр.

— Смотри, чтобы больше это не повторялось! Если ты сейчас правдиво ответишь на мои вопросы, то мы больше не станем к этому возвращаться. Ты ходил с винтовкой на общественный выгон в субботу?

— Да, сэр. Но, честное слово, я не стрелял в того джентльмена! — сказал Рег, вспотев от напряжения.

— А куда ты стрелял?

— Никуда, сэр! Просто тренировался в меткости, как Тэд мне велел. Тэд научил меня стрелять, но мы с ним тренировались всего три раза. Потом он получил повестку и сказал, чтобы я отнес ружье обратно преподобному. Правда, я собирался! Просто оставалось несколько патронов, вот я и подумал, что если немного потренируюсь, то преподобный не будет возражать. Я хотел отнести ему ружье в воскресенье.

— Почему же не отнес?

— Вся деревня говорила об убийстве мистера Уорренби.

— До тебя дошли слухи?

— Просто я... В общем, сэр...

— Все потому, — перебил его Хемингуэй, — что ты тренировался в стрельбе неподалеку от Фокс-Хауса?

— Нет, сэр! — крикнул покрасневший Рег. — Вам говорил на меня старый Бигглсвейд, но он наврал! Я ходил на гравийный карьер сквайра, потому что в субботу днем там никого нет, можно спокойно пострелять.

Я принес свои мишени, сэр, чтобы доказать, что говорю правду!

Он достал из кармана несколько картонных карточек и разложил на столе перед старшим инспектором. Они, конечно, не служили доказательством, что Рег не стрелял из винтовки викария поблизости от Фокс-Хауса, зато убедили Хемингуэя, что попасть человеку в голову с расстояния сотни ярдов Рег мог бы только по случайности. Старший инспектор с усмешкой перебрал мишени и спросил:

— С какого расстояния ты стрелял?

— Ярдов с двадцати пяти, сэр.

— Палил по каждой много раз?

— Да, сэр! — гордо ответил Рег. — Хотелось, чтобы было кучно, как у Тэда. Если бы можно было часто тренироваться, я бы его скоро догнал.

— Тогда вступай в стрелковый клуб, сынок. Нечего палить из чужих ружей где ни попадя. — Хемингуэй отдал ему мишени. — В котором часу ты пришел на карьер?

— После пяти, сэр. Я пробыл там не более часа, сэр, потому что к половине седьмого уже вернулся домой. Спросите маму, Эдди, Клода, сэр, — все скажут вам то же самое.

— Если я захочу проверить правдивость твоего рассказа, то так и сделаю, — торопливо произнес старший инспектор, решив поручить это Харботтлу. — Сейчас я хочу узнать другое: что ты сделал с ружьем, вернувшись домой?

— Почистил его, сэр, как Тэд показывал.

— А потом?

— Больше ничего, сэр, завернул в мешковину, и все. Тэд сказал...

— Не важно, что сказал Тэд! Ты запер ружье в сарае?

— Вообще-то... Нет, сэр. То есть... Я оставил его в сарае, но запер сарай не сразу, потому что мама поручила мне одно дело, — виновато объяснил Рег. — Вернее, даже два. Клод и Элфи поломали табуретку, пришлось чинить. А затем я занялся сушилкой для посуды, которую начал мастерить еще вместе с Тэдом.

— То есть ты сам был в сарае?

— Да, сэр. Когда мать позвала меня ужинать, я запер сарай. Было поздно, потому что Клод вернулся только без четверти восемь: у них в Клубе Волчат была экскурсия.

— Ты уверен, что винтовкой никто не мог завладеть?

— Никто, сэр, никак! И вообще, сэр, я не пойму, как мистер Бигглсвейд мог услышать мою стрельбу оттуда, где сидел! Когда он пришел к моей матери с историей о том, как со мной говорил, то рассказал, где сидел, услышав выстрел. Мать подтвердит, что его собственная дочь велела ему не нести вздор, потому что было слишком далеко, чтобы что-то услышать. Понятно, сэр, что ничего он не слышал: если до него долетел один выстрел, то почему не остальные?

Хемингуэй выдвинул ящик стола и достал схему Торндена.

— Покажи, где он сидел!

Рег послушно встал и уставился через плечо старшего инспектора на схему. Ему потребовалась пара минут, чтобы сообразить, что к чему.

— Сложное дело, сэр, — признался он, — здесь нет деревьев и тропинок на выгоне, лишь кусты утесника около Фокс-лейн. Вот тут растут деревья... — Рег ткнул пальцем в схему зарослей утесника.

— Между кустами и карьером? Да, я видел. Дальше местность идет под уклон, правильно?

— Да, сэр. Оттуда виден выгон, вот тут можно сидеть, сюда ведет тропа. Бигглсвейд говорит, будто он там сидел. Думаю, так оно и было, он всегда совершает такую прогулку. Сами видите, это далеко от карьера. — Рег помолчал, сосредоточенно морща лоб. — А еще, если бы он слышал мои выстрелы, то знал бы, в какой стороне от него я находился. Но он же утверждает, что я стрелял совсем не там! С ума он, что ли, спятил? Сдается мне, сэр, он вообще ничего не слышал. Просто захотел, чтобы о нем написали в газетах.

— Где он тебя увидел?

— На той тропе, о которой я вам рассказывал, сэр. Она выходит на Фокс-лейн почти напротив дома мисс Паттердейл.

— Зачем тебе было возвращаться домой кружным путем, когда ты мог бы пройти от карьера вдвое быстрее, напрямиком через выгон? — спросил Хемингуэй.

Рег покраснел и виновато ответил:

— Тут такое дело, сэр... Ружье-то преподобного... Ну, та часть выгона совсем открытая, даже площадка для крикета, в воскресенье днем там полно людей, вот я и решил идти в обход, чтобы ни с кем не сталкиваться.

— И напоролся на Бигглсвейда! Он спросил, зачем тебе ружье, а ты надерзил ему и удрал. Он же не из тех, кто сильно уважает закон, почему ты его испугался?

— Я не испугался, сэр, — то есть не совсем... Я совсем не испугался, если бы не Элфи. Он недавно сыграл с Бигглсвейдом шутку, и этот старый черт мог наябедничать преподобному и даже мистеру Хобкирку, — признался Рег.

— Ясно. Пока это все, что мне от тебя нужно. Беги на работу — и смотри, больше не нарушай закон, сынок!

— Ни за что, сэр! Спасибо, сэр!

Рег кинулся к двери, едва не столкнувшись с входившим инспектором Харботтлом. Суровый вид инспектора его взволновал, он пробормотал что-то невнятное и удрал. Инспектор закрыл дверь.

— Это был молодой Дитчлинг? По-моему, вы устроили ему хорошую взбучку, сэр!

— Не я. Он принял вас за палача, что неудивительно. Вы принесли рапорт, который я жду?

— Только что поступило, — доложил Харботтл, отдавая Хемингуэю запечатанный конверт.

Хемингуэй вскрыл конверт, вынул единственный листок и расправил его.

— Мимо, — пробормотал он, прочитав рапорт.

— Неужели ни одно из проверенных ружей не оказалось тем, которое мы ищем?

— Ни одно! — весело подтвердил Хемингуэй. — Более того, я и без микроскопа вижу, что винтовка викария тоже не та. Ее придется проверить. Если бы все свидетели были такими же честными, как этот паренек, то вы были бы старшим инспектором и не тратили бы время со мной и не думали сейчас, что сами справились бы гораздо лучше!

— Я ничего подобного не думаю, — возразил Харботтл и даже улыбнулся, что было для него большой редкостью. — Но если смертельный выстрел произвели не из одного из собранных нами ружей, то нам придется собирать другие — те, о которых вы мне запретили говорить.

— Может, и так, — согласился Хемингуэй. — А может, и нет. Это дело кажется мне все более странным, Хорас. Ладно, после дознания у меня будет время поделиться с вами своими соображениями. — Он посмотрел на часы. — А пока сосредоточимся на дознании. Полагаете, заместитель коронера не ударит в грязь лицом?

— В этом случае публика будет разочарована, — произнес Харботтл. — Наверное, после показаний врача вы потребуете продолжения?

— Вероятно, — сказал Хемингуэй. — Там видно будет.

Глава 14

Старший инспектор оказался прав. Проталкиваясь вместе с Харботтлом сквозь толпу жаждущих попасть в зал суда, он бросил через плечо:

— Что я вам говорил? Остальных придется спровадить восвояси.

Начальник полиции сказал:

— Это было неизбежно. Сюда набилась половина Беллингэма. Олухи! Ну что, спрашивается, они желают услышать?

Хемингуэй, оглядев присутствующих, воздержался от ответа. Действительно, в зал пожаловала половина Беллингэма, а вот Торнден был представлен недостаточно. Не было ни Эйнстейблов, ни Линдейлов, Гэвин Пленмеллер тоже не почтил дознание своим присутствием. Зато явились майор с миссис Миджхолм и Драйбек, неподалеку от них примостился старший Хасуэлл — он пришел послушать показания сына.

Чарлз, считавший, что его вовлекают в совершенно не касающееся его дело, привез из Торндена в своем шикарном спортивном автомобиле Мэвис, Абби и мисс Паттердейл. Он был так разгневан решением Абби составить накануне компанию Мэвис в хождении по магазинам вместо того, чтобы съездить с ним на побережье, как они условились, что усадил на переднее сиденье мисс Паттердейл и даже высказал удивление желанием Абби поприсутствовать на дознании. Но Мэвис, нарядившаяся, как французская вдова, —

таким сравнением он шепотом поделился с мисс Паттердейл, — заявила, что позвала с собой Абби, и изменить что-либо было невозможно. Абби скорчила Чарльзу рожицу, чем только укрепила в нем мысль сочетаться с ней браком, даже если для этого пришлось бы силой волочить ее к алтарю.

Когда он привел всю свою дамскую компанию в зал суда, люди, приехавшие в Беллингэм на автобусе, успели занять передние ряды. Среди них были, кроме Драйбека и Миджхолмов, старый Бигглсвейд и кухарка-горничная покойного Уорренби — особа с бойким взглядом и волосами цвета пакли, подстриженными в подражание любимой кинозвезде. Глэдис, отменная кухарка и вообще работяга, слыла настоящим сокровищем, но при этом решительно отстаивала свои права. Покушаться на них не позволялось даже ее последнему нанимателю. Тот, зная, как редки в тихих деревнях хорошие слуги и как высоки ее кулинарные умения, довольствовался всего одной попыткой ее укротить, а затем смирился с тем, что Мэвис с ней все равно не сравнится. Глэдис считала своим неотъемлемым правом присутствовать на дознании. Когда Мэвис заикнулась о своем нежелании отпустить ее уже с утра, она так угрожающе заговорила о расстройстве своих чувств после гибели мистера Уорренби, что та поспешила отменить первоначальный запрет. Попытка убедить Глэдис, что приличные девушки не бегают по сенсационным дознаниям, закончилась провалом.

— Разве это не естественно? — удивилась Глэдис.

— Более того, я бы все отдала, чтобы туда не идти.

— Ничего, вам понравится, — заявила Глэдис, стремительно убирая в буфет посуду от завтрака. — Мистер Уорренби — не такая уж большая потеря.

— Для меня — потеря, и какая! — возразила Мэвис.

— Вам полагается так говорить. Иначе было бы нехорошо, он все же оставил вам все свои деньги. Но я часто поражалась, что заставляет вас мириться с ним и с его отвратительными придирками.

В общем, Мэвис ретировалась, оставив кухню во власти помощницы-победительницы.

Заместитель коронера был маленьким, пузатым, седым, розовощеким, источал уют. Инспектор Харботтл сразу сообразил, что дознание затянется. С точки зрения собравшихся, как сказал Хемингуэй на ухо своему помощнику, гвоздем программы являлась Мэвис Уорренби. Трудно было судить, сознает ли она, как действует на зрителей, поскольку вела она себя как образцовая героиня: храбро, скромно, достаточно разумно, чтобы вызвать симпатию не только у толпы, но и у коронера, обращавшегося с ней с величайшей нежностью и неоднократно уверявшего, что понимает, как тяжело ей давать показания.

После нее выступил младший Хасуэлл. Он так возмущался ее поведением, которое назвал Абби игрой на публику, что когда коронер, желавший подружиться со свидетелем, повторил свое замечание о тяжелой необходимости описать увиденное в Фокс-Хаусе, искренне ответил:

— Что вы, сэр,нисколько, я ничуть не возражаю!

Затем Чарлз с похвальной краткостью сообщил суду, как нашел тело и действовал после этого. Старший инспектор Хемингуэй вогнал всех в дрожь, внезапно встав и задав ему вопрос:

— Войдя в кабинет, чтобы позвонить, вы трогали что-нибудь на письменном столе?

— Нет, только телефон, — ответил Чарлз. — Я был очень осторожен. Там были навалены бумаги и всякие предметы.

— Ничто не навело вас на предположение, будто кто-то искал что-то на столе или внутри?

— Нет. Говоря о свалке на столе, я имею в виду рабочий беспорядок. По тому, как было отодвинуто кресло и валялась ручка, я решил, что мистер Уорренби выбежал из комнаты внезапно, с намерением вернуться.

— В каком смысле? — непринужденно осведомился коронер.

Чарлз покосился на него:

— Примерно в таком, сэр: день был солнечный, жаркий, комнату часами заливало солнце. Когда я вошел, там еще было душно. Как я говорил, из всего, что увидел, а также из того, что на мистере Уорренби были сафьяновые туфли, а у его ног лежали бумаги, я заключил, что он вышел подышать воздухом.

Старший инспектор сел, коронер разрешил Чарлзу покинуть свидетельскую трибуну. На его место вызвали доктора Уоркопа. Хемингуэй наклонился, чтобы через голову помощника обратиться к сержанту Карсторну:

— Что за блондинка в конце ряда сзади нас, рядом с толстухой в синем?

Сержант оглянулся и опознал в блондинке Глэдис Митчэм из Фокс-Хауса. Хемингуэй кивнул и сел.

— Что такое, шеф? — тихо осведомился инспектор Харботтл.

— Что-то в словах молодого Хасуэлла заставило ее вскинуть голову. Мне показалось, у нее есть возражения.

— Будете просить отложить дознание?

— После показаний врачей. Полицейский медик нас не задержит. А вот эта старая развалина, судя по его виду, останется на сцене надолго.

Пророчество сбылось. Уоркоп оказался худшим свидетелем-медиком, к тому же он вообразил, будто выступает перед классом учеников. Поскольку срочный вы-

зов к весьма ценимому пациенту не позволил ему присутствовать при вскрытии, даже коронер, сам не прочь поболтать, счел, что его показания легко можно было бы сократить до нескольких недлинных предложений. Уоркоп был крайне помпезен и в ответ на вопрос старшего инспектора о примерном времени смерти пустился в пространные наукообразные разъяснения того, почему ни он сам, ни кто-либо еще не в силах высказаться об этом точно. Затем, заметив, что его коллега Ротерторп глазеет в потолок с сонно-рассеянным выражением лица, Уоркоп со значением заявил, что у него за плечами многолетний опыт, свидетельствующий о том, как опасно выдавать за неоспоримые факты версии, в которых допустимо сомневаться. Он был готов развить данную тему, но помешал старший инспектор, воспользовавшийся тем, что ему пришло время перевести дух, и сказавший: «Благодарю вас, доктор».

— Да, большое спасибо, доктор, — подхватил коронер, когда Уоркоп повернулся к нему с явным намерением продолжить. — Все понятно: более четверти часа, но менее часа, полагаете вы. Если у старшего инспектора больше нет к вам вопросов, мы не станем вас больше задерживать.

Как только прозвучало имя Ротерторпа, тот пружинисто вскочил. Его показания были краткими, техническими и совершенно неинтересными для обычной публики. Вопросы от старшего инспектора не последовало, зато коронер спросил у врача его мнение о вероятном времени смерти Уорренби. Ротерторп ухватился за предоставленную ему возможность:

— Мнение отсутствует, сэръ! Увы, перед тем как я увидел тело, прошло много времени.

И он покинул свидетельское место с видом человека, прожившего утро не зря. Вскоре старший инспек-

тор поднялся и попросил о переносе слушаний. Через несколько минут полковник Скейлз, искавший его, нашел одного инспектора Харботтла, так ответившего на вопрос о местонахождении шефа:

— Не знаю, где он, сэр. Едва попросил о переносе — и сразу удрал из суда, не сообщив мне куда. Впрочем, я, кажется, знаю, куда он направился. У вас к нему дело, сэр?

— Нет, только вопрос, получил ли он рапорт о пулях.

— Рапорт поступил утром, сэр. Совпадения отсутствуют.

— Жаль! Что Хемингуэй собирается делать теперь?

— Не могу сказать, сэр. Кажется, он не разочарован.

— Ладно, — кивнул полковник и ушел.

— Для чего ему понадобилось чуть ли не спастись бегством? — поинтересовался сержант Карсторн.

— Наверное, вздумалось поймать ту девушку, кухарку Уорренби. Сейчас угощает ее в какой-нибудь чайной фруктовым пломбиром, — ядовито ответил инспектор.

— Зачем? — удивился Карсторн.

— Хочет развязать ей язык. Она из тех, кто замыкается при первом же прямом вопросе. Тут я должен отдать шефу должное: всем следует у него поучиться, как добиваться от людей того, что ему нужно.

— Да, у него особый подход, — согласился сержант. — Вот ведь жалость, что пули не подошли! Значит, мы отброшены в самое начало.

Харботтл вздохнул. При приближении миссис Миджхолм сержант счел за благо ретироваться. Миссис Миджхолм, как и полковнику Скейлзу, требовался старший инспектор.

Но, в отличие от полковника, она была разочарована, что не нашла его. Ей было необходимо сообщить ему что-то.

— Мадам, если вы не возражаете перейти дорожку и побывать в полицейском участке, то сможете поведать то же самое мне, а я передам ему, — предложил Харботтл.

Миссис Миджхолм не одобрила эту замену.

— Лучше я поговорю с самим старшим инспектором, — заявила она.

— Как хотите, мадам.

— Когда вы ждете его? — спросила она.

— Не знаю.

— Боже, вот неудача!

Взъерошенный майор Миджхолм произнес:

— Идем, Флора, а то пропустим свой автобус. Помо-
ему, тебе не надо вмешиваться не в свое дело.

Этот упрек был, по мнению инспектора, оплошностью.

— Нет, Лайон! — возразила она. — Долг каждого гражданина — по мере сил помогать полиции. Кроме того, я считаю, что его следует предостеречь. Если вы уверены, что я не смогу увидеть старшего инспектора, то хотя бы передайте ему мои слова, — сказала она Харботтлу. — Не жди меня, Лайон! Я приеду следующим автобусом.

Миссис Миджхолм отправилась вместе с инспектором в участок, сообщив ему по пути, что ее привело в Беллингэм исключительно чувство долга, иначе она осталась бы ухаживать за самой ценной своей собакой, минувшей ночью принесшей первое потомство. Не нуждаясь ни в каком поощрении, она в подробностях описала новорожденных и расщедрилась на несколько ценных советов о правильном кормлении племенных собак и уходе за ними. На все это инспектор отозвался, пригласив ее во временный кабинет Хемингуэя, двумя словами: «Да, мадам?»

Подставив ей кресло, он сел за стол, положил перед собой официальный бланк и снял с ручки колпачок.

— Это, конечно, не заявление, — предупредила миссис Миджхолм, впечатленная его приготовлениями. — Хотя я, конечно, не возражаю, чтобы мои слова записали.

Но записывать старшему инспектору оказалось нечего.

— Как только я выяснила, что происходит, — пустилась в откровения миссис Миджхолм, — то решила, что об этом надо знать старшему инспектору. Кроме всего прочего, я чувствую ответственность за эту бедную девушку. Я гожусь ей в матери!

— Вы говорите о мисс Уорренби? — уточнил Харботтл.

— О ком же еще? Она осталась одна-одинешенька, а это так ужасно! Я всегда недолюбливала Тэддиаса Драйбека, но не могла подумать, что он будет наговаривать на невинное существо! А он занимается именно этим! Бродит по Торндену, задает всяческие вопросы и представляет девочку виноватой! Даже меня спрашивал, а я ведь знаю мисс Уорренби лучше, чем кто-либо еще, и смогла бы много порассказать про этот дом и про то, как бессовестно Сэмпсон Уорренби тиранил племянницу. Не будь Мэвис святой, она бы этого не выдержала. Но вы же знаете таких людей без чести и совести! Об этом я тоже хотела поговорить со старшим инспектором. Запугать мисс Уорренби может любой! Но для Тэддиаса Драйбека у меня просто не хватает слов!

Инспектор, не оценив ее заявление, ждал продолжения.

— Когда я узнала, что он затеял — собрать сведения обо всех случаях, когда Уорренби жестоко с ней обходился, и попытаться доказать, что Мэвис могла застре-

лить своего дядю, то без колебания сказала ему, что я о нем думаю. Стыдитесь, заявила я. Я бы еще много чего ему высказала бы, если бы тогда знала то, что знаю сейчас. Представляете? Ему хватило наглости пытаться Глэдис! Она — кухарка мисс Уорренби. Глэдис сама мне об этом рассказала сегодня утром, в автобусе. Тут я и решила, что мой священный долг — предостеречь старшего инспектора. Это просто подлый наговор! Тэдиас Драйбек — из старых холостяков, никогда не говорящих доброго слова о новом поколении. Вы обязаны предупредить старшего инспектора, что он не должен верить ни одному его слову!

— Я так и сделаю, мадам, — сказал Харботтл. — Хотя в этом нет необходимости. Вам не о чем волноваться.

— Вам легко говорить! Он — адвокат. Если не верить словам адвоката, то чему вообще верить? — Миссис Миджхолм выдержала паузу, но не дождалась от инспектора ответа. — Это же очевидно! Говорю вам, это попросту клевета, а сам он — настоящая старуха-сплетница, куда такому самому застрелить Уорренби, хотя ему, без сомнения, хотелось бы это сделать. Абби Дирхэм, племянница мисс Паттердейл, считает, что это сделал он сам и просто отводит от себя подозрение. У нее выходит очень убедительно, но мне как-то не верится. Нет! Чем дольше живу, тем больше убеждаюсь, что моя версия — самая верная. Ладислас — вот кто это сделал! И не рассказывайте мне про время: я про это ничего не знаю, зато знаю, что он двуличный. Не нахожу для него иного слова.

— Разумеется, — кивнул инспектор. — Мой опыт свидетельствует, что двуличных людей больше, чем мы думаем. В любом случае...

— Подождите! — перебила его миссис Миджхолм. —

До того как это произошло, болтали, будто Ладислас ухаживает за мисс Уорренби. Он красивый молодой человек, если вы, конечно, умеете ценить иностранный тип внешности, и нельзя отрицать, что бедняжка увлеклась им. Удивляться нечему, обычно мужчины не находят Мэвис привлекательной, и ей польстило его внимание. По-моему, Ладислас авантюрист. Догадался, наверное, что после смерти дяди она будет при деньгах. Если это не мотив для убийства, то уж и не знаю, что считать мотивом! И как только Уорренби умирает, что делает Ладислас? Притворяется, будто мисс Уорренби никогда его не интересовала! Вчера он сидел в «Красном льве» — обычно он туда носа не показывает — и пытался всех убедить в этой небывлице. Мой муж сказал, что это было смешно, люди решили, что он испугался. Я бы не придавала этому значения, если бы не открытие после ужина...

— Какое? — осведомился инспектор.

— Я позвонила мисс Уорренби. На звонок ответила эта ее служанка. Что, думаете, она сказала?

— Не знаю.

— Мисс Уорренби сидит в беседке за домом, в глубине сада, и разговаривает с Ладисласом! Я чуть в обморок не упала! После всех этих его разговоров явиться к мисс Уорренби! Я посоветовала Глэдис не беспокоиться, решив, что главное — поставить в известность старшего инспектора.

— Я ему передам, мадам, — сказал Харботтл, мечтая от нее отделаться. — Сразу, как только придет. Уверен, он будет вам чрезвычайно признателен.

— Главное, чтобы он что-нибудь предпринял. — Миссис Миджхолм взяла перчатки и сумочку.

Через десять минут после ее ухода вернулся Хемингуэй.

— Вы разминулись с миссис Миджхолм, — сообщил Харботтл.

— Говорю же, у меня нюх! Что ей надо?

— Хотела помочь вам в работе. Я чуть не брякнул, что вы побежали за блондинкой.

— Хорошо, что сдержались. Она сама блондинка, и если ей втемяшится в голову, что у меня слабость к этой масти, то от нее уже не избавиться. Насчет Глэдис я оказался прав: молодой Хасуэлл заставил ее вздрогнуть.

— Узнали нечто важное? — поинтересовался Харботтл.

— Даже не знаю... Но у Глэдис есть голова на плечах. Она сказала, что если ныне покойный Уорренби сидел в саду в домашних туфлях, то, значит, его выгнало из дома что-то неожиданное.

— Почему?

— Одна из его особенностей. Имелась и другая: никогда не разгуливать с непокрытой головой. Глэдис не было на месте убийства, фотографий она тоже не видела, поэтому не знает, в шляпе он был или нет, когда получил пулю. Здесь у меня перед ней преимущество.

— Насчет головного убора — охотно верю, — задумчиво промолвил инспектор. — Некоторые мужчины шагу не сделают без шляпы. Мой отец был таким. Но я не пойму, почему он не шел в шлепанцах, ведь было сухо?

— Не понимаете, потому что никогда, наверное, не простужались. Но вы не можете не знать, что, когда человек вбивает себе в голову, будто что-то представляет для него смертельную опасность, это превращается в манию. Глэдис рассказала, что Уорренби делал ей замечание, когда она выбегала в шлепанцах в огород за мятой или еще за чем-нибудь.

— И вы верите словам этой вашей Глэдис? — не сдержался инспектор. — А как она объясняет, что Уорренби оказался за дверью с непокрытой головой?

— Кое-какие мысли у нее есть, отчего мы с ней и разошлись во мнениях. Глэдис говорит, что Уорренби выманили из дому хитростью. Не спрашивайте меня, что это была за хитрость и кто ее устроил. Был бы вам благодарен, если бы вы перестали называть ее «моей Глэдис», Хорас! Она уже два года встречается с приличным парнем, торгующим недвижимостью. Смотрите, не навлеките на меня неприятностей!

Инспектор сухо усмехнулся:

— Значит, вы должны были много почерпнуть о неизвестной вам ранее сфере, сэр! Но скажите, как вы отнеслись к ее версии?

— Пока не знаю, — честно ответил Хемингуэй. — Меня не покидает ощущение, что я взялся за протянутую мне палку не с того конца. А теперь прибавилось еще одно: у меня целых девять подозреваемых, однако нечто очень важное по-прежнему скрыто. Более того, пока Глэдис толковала про привычки Уорренби, я понял: она подсовывает мне подсказку, а я ее не могу разгадать!

— А как же ваше чутье? — поддел его инспектор.

Хемингуэй подозрительно прищурился и предложил:

— Хорас, по-моему, вы становитесь воинственным! Когда впервые попросились мне в напарники...

— Вы сами меня пригласили, — напомнил инспектор.

— Может, и так, а почему? Я не умею отказывать. В общем, в первое время вы думали, что чутье приведет меня в психушку.

— Нет! Сэнди Грант предупреждал меня об осторожности. Он твердил...

— Не желаю знать, что он вам твердил, наверняка это было нарушением субординации, а то и клеветой, не говоря уж о его противоестественной склонности болтать

по-гэльски! С чем ко мне приходила миссис Миджхолм? Только не рассказывайте, что Ультима Уллапула ошенилась и миссис Миджхолм приглашает меня в крестные отцы к одному из щенков!

— Какая-то из ее собак действительно принесла потомство, но я не уверен, что это Уллапула. Миссис Миджхолм сказала, что старый Драйбек решил доказать, будто мисс Уорренби убила дядю, и вам не следует верить ни единому его слову. А поляк всем внушает, что не имеет намерений в отношении мисс Уорренби, а сам вчера вечером находился в Фокс-Хаусе, сидел там с ней в беседе. Не уверен, что это заслуживает внимания.

— Мне уже поведала об этом Глэдис. Видимо, Ладислас умолял Мэвис потерпеть, пока не уляжется вся эта суматоха. Намерения-то у него есть, только он страшно боится, что об этом узнаю я. Мэвис, между прочим, подалась в Лондон: я наблюдал, как младший Хасуэлл отвозил ее на вокзал, кажется, на поезд в 12.15. Возможно, она бежит от правосудия или хочет посетить дядиных поверенных и узнать о своем положении и на что ей жить, пока не будет утверждено завещание. Глэдис считает, что она уехала именно за этим, потому я ее и не арестовал.

Телефон скромно позвякивал уже целую минуту. Харботтл схватил трубку, послушал и произнес:

— Да, переключите, он здесь. — Он передал трубку Хемингуэю. — Это суперинтендант.

Глава 15

В полдень полицейская машина снова двигалась по хоуксхэдской дороге. Когда констебль Мелкинторт притормозил, чтобы свернуть к ферме Рашифорд, Хемингуэй приказал:

— Помедленнее! Если он занят сенокосом, мы найдем его в поле.

Он не ошибся. Вскоре донесся шум косилки. Она работала в поле у дороги, Кенелм Линдейл стоял рядом и беседовал с одним из своих работников. Хемингуэй вылез из автомобиля.

— Оставайтесь здесь, Хорас, — распорядился он.

Инспектор, ничего другого не ждавший, молча кивнул. Констебль Мелкинторп, сгоравший от любопытства, развернулся на водительском сиденье и открыл рот, но сразу закрыл его. Он догадался, что инспектор Харботтл ответит на нескромный вопрос лишь презрительной усмешкой.

— Жарковато, — проблеял он.

Инспектор раскрыл предусмотрительно захваченную с собой газету и погрузился в чтение.

— В это время года бывает жарко, — раздалось из-под газеты.

Констеблю не хватило смелости для продолжения разговора, пришлось довольствоваться наблюдением за старшим инспектором, шагавшим через поле к Кенелму Линдейлу.

Тот заметил его, но остался на месте, не прерывая разговора с работником.

— Сначала закончите здесь, — сказал Линдейл. — Я скоро вернусь и проверю. Добрый день, старший инспектор! Чем могу быть вам полезен на сей раз?

— Добрый день, сэр. Простите, что мешаю, но мне надо с вами поговорить.

— Хорошо. Думаю, лучше вам пройти в дом.

— Отойдем от вашего шумного механизма и побеседуем тут.

— Вот ведь адские машины! — посетовал Линдейл, провожая его к терновой изгороди, разделявшей по-

ля. — Как я тоскую по старинным методам! Но они канули в прошлое. Итак, что вам понадобилось?

— Буду с вами откровенен, сэ. Советую и вам проявить соображение и ответить мне тем же. Я мог бы задать свой вопрос миссис Линдейл, но знаю, что вы предпочитаете иное.

— Продолжайте, — бесстрастно промолвил Линдейл.

— Скажите, миссис Линдейл в действительности является женой Фрэнсиса Алоизия Нентолла, жителя Брейджерста?

Линдейл молчал, не показывая виду, что вопрос его удивил. Шагая рядом со старшим инспектором, он сосредоточенно смотрел себе под ноги.

— Ее девическая фамилия Соулби, — продолжил Хемингуэй. — Брак заключен 17 октября 1942 года.

Линдейл вскинул голову, его глаза зло сверкнули.

— Что толку отрицать, если вы можете доказать это? — воскликнул он. — Черт бы вас побрал! По закону все так. Не будь Нентолл католиком и неисправимым ханжой, она была бы моей.

— Не сомневаюсь, сэ.

— Как вы это раскопали? — спросил Линдейл.

— Не будем вдаваться в частности. Мне важно узнать...

— А вот и будем! У меня есть право знать, кто вам это разболтал. Если бы не чья-то болтливость, у вас не возникло бы ни малейшей причины для подозрения. Поэтому я спрашиваю: кто сунул нос в мои личные дела?

— Вы сами это знаете, сэ.

— Уорренби? — Линдейл смотрел на Хемингуэя, сведа брови на переносице. — У меня есть основания думать, что он знал — одному богу ведомо откуда! Но с вами-то он не мог поделиться своей информацией... Разве что вы наткнулись в его бумагах на донесение какого-нибудь соглядатая!

— Вы этого ждали? — быстро спросил Хемингуэй.

— О, нет! Зачем бы ему этим заниматься? Как-то я услышал от него кое-что, заставившее заподозрить, что он осведомлен о Нентолле. Однажды в «Красном льве» я его допек — я на дух его не выносил, знаете ли! — и он вдруг спросил, говорит ли мне что-нибудь фамилия Нентолл. Я ответил отрицательно. Больше он об этом не заикался и, насколько мне известно, не стал про нас болтать. Вряд ли про нас знал еще кто-нибудь, хотя, например, жена майора Миджхолма всегда старалась вникнуть в подробности нашей жизни.

— Скажу вам честно, сэр, об этом никто не знает, кроме меня и инспектора. Излишне говорить, что сам я не стану этого разглашать, если только не возникнет необходимости.

— Уверен, что не станете, но необходимость может возникнуть. Надеюсь, что вы напали на след того, кто укокошил Уорренби до того, как стали изучать мое прошлое!

— Так вы говорите, сэр, что Уорренби упомянул вам об этом один-единственный раз? Вы уверены?

— Да. Думаете, он меня шантажировал? Нет! У меня нет ничего, что могло бы его заинтересовать: ни денег, ни влияния. Более того, если бы Уорренби предпринял попытку шантажа, я сразу обратился бы в полицию. Жить с чужой женой — не преступление, так что бояться полиции мне нечего. Могу лишь предполагать, что он узнал нашу тайну случайно и намекнул, что заставит меня дорого заплатить, если я вздумаю перейти ему дорогу.

— Должен ли я понять это так, что Уорренби применил свое знание лишь для того, чтобы излить свою желчь?

— Звучит маловероятно, но, похоже, так и вышло, — хмуро согласился Линдейл. — Вероятно, он вынашивал

какие-то планы. У меня сложилось впечатление, будто он ляпнул это отчасти со зла, отчасти как угрозу: мол, не примете меня в свой круг — пожалеете!

— А он мог заставить вас пожалеть?

Линдейл остановился и произнес:

— Старший инспектор, я хочу быть с вами совершенно откровенным. По мне, пусть бы Уорренби всему свету разгласил все, что знал! Ни моей... ни миссис Нентолл, ни мне нечего стыдиться. Мы не позволили себе никакой подлой интрижки. Мы любили друг друга много лет. Нентолл знал об этом. Она вышла за него замуж в войну, совсем еще девчонкой, и... из их брака ничего не получилось. Знаете, если бы я хотел кого-то убить, то Нентолла! У них родился ребенок, мальчик, и мы ничего не могли предпринять. Моя жена — женщина с твердыми принципами. Вскоре ребенок умер от менингита, и... нет, не стану вас во все это посвящать. Она слегла на долгие месяцы, а дальше... Это касается только нас троих. В общем, она ушла ко мне. Развод был невозможен, поэтому в газеты ничего не попало. Мое мнение — ошибочно делать из подобной ситуации тайну. Люди уже не такие узколобые, как раньше. Семья, конечно, от нее отказалась: они католики, причем строгих нравов, отец ее решения не принимает. Но, думаю, большинство, узнав о фактах, от нас не отвернулось бы — во всяком случае, те, с кем нам хотелось бы дружить. Такова моя точка зрения. Но я сказал, что буду с вами откровенен: жена ее не разделяет. Бедняжка, она считает, что живет в грехе. Мы очень счастливы — но это постоянно маячит у нее за спиной. Поэтому я стараюсь, чтобы наша тайна не выплыла наружу. Но одно дело стараться, и совсем другое — совершить убийство. Не жду, конечно, что вы мне поверите. Однако улики, оправдывающих мой арест, у вас нет, в этом я убежден! Пуля вылетела не

из моего ружья, что вам наверняка уже известно, иначе вы не задавали бы мне вопросов, а заковали бы меня в наручники, и дело с концом. Вижу-вижу, вам подавай еще больше. Что ж, не возражаю. Одного прошу: не тревожьте мою жену. Не хочу довести ее до нового нервного срыва, ей и без того досталось!

— Ничего не могу обещать, сэр, но тревожить ее я не собираюсь, если только вы меня не вынудите. Не стану вас больше задерживать, вам пора обратно на сенокос.

— Спасибо! — ответил Линдейл, провожая его к воротам. — Я не сбегу.

У ворот они расстались. Констебль Мелкинторп, как ни напрягал слух, чтобы уловить хотя бы отрывок разговора, был вынужден признать свое поражение.

— Чудесная погодка! — сказал на прощание Хемингуэй.

— Лучше не придумашь, не сглазить бы! — отозвался Линдейл, запирая за ним ворота.

Хемингуэй перешел через дорогу и вернулся к машине.

— Прогуляемся, Хорас? — предложил он. — А вы, Мелкинторп, поезжайте в конец Фокс-лейн и ждите нас там.

Он довел Харботтла до тропинки и свернул на нее.

— Итак? — не выдержал Харботтл.

— Линдейл не дурак. Его рассказ звучит правдоподобно.

— Не слишком ли правдоподобно?

— Он не переигрывает. Все, что он сообщил, совпадает с информацией суперинтенданта. Говорит, что лично он не возражал бы, чтобы все узнали правду о нем, и я склонен ему верить. Беда в том, что миссис Линдейл смотрит на проблему иначе.

— Неудивительно! — заявил Харботтл.

— Только псалмов нам не хватало! — раздраженно поморщился Хемингуэй. — Этот человек мне симпатичен. Нелегко ему приходится с женой — или как вы там ее назвали бы, даже угадывать не стану, зная вас! — которая не перестает себя корить за грехи. Более того, вряд ли ему полегчает в будущем, разве что Нентолл в конце концов передумает. И избавьте меня от поучений о возмездии за грехи!

— Избавлю. Хотя от правды никуда не деться, — произнес инспектор. — Это та самая тропа, по которой шли они со сквайром? Этого ее отрезка я еще не видел.

— Она самая. Где-то здесь сквайр повернул к своим посадкам. Так оно и было — либо тогда, когда он сказал, либо позже. Возможно, верно и то, и другое.

— То есть?

— Если он тот, за кем я охочусь, то должен был где-то прятать ружье. Почему бы не среди своих посадок? Оттуда его было бы легко забрать и вернуться на Фокслейн, когда Линдейл скроется из виду.

— Вот только выстрел произвели не из его винтовки, — напомнил Харботтл.

— Да. Придется, наверное, проверить оружие его агента и егеря.

Харботтл угрюмо обдумал услышанное.

— Вряд ли сквайр использовал бы для убийства чужое оружие, тем более оружие кого-то из своих людей.

— Вы не можете думать иначе. Как не можете допустить, что сквайр стал бы обманывать своего племянника.

— Вы пока в этом не уверены, сэр. Лично мне не хотелось бы его в этом обвинять.

— Вам и не придется. Вот и роща Хасуэлла — она отделена от его сада стеной. Удобное прикрытие! Мы не пойдем к воротам, но вы видите, что тропа ведет к ним,

и мисс Уорренби вполне могла бы пролезть сквозь редкую изгородь, чтобы оказаться на участке своего дядюшки.

Инспектор усмехнулся:

— А как же обещание не верить ни одному слову Драйбека, сэр?

— Я им и не верю — почти что, — проговорил Хемингуэй, перешагивая приступку. — Идемте! Давайте еще раз осмотрим место преступления.

Через двадцать ярдов они поднялись по склону на выгон. Фокс-Хаус уже перестал привлекать зевак. Хемингуэй задержался у кустов утесника и уставился на сад Фокс-Хауса. Кресло убрали, но на лужайке, там, где оно раньше стояло, осталась проплешина.

— Кто-то мне, помнится, рассказывал, что вы хороший стрелок, Хорас, — произнес Хемингуэй. — Попали бы вы отсюда человеку в голову?

Инспектор, постоянно украшавший свое скромное жилище охотничьими и прочими трофеями, был признателен старшему инспектору за его слова.

— Просто удивительно, — сразу ответил он, — как вы замечаете то, что никому и в голову бы не пришло! Да, в свое время мне довелось пострелять. Мишень удобная.

— Приз ваш! — усмехнулся Хемингуэй. — Назвали ли бы вы мишень удобной для среднего стрелка?

— Тут требуется хороший стрелок, но не обязательно снайпер. Я подумал об этом, впервые побывав здесь. Потому, кстати, и не рассматривал всерьез мисс Уорренби. Не все женщины — мазилы, знавал я тех, кто клал пулю за пулей в «десятку», но такие большая редкость. А что до мисс Уорренби, то у нас нет оснований считать, что она вообще когда-либо держала в руках ружье.

— Рега тоже, пожалуй, исключим, — сказал Хемингуэй. — Видели бы вы его мишени! Я все время ищу, чем бы вас рассмешить.

— Случайность вы исключаете?

— Хорас! Представьте человека, стреляющего отсюда по чужому саду, владелец которого торчит на виду!

— Не представляю, — сознался инспектор. — Вероятность мала. — Он с любопытством покосился на шефа. — Ну, а ваша версия, сэр?

— Меня удивляет, что убийца стрелял отсюда, а не подобрался ближе. Если ты не снайпер, отсюда можно промахнуться.

— Зато здесь его не было видно, — показал пальцем инспектор. — Если он пришел от приступки, то стрелять из проулка не смог бы, потому что там он стоял бы у Уорренби на виду. Я обратил на это внимание. Вон те деревья, за лужайкой, закрывают кресло, если не приблизиться к ним вплотную. По-моему, убийца перелез на выгон и крался за кустами.

— Зачем? — спросил Хемингуэй. — Откуда ему было знать, что Уорренби усядется в саду?

Инспектор задумался:

— Так-то оно так... Но ответ должен существовать, ведь из того небольшого, что нам известно о преступнике, мы точно знаем одно: стрелял он с этого самого места, где мы сейчас стоим. Это доказано, значит, ответ есть. И, по-моему, я его нашел. Мы вправе предположить, что убийца соблюдал осторожность. Он не знал, где окажется Уорренби, зато видел, что все окна гостиной выходят на эту сторону. Не представляю, чтобы преступник крался вдоль низкой живой изгороди к воротам: Уорренби легко мог его заметить. Он подкрался к дому, понимаете? Высунуться из-за изгороди не осмелился. Увидеть так Уорренби он бы еще мог, но для выстрела ему пришлось бы выпрямиться и прицелиться. Уорренби не стал бы сидя ждать выстрела. Вот мое предположение: увидев его, преступник убежал обрат-

но, к приступке. Выстрел издали был вынужденным, потому что Уорренби оказался в саду.

— Возможно, вы правы.

— А разве нет?

— Не знаю, Хорас. Звучит разумно. Но у меня ощущение, что это еще не все. Идемте, взглянем на излюбленное место Бигглсвейда.

Они зашагали на северо-восток, к березам. За ними начинался уклон. Чуть ниже было устроено деревянное сиденье, от которого хорошо просматривался выгон. Там кто-то сидел. Приглядевшись, Хемингуэй воскликнул:

— Да это же дед собственной персоной! Наберитесь терпения, Хорас, дед может вредничать. Добрый день, мистер Бигглсвейд! Дышите воздухом?

Бигглсвейд окинул его неодобрительным взглядом:

— А что, нельзя?

— Можно, можно. Что не дает вам покоя сегодня, дедушка?

— Будь я вашим дедушкой, у вас был бы более острый ум, — сурово отвечивал старик. — Разочаровали вы меня своей бестолковостью! Обратили бы внимание на мои слова — еще вчера надели бы наручники на сопляка Реда Дитчлинга.

— За него не беспокойтесь, — кивнул Хемингуэй. — Я за ним пригляжу.

— Толку-то! — усмехнулся Бигглсвейд. — Сколько вы за ним ни приглядываете, он все равно болтается у меня под окнами, зовет по имени, мать с собой таскает, а еще визгливую парочку, Герту с Эдди. Никчемная публика, вот кто они такие! Кто это с вами? — протребезжал он пренебрежительно, заметив инспектора Харботтла.

— Не обращайтесь внимания, — поспешно ответил Хемингуэй. — Просто мой помощник.

— Шесть футов несчастья, вот что это такое! — заявил безжалостный Бигглсвейд. — На вашем месте я бы не подпускал его к бидонам с молоком, скиснет! А главное, если бы сделали, как я вам говорил, вам бы не понадобился помощник. В субботу я слышал выстрел, как слышу сейчас вас!

— Расскажите мне подробно о том выстреле, — попросил Хемингуэй. — Как получилось, что вы слышали только один?

— Выстрелили всего раз.

— А Рег утверждает, будто стрелял неоднократно.

— Мало ли что болтает этот молокосос! Он болтает, а вы развешиваете уши.

— Он стрелял по мишеням в гравийном карьере сквайра.

— Вот оно что! А если бы он вам сказал, что палил по стаду носорогов, которое обнаружил на карьере у сквайра, вы бы и это съели? Полицейские! Никогда не был о них высокого мнения. Не стрелял Рег на карьере сквайра! Кто бы тогда услышал его пальбу? И здесь он тогда не смог бы так быстро очутиться. А еще я вот что тебе скажу, сынок: не смей чернить мое доброе имя, не позволю!

— Что уж тут чернить... — не сдержался Хемингуэй. — Ладно, — повисил он голос, — не буду!

— Знаю я вас! — прикрикнул Бигглсвейд. — Все бы вам дерзить! Чтоб вы знали, никто во всем Торндене не разбирается в оружии лучше меня. Не смейте рассказывать, будто я не различаю, откуда стреляли. Вон там Рег выпалил из винтовки викария! — Трясущийся подагрический палец указал в направлении Фокс-лейн.

— Ну, ладно, — кивнул Хемингуэй. — А вы что?

— Я подумал: кто-то охотится в роще Хасуэлла. Или там, или неподалеку.

— Так это же в стороне, дедушка! — возразил Хемингуэй.

— Мне лучше знать, где тут что! — прошамкал Бигглсвейд. — У меня острый слух. Когда я был моложе, многие жаловались, что он даже слишком острый.

— Могу себе представить! Вы — настоящее чудо, дедушка. Услышать что-то на таком расстоянии — это надо суметь!

— Вы бы на моем месте ничего не заметили. А это ваше ходячее надгробие приняло бы тот звук за автомобильный выхлоп на хоуксхэдской дороге.

— Ничего подобного! — оскорбился Харботтл.

— Молчите, Хорас! Не обращайтесь на него внимания, дедушка. Что было после выстрела? Вы видели кого-нибудь, кроме Рега Дитчлинга?

— Нет, никого. Не хватало мне совать нос в чужие дела! Я же не полицейский с длинным носом. Знай себе брел вниз вот по этой тропинке, как рассказывал Хобкирку, но недалеко ушел: слышу, кто-то меня нагоняет, совсем как егеря в былые времена. Оглядываюсь — смотрю, сопляк Рег прячется сзади в кустах.

— На том конце тропы, что ли?

— Там-там, — подтвердил Бигглсвейд.

— Сколько времени прошло после выстрела?

— Минут десять. Я теперь не такой шустрый, как раньше, — ответил Бигглсвейд, польщенный, что обрел наконец внимательных слушателей. — Это был Рег, он самый! Если бы вчера меня послушали, сидеть бы ему теперь под замком!

— Не исключено, — произнес Хемингуэй, выпрямляясь. — Если бы я знал, что он болтался на месте преступления, вместо того чтобы сбежать.

— Это еще бабушка надвое сказала!

— Что ж, мне пора, дедушка. Не засиживайтесь в «Красном льве», а то дочери опять придется вытаскивать вас оттуда. Что за замашки в таких преклонных летах!

Дряхлый греховодник остался доволен этой отповедью и астматически закашлялся. Помахав ему рукой, Хемингуэй стал удаляться, но Бигглсвейд не отпустил его далеко.

— Эй! Мое фото напечатают в газетах?

— Бабушка надвое сказала! — бросил Хемингуэй через плечо.

— Разве что в галерее мошенников! — добавил Харботтл. — Зачем было слушать его бред, шеф?

— Пусть бредит. Как ему не дерзить полиции, ни разу не сцапавшей его за все девяносто лет? Занятный старикан, что бы ни твердили разные дурни про его размягчившиеся мозги. Мне захотелось еще послушать про тот его выстрел.

— Для чего? — удивился инспектор.

— Уверен, он действительно его слышал.

— Ну и что, сэр? Вы же считали, что это не имеет отношения к делу, потому что произошло на час раньше!

— Хорас, я говорил вам только сегодня утром, что у меня ощущение, будто мне сунули в руки палку не тем концом, и я не улавливаю чего-то важного. Сейчас мы это поищем!

Глава 16

— Куда теперь? — поинтересовался инспектор. — В Фокс-Хаус?

— Сначала — туда, где нас не увидит старикан, — ответил Хемингуэй. — Мне надо подумать.

Они вернулись к кустам утесника, где Хемингуэй остановился. Инспектор с любопытством наблюдал, как

он стоит, выхватывая по очереди цепким взглядом детали обстановки. Потом, побряхтев, старший инспектор присел на склоне выше проулка и достал из кармана трубку и старый табачный кисет. Пока его пальцы привычно доставали табак и уминали его в чаше трубки, он переводил как будто отсутствующий взгляд с пропlesiны в саду, где раньше стояло кресло, на приступку, едва видневшуюся сбоку от кроны вяза. Инспектор, сидевший рядом с ним на земле, помалкивал и, призвав на помощь логику, пытался понять, какую задачу решает шеф. Хемингуэй раскурил трубку и стал смотреть на Фокс-Хаус.

— Наша ошибка, Хорас, — наконец произнес он, — что мы уделяли много внимания тому, что считали важным, а на второстепенное закрывали глаза. По-моему, я сваял дурака!

— Я слышал это от вас и раньше, но эти самообвинения еще никогда не подтверждались, — заметил инспектор.

— И на сей раз не подтвердятся. Преступник начинает меня раздражать!

Инспектор был озадачен.

— Лично я ненавижу всех убийц, — сказал он. — Почему этот должен раздражать вас сильнее, чем другие? Данное расследование не назовешь особенно сложным. Да, оно непростое, но это от множества подозреваемых? Если рассматривать само убийство, то я назвал бы его одним из самых простых из всех.

— Когда вы так говорите, Хорас, я начинаю бояться за свое чутье. Почему я с самого начала не смекнул, что дело слишком простое?

— От фактов никуда не деться, сэр, — возразил инспектор. — Человека застрелил у него в саду некто, залегший в этих самых кустах между 7.15 и 7.20, если су-

дить по показаниям мисс Уорренби. Гильза, найденная людьми Карсторна под кустами, — несомненная улика. Сложность в том, что убийство произошло, когда поблизости находилось полдюжины людей, имевших причины желать устранения Уорренби, а теперь не способных предоставить алиби.

Хемингуэй повернул голову и напряженно взгляделся в его лицо.

— Продолжайте! — потребовал он. — Это полезно!

Харботтл покраснел:

— Очень рад, шеф! Вы нечасто признаете мою правоту.

— Какая там правота! Вы в корне неправы, просто прочищаете мне мозги. Как только вы сказали, что убийство произошло, когда поблизости собралась целая стая недоброжелателей Уорренби, до меня дошло, что это не случайность. Так и было задумано! Продолжайте, Хорас!

— Хорошо, сэр! Продолжу! Пусть я в корне неправ, зато обнаружил в ваших словах ошибку. Такого плана быть не могло. По крайней мере, настолько четкого. Убийца не мог знать, что Уорренби окажется в саду именно в то время, ему просто повезло. Он, похоже, собирался проникнуть в дом или хотя бы в сад и произвести выстрел через окно кабинета. Если вспомнить, что он едва не попался Уорренби на глаза, то вам придется согласиться, что планом даже не пахло. Если бы ему пришлось войти в сад, мисс Уорренби все увидела бы. Мне представляется, что преступник оказался скорее удачливым, чем предусмотрительным.

— Не останавливайтесь! Все проясняется с каждой минутой!

— Пока вы со мной согласны? — спросил Харботтл.

— Нет. Если соглашусь, то подниму руку.

— Нет смысла продолжать, сэр, раз вы не согласны ни с чем из того, что я говорю.

— Зачем сидеть и соглашаться друг с другом? Куда бы это нас привело?

— Сэр, если считать, что убийство подгадали под момент, когда все гости-теннисисты будут расходиться по домам, то нам придется признать, что преступник верил в свою удачу. Какое же это планирование? Ему нужно было торопиться, потому что такая толпа сама по себе опасна: вдруг кто-нибудь из них появится в проулке? Маловероятно? Но ведь могло случиться! Мисс Уорренби должна была в любой момент оказаться там. А если бы Уорренби поднялся наверх или ушел за дом? Подобную возможность тоже нельзя сбрасывать со счета. Если преступник составлял план, он должен был предусмотреть больше времени на непредвиденный случай.

— Совершенно верно, Хорас! А вы, значит, думаете, что его подготовка — я имею в виду ружье — заключалась в надежде на случайную возможность выстрелить в Уорренби?

Инспектор помолчал.

— Если так повернуть, — медленно проговорил он, — тогда, конечно, нет. Но мои доводы остаются в силе!

— Да, — кивнул Хемингуэй. — Они разумны и делают вам честь. Наш преступник не хотел, чтобы его торопили. Можно предположить, что он не желал рисковать.

— Так какой же ответ? — спросил Харботтл.

— Уорренби застрелили не в 7.15. Это неправильное время.

Инспектор долго смотрел на своего шефа, не находя слов. Наконец он произнес:

— Я могу привести несколько опровержений вашей версии. Хотелось бы услышать доказательства вашей правоты. Вряд ли вы внезапно пришли к такому выводу.

— Я бы не назвал это внезапным выводом, — возразил Хемингуэй. — Я долго собирал сведения, которые оказались бесполезными. Начнем с начала: врач не сумел точно определить время смерти Уорренби.

— Да, — кивнул Харботтл. — Помню, вы сразу это отметили, разбирая дело с начальником полиции. Но данное обстоятельство не выглядело существенным, к тому же Уоркоп — не первый врач на нашем пути, не столько помогающий, сколько мешающий полиции.

— Вы правы, тогда это показалось несущественным. Я совершил ошибку: принял за факт установленное время убийства. Затем я услышал нечто чрезвычайно важное от мисс Уорренби. В первую нашу встречу она сказала, что ее дядя очень редко находился вне дома. Я пропустил ее слова мимо ушей, поскольку это было так же не важно, как показания врача. Убитый был в саду, с пулей в левом виске, гильза лежала там, где ей полагалось лежать в том случае, если Уорренби застрелили, когда он сидел в кресле.

Инспектор оживился:

— Вы хотите сказать, что его убили вовсе не в саду?

— Не исключено, — бесстрастно ответил инспектор. — Будем на это надеяться, ведь если удастся установить, что на самом деле его убили в другом месте, то появится возможность доказать, что 7.15 не являлось временем убийства. Вероятно, это произошло часом ранее. Теперь можно упомянуть другие на первый взгляд малозначительные сведения, полученные мной вчера вечером от дряхлого старикашки. Его дочь и Хобкирк твердили, будто он не в своем уме и антиобщественный тип. Сразу было видно, что у него зуб на Рега Дитчлинга, не говоря о желании попасть в газеты. Понятно, что я отмахнулся от его лепета. Знаете, Хорас, похоже, мне пора в отставку. Я упустил буквально все!

— Лично у меня сложилось впечатление, что вы не упустили ничего, — сухо возразил инспектор. — Вы напомнили мне своим рассказом перечисление мисс Уорренби дядиных привычек. Но раз вы об этом не говорите, то я тоже не стану.

— Начнете дарить мне букеты, я решу, что у вас солнечный удар. Так и на больничной койке недолго оказаться, с приложенным к голове льдом, или как они там лечат солнечные удары? — сказал не ведающий благодарности шеф. — Прекратите выводить меня из равновесия! Последние важные сведения я получил от белобрысой кухарки Уорренби. Тогда я и взялся за ум. Ее слова я запомнил. Раз Уорренби никогда не покидал дом в шлепанцах и без головного убора, то первый напрашивающийся вывод — его убили внутри дома.

— Все это понятно, — произнес Харботтл. — Но смысл-то в чем? Когда преступник все подстраивает так, чтобы время убийства определили на час позднее истинного, то обычно его цель — заручиться алиби. Слышал я о деле, когда убийство было произведено из револьвера с глушителем, а через несколько минут, когда у преступника уже появилось алиби, сработал детонатор, который все приняли за выстрел, что и требовалось.

— То дело вел я, — сказал Хемингуэй.

— Правда, сэр? Тогда вы согласитесь, что это разные вещи. Во-первых, не существует детонатора, который произвел бы звук, похожий на выстрел винтовки калибра 0,22. Во-вторых, мисс Уорренби показала, что услышала, как пуля попала в цель. В-третьих, подставка — если это была она — указывала на время, когда ни у кого не было алиби. Ни у кого, кроме младшего Хасуэлла, мисс Дирхэм и мисс Паттердейл. Ни Хасуэлл, ни девушка никак не могли совершить преступление часом раньше, поскольку оба играли в теннис в «Кедрах»,

а мисс Паттердейл, полагаю, вне подозрений. Скажете, она могла бы застрелить Уорренби примерно в 6.15? Но ведь не она произвела выстрел, который слышала мисс Уорренби. А если она придумала, как подделать винтовочный выстрел и звук попавшей в тело пули, да еще через час после истинного убийства, то это значит, что она — матерая преступница, а не уважаемая старая дева с незапятнанной репутацией. Кроме того, все сбивающие с толку приспособления пришлось бы куда-то убрать, а лучше уничтожить. Не говоря уже об абсурдности самой мысли о подобных приспособлениях.

— Хватит меня уговаривать, что мисс Паттердейл этого не делала, — прервал его Хемингуэй. — Доказывать, что второй выстрел не мог быть автоматическим, тоже не надо — и так знаю. Даже если бы такое приспособление существовало, отсутствие всего одного ключевого алиби его перечеркивает. Второй выстрел был сделан не с этой целью. Наоборот: он прозвучал для того, чтобы занять нас с вами кучей подозреваемых.

— Да, — признал инспектор, — наверное, так могло быть. Если вы правы, шеф, то поле резко сужается. Если предположить, что убийство произошло между шестью и шестью тридцатью вечера, то у нас остаются только Пленмеллер, поляк, Хасуэлл и, видимо, викарий. Первое, что приходит в голову, — Пленмеллера в то время не было в «Кедрах».

— Поэтому он хотел, чтобы предполагаемое время убийства «перенесли» на час вперед, — заметил Хемингуэй.

— Разумеется. Но возникает одна трудность, сэр. Я готов поверить, что в некий момент Пленмеллер припрятал ружье, чтобы потом им воспользоваться. Допускаю, что, совершив преступление, он опять его припрятал. Но никак не могу поверить, что он спрятал его

в третий раз! При всем хладнокровии невозможно прятать оружие убийства в канаве или в другом подобном месте, зная, что полиция непременно все обшарит в течение получаса! Тот, кто это совершил, должен был так избавиться от ружья, чтобы его нельзя было найти, — что и было сделано! У Пленмеллера не было на это времени. Если верить хозяину «Красного льва», то Пленмеллер находился там между 7.30 и 7.45. Допустим, он мог добраться к этому времени, но больше ничего не успел бы предпринять. Даже если забыть об его хромоте! Не станете же вы утверждать, что Пленмеллер сидел в «Красном льве» с винтовкой в штанине! Не забывайте, хозяин говорил Карсторну, что Пленмеллер остался там ужинать. Где в это время находилась винтовка? Кстати, чья она? Мы знаем, что не его!

Хемингуэй смотрел на него, пряча улыбку.

— Ну, Хорас, вам не угодить! Сначала вы всячески стараетесь повесить преступление на Пленмеллера, а теперь, когда это вроде бы становится возможным, делаете кульбит и доказываете, что он никак не мог его совершить!

— Вы несправедливы, шеф! — возразил Харботтл. — Вы отлично знаете, что я ни на кого не хочу повесить преступление. Мне подавай преступника! Я говорил только, что он представляется мне более вероятным преступником, чем все остальные, за исключением разве что Линдейла. Он до сих пор под подозрением, но в теперешнем споре его приходится исключить. Не представляю, как Пленмеллер умудрился бы избавиться от винтовки, зато понимаю, что остальным троим это было бы несложно. Викария — учтите, я не говорю, что преступник он и даже его не подозреваю, — не было в «Кедрах» после шести вечера, значит, он мог совершить преступление в 6.15. А поскольку мы не знаем,

куда он подался, уйдя от захворавшего прихожанина, то и второй выстрел мог произвести он. Он мог попасть на территорию Фокс-Хауса с собственного луга и не боялся, что его увидят. Для того чтобы избавиться от ружья, времени у него было достаточно.

— Вот только у него в это время не было ружья, — напомнил Хемингуэй. — Но ружье так или иначе остается камнем преткновения.

— Это все, что я могу сказать про викария. Вы с ним познакомились, я — нет. Теперь — Ладислас. Он сказал вам, что не знал про теннис у Хасуэллов. Мой опыт подсказывает, что в таких местах все в курсе, когда кто-то созывает гостей. Допустим, он знал. Ладислас убивает Уорренби, понимает, что попадет под подозрение, и не уходит с места преступления, пока не слышит чьих-то шагов. Возможно, он даже рыскал по выгону, наблюдая за тропой, потому что знал, что несколько человек уйдут из «Кедров» через садовую калитку. У него есть мотоцикл. Его квартирной хозяйки в тот вечер не было дома. Что ему помешало бы съездить куда угодно, хоть к реке, и избавиться от ружья?

— От какого ружья? — поинтересовался Хемингуэй.

— От одного из тех, которые мы пока не проверяли.

— Зачем Ладисласу было ждать три четверти часа, прежде чем застрелить Уорренби? Мы знаем, что в 5.30 его видели сворачивающим на Фокс-лейн. Если верить Крейлингу, наш дряхлый дед заявился в бар в 6.30, а значит, выстрел он услышал примерно в 6.15 или несколькими минутами ранее. Согласен, убийца не хотел торопиться, но ожидание в целых сорок пять минут — не многовато ли?

— Судя по вашему описанию, он парень темпераментный, нервный. Вдруг он волновался, не мог решиться?

— Нет, не годится! — отмахнулся Хемингуэй. — Если бы Ладислас тянул из-за нерешительности и никак не мог спустить курок, то скорее убрался бы восвояси, так его и не спустив!

— Значит, существует другое объяснение.

— Да. Где все это время находился его мотоцикл? Он что, оставил его стоять в проулке почти на два часа, чтобы любой прохожий убедился, что Ладислас болтается где-то неподалеку?

— Конечно, нет. Скорее уж спрятал мотоцикл в кустах на выгоне, чуть дальше по тропе, ведущей к наблюдательному пункту Биггсвейда.

— Хотелось бы мне поглядеть на вашу попытку замаскировать в кустах мотоцикл! Старый греховодник сразу бы его засек!

— Пока бы он туда добрал, Ладислас успел бы забрать его и укатить!

— Дед услышал бы, как он его заводит. Почему-то он ничего такого не рассказывает.

— Это не значит, что дед не слышал звук мотора. Он наводит подозрение на Рега Дитчлинга, а мотоцикл все испортил бы.

— Что ж, с этим я готов согласиться. У Ладисласа был мотив для убийства. А как насчет Хасуэлла?

— О нем мало что можно сказать, и, прошу прощения, сэр, в этом вся беда. Мы даже не знаем, где он находился и что делал до возвращения домой в восемь вечера.

— Зато нам известно, что Хасуэлл пользуется автомобилем. Если выбирать между автомобилем и мотоциклом, то я бы лучше попытался спрятать мотоцикл.

— Должно существовать место, где можно спрятать и то, и другое, — возразил инспектор. — Чем дальше я об этом размышляю, тем больше уверен: без тран-

спорта было не обойтись. — Он помолчал, а потом выпалил: — Как вам гараж самого убитого? Я обратил внимание, что он двухместный. Почему бы, застрелив Уорренби, не загнать туда машину и не держать ее там, пока мисс Уорренби не побежит за мисс Паттердейл?

— Что за пташка напела бы ему, как она поступит? — усмехнулся Хемингуэй. — Нет, Хорас, у вас определенно солнечный удар. Любой ждал бы, что она станет звонить в полицию или врачу, а не сбежит, потеряв голову!

— Девушки иногда теряют голову!

— Правильно, и не только девушки. Но когда так случается, не угадаешь заранее, что они выкинут, тем более к кому из четырех-пяти спятивших стариков они бросятся за утешением!

— Вы правы, — вздохнул Харботтл. — Но вообще-то странно, сэр, что мисс Уорренби потеряла голову. Мне она кажется, наоборот, очень собранной.

— Ничего странного, — произнес Хемингуэй. — Я от нее ничего иного и не ждал бы. Это ж какой удар для девушки, убедившей себя, что все вокруг купается в свете и любви! Немудрено потерять равновесие. — Он выбил трубку и поднялся. — Довольно! Бесполезно спорить, кто стрелял в 6.15, пока мы не убедились, что в это время выстрел действительно прозвучал. И если прозвучал, то в кого наш неизвестный стрелял во второй раз.

— Это равносильно поиску иголки в стоге сена, — мрачно изрек Харботтл. — Взял и выстрелил в землю, только и всего! — Видя насмешливо приподнятую бровь Хемингуэя, он добавил: — Нет, не в землю, иначе мисс Уорренби не услышала бы звук попадания пули.

— Своевременная оговорка, Хорас! — заметил Хемингуэй. — При вашем знании огнестрельного оружия... Вряд ли нам придется искать подходящий стог. Не будем забывать, что мы пытаемся разоблачить рис-

кованный план. Неизвестный крался по острию ножа. Мисс Уорренби была нужна ему на месте как свидетельница. Выстрел должен был прозвучать натурально. Он не хотел, чтобы мы нашли пулю. Только деревья — подходящие мишени. Их много по ту сторону от проулка, на территории Фокс-Хауса, но до них далековато, можно и промахнуться. На его месте я целился бы в вяз. Это единственное дерево по эту сторону с подходящим толстым стволом. Пойдемте и проверим!

Они спустились в проулок и приблизились к вязу. Там инспектор оглянулся на кусты утесника, беззвучно шевеля губами.

— Вы низко смотрите, шеф, — наконец произнес он. — Если пуля в стволе, то примерно в десяти футах от земли.

— Вы считаете? — отозвался Хемингуэй, разглядывая ствол. — Вы молодец, Хорас. Что скажете об этой царапине?

Инспектор подскочил к нему и, задрав голову, уставился на светлое пятнышко: там от ствола откололась щепочка. Его лицо выражало изумление и даже суеверный ужас.

— Чтоб мне прова... Ваша правда, сэр!

— Нам нужна лесенка.

— А где ее взять?

— В доме. Если у Глэдис отгул, то поищем в сарае садовника.

— Он будет заперт, — предрек инспектор. — Если попросить лестницу у служанки, то она обязательно придет посмотреть, что мы делаем.

— Я задержу ее в кухне всякими глупыми вопросами.

Они двинулись по прямой тропе, тянувшейся от калитки к задней двери. Судя по громкой музыке, Глэдис не взяла отгул, а включила на полную мощь програм-

му «Музыка для работающих». Слушая, она начищала столовое серебро и подошла к двери с бархоткой в руке. Из того, как она поприветствовала Хемингуэя, инспектор заключил, что в их прошлую встречу шеф не поленился наговорить ей комплиментов. Он саркастически взглянул на Хемингуэя, но тот уже завел с девушкой шутливую беседу. Спросив: «Зачем вам лестница?», Глэдис не увидела препятствий к тому, чтобы одолжить полицейским собственность своей хозяйки. Она вручила Харботтлу ключ от сарая, предупредив, что если лестница не вернется на место, то завтра садовник учинит скандал, а затем пригласила Хемингуэя в кухню, попить чаю. При появлении инспектора через четверть часа он прервал многообещающий тет-а-тет, причем Харботтлу показалось, что ему не пришлось задавать Глэдис никаких вопросов, включая глупые. Та сидела, упершись локтями в стол и грея ладони о чашку крепчайшего и сладчайшего чая. Инспектор застал ее за радостным хихиканьем и за восторженными похвалами его шефу.

— Если бы мой Берт услышал вас, даже не знаю, что он сделал бы! — весело заявила она.

Хемингуэй переглянулся с инспектором.

— Если бы я женихался, никакой Берт передо мной не устоял бы!

— Вот нахал! — Глэдис расхохоталась, потом оглянулась на Харботтла и вежливо, но без воодушевления предложила: — Может, вашему другу тоже налить чашечку чаю?

— Нет, он такого не пьет, — сказал Хемингуэй, вставая из-за стола. — И потом, третий — лишний. Ну, а теперь я должен кое-что проверить. Не возражаете пустить меня в кабинет?

Глэдис посмотрела на часы.

— Возражать вам, полицейским, себе дороже. Только немного подождите. Сейчас начнется «Дневник миссис Дейл». Садитесь и послушайте. Чудесная передача!

— Нам пора возвращаться в Беллингэм, — произнес Хемингуэй. — Можете не провожать нас в кабинет. Оставайтесь здесь и слушайте свою любимую передачу! Я прослежу, чтобы инспектор ничего не стащил.

— Лучше пусть он за вами приглядит! Вы же не перевернете там все вверх дном?

Хемингуэй заверил Глэдис, что сохранит в помещении образцовый порядок.

«Дневник миссис Дейл, — внезапно раздалось из радиоприемника. — Ежедневные события в жизни докторской жены».

Глэдис временно утратила интерес к Хемингуэю и прильнула к приемнику. Полицейские вышли в холл.

— Нашли? — спросил Хемингуэй.

Инспектор разжал ладонь, на которой лежал кусочек свинца.

— Наконец-то! — обрадовался Хемингуэй. — Отправим специалистам, пусть сравнят с пулей, вынутой из головы Уорренби. Пусть Нарсдейл заберет это сегодня вечером.

— Гильзу от пули можно не искать. Жаль! — заметил инспектор.

— Ее все равно уже нет. Наш неизвестный ничего не делал на авось. Другую гильзу он оставил под кустом специально. Вторую нам получить не положено.

Говоря, он прошел в кабинет, оставив дверь открытой, чтобы услышать приближающиеся шаги.

— Вот здесь, прямо за столом, — торопливо произнес он. — Он сидел, когда в него угодила пуля. Крови не должно было вытечь много.

— На бумагах, найденных на столе, кровь отсутствовала, — напомнил Харботтл. — На столе я тоже не вижу никаких следов.

— Младший Хасуэлл и Карсторн показали, что стол был завален бумагами. Не сомневаюсь, что те, на которые попала кровь, аккуратно удалили. Мы попросим клерка Уорренби просмотреть бумаги, какие я забрал, пусть скажет, все ли на месте. А вы проверьте оконные шторы, подоконники и рамы. Сам я займусь ковром.

Ковер был турецкий, плотный, красный, с сине-зеленым рисунком. Опустившись на четвереньки, Хемингуэй промолвил:

— Свежая кровь была бы не видна, он мог не заметить. Мне хватило бы пары пятнышек...

— На шторах ничего, — доложил инспектор. — Но они отодвинуты далеко, на них не попало бы. — Он тоже встал на колени и пригляделся к половицам. — Другое дело — пол...

— Убийца наверняка проверил пол и, найдя кровь, тщательно стер ее. Прежде чем тащить Уорренби, он обмотал ему чем-то голову. Идите сюда! Что вы думаете об этом?

Инспектор подскочил, схватил протянутую ему лупу, упал на колени и уставился на два маленьких темных пятна на ковре, выделявшихся на красном фоне.

— Возможно... — пробормотал он.

— Режьте! — приказал Хемингуэй. — Нам повезло, что ковер ворсистый. Верните мне лупу.

С ее помощью он обнаружил еще одно пятно — более тусклое, зато крупнее, похожее не на каплю, а на след от крови.

— Полагаю, это подтверждает мою версию, Хорас, — радостно сказал он.

— Если это пятна крови, — поправил его осторожный помощник, отправляя срезанные ворсинки в поданный Хемингуэем спичечный коробок.

— Задача доктора Ротерторпа. Но, по-моему, это все-таки кровь. — Он посмотрел на стол. — А говорили про авторучку, оставленную без колпачка! Мне надо было внимательнее слушать рассказ Карсторна про то, как он ее нашел! Пойдемте! Слышу шаги блондинки, идущей по мою душу!

Глава 17

Двое детективов, направившись по проулку к дороге на Триндейл, увидели впереди Фокс-коттедж, рядом с воротами которого собрались возбужденные люди. На первый взгляд напрашивался вывод, что ответственность за возбуждение лежит на своре пекинесов в полном составе, но при ближайшем рассмотрении выяснилось, что присутствуют только пять Ультим, из них четверо, ограниченные поводками, путались вокруг хозяйских ног, и только один, в котором Хемингуэй признал патриарха Улисса, обходился без поводка. Рядом находилась машина Хасуэлла-младшего, водитель и миссис Миджхолм стояли перед калиткой, на верхнюю планку которой опирались изнутри мисс Паттердейл в комбинезоне и садовых рукавицах и ее племянница, в розовом льняном платье и огромной шляпе от солнца. Вся четверка увлеченно дискутировала, причем сильнее всего впечатляло поведение мисс Паттердейл. Детективов никто не замечал, пока к ним не бросился с угрожающим лаем бдительный Улисс.

— Что за недоверие, старина? Так ты приветствуешь друзей? — улыбнулся Хемингуэй, наклонившись и дружески поглаживая песика.

От этой фамильярности Улисс возмущенно вытаращил свои глазенки, зарычал, но, не отличаясь излишней горячностью, прежде чем перейти к крайним мерам, обнюхал руку старшего инспектора и смекнул, что перед ним если не друг, то знакомый, с кем надлежит раскланиваться. Перестав свирепо топорщить гриву, он мило стиво махнул хвостом и чихнул.

— Ну, разве не умница? — умилилась миссис Миджхолм. — Видите, он вас узнал!

Ее голос был заглушен пронзительными призывами остальных четырех Ультим к своему прародителю не доверять полиции. Но Улисс, смерив мелюзгу презрительным взглядом, предъявил еще одно доказательство мудрости: принял позу, намекая старшему инспектору почесать ему спину. Хемингуэй покорился, а мисс Миджхолм размотала завязанные остальной четверкой узлы и призвала всех к спокойствию.

— Так и знала, что вы здесь, — обратилась она к Хемингуэю. — Увидела за углом полицейскую машину и сообразила, что вы обследуете место преступления. Хорошо, что вы мне попались!

— Не несите вздор, Флора! — язвительно одернула ее мисс Паттердейл. — Не думаете же вы, что старшему инспектору захочется выслушивать ваши дурацкие версии? Лучше ступайте домой, новорожденные нуждаются в заботе. Фильд — спаниелиха моего отца заживо зарыла своих первых щенков. Тут нужен глаз да глаз!

— Уллапула — мое сокровище! — воскликнула миссис Миджхолм. — Она — лучшая из матерей. А щенята — красавчики! Боюсь взглянуть, но у меня ощущение, что кто-нибудь из них вырастет таким же медалистом, как Улисс.

— Я придумал славную кличку, — промолвил Чарлз. — Как вам понравится Узьяк?

Миссис Миджхолм она не понравилась.

— Кличка недурна, — промолвил старший инспектор скептическим тоном. — Однако можно найти и лучше. Вчера целый час не смыкал глаз, никак не мог вспомнить... Наткнулся на одну такую в детстве в книге — вас тогда, боюсь, еще на свете не было, сэр. Вспомнил: Умслопогас!

— Скажете тоже! — возмутился Чарлз. — Кто же не читал Райдера Хаггарда! Черт, почему имя Зулуса не пришло в голову мне самому? Лучше не найти!

Миссис Миджхолм, хотя и признательная старшему инспектору за то, что он уделил время ее Ультимам, кличку все же не одобрила. Заявила, что обдумала бы его предложение, если бы разводила черных пекинесов, и уже собиралась объяснить присутствующим, почему не разводит эту породу, но мисс Паттердей положила беседе конец, презрительно усмехнувшись:

— Назовите одну из собак Уллалумой, вот и все! Вряд ли старший инспектор готов тратить время на безумные клички для ваших собак, Флора. Вернись-ка я к прополке! — Кивнув Хемингуэю, она направилась к своей корзине и вилам.

Миссис Миджхолм оправилась от смущения, хохотнула и сказала:

— Старушка Мириам верна себе! Я всегда говорю: Абби, у твоей тетушки тот еще характер! Ясное дело, я хотела побеседовать с вами, старший инспектор, не об Ультимах. Надеялась поймать вас с утра, но не получилось. Вам передали мои слова?

Вопрос, заданный подозрительным тоном, предназначался не только Хемингуэю, но и Харботтлу, который и ответил с непроницаемым видом.

— Вы считаете, что я лезу не в свое дело, — произнесла миссис Миджхолм после его уверений, — но ду-

маю, что любой обитатель Торндена обязан знать о своих жителях больше, чем пришлый человек. Вы меня понимаете?

— Сказав «а», приходится сказать и «б», — встрял Чарлз, явно продолжая прерванный спор. — Старый Драйбек тоже родился и вырос здесь, так почему вас старший инспектор должен слушать, а его нет?

— Потому что это нелепо! — воскликнула она. — Разве можно принимать его в расчет? И потом, я сейчас о другом. Я выгуливала своих ангелочков на выгоне, старший инспектор, и столкнулась с ужасным стариком Бигглсвейдом. Он выложил мне все, что думает о случившемся в субботу. Вряд ли молодой Дитчлинг как-то в этом замешан, потому что любой, кто знаком с его семьей, сразу вам скажет, что все они вне подозрений. Честно говоря, сначала я решила, будто он врет.

— «Он в каждом слове лгал, — процитировал с ухмылкой Чарлз. — Уродец престарелый с хитрым взором...» Не помню, как там дальше, но будто про него сказано! Он тоже подстерегает странников и вываливает на них свое вранье. «Яд желчи изливал, и видел, как меня схоронит вскоре...» Нет, никак не вспомню! Но — вылитый Бигглсвейд!

— Что за околесица? — поморщилась Абби.

— Околесица? Я цитирую «Чайлд Роланд дошел до Черной Башни» Браунинга!

— Вот оно что! «Осталась от него лишь горсть монет», — вспомнила Абби, демонстрируя эрудицию.

— Совершенно верно! — подхватил Чарлз, весело глядя на нее.

— Не знаю насчет Браунинга, — раздраженно сказала миссис Миджхолм, — но, говорю вам, сначала я приняла болтовню Бигглсвейда за выдумку. А потом меня осенило!

Она сделала театральную паузу. Видя ее вызывающий взгляд, Хемингуэй спросил, изображая интерес:

— Неужели?

— Он живет по церковным часам! — торжественно заявила миссис Миджхолм. — Помните про летнее время? Разница — час. Он называет время, на час отстающее от настоящего!

Абби, Чарлз и инспектор Харботтл мысленно решали некую задачку. Харботтл оказался смысленнее других.

— Опережающее! — воскликнул он.

— Права миссис Миджхолм, — возразил Чарлз.

— Подождите! — произнесла Абби. — Куда мы переводим часы: вперед или назад?

— Ну-ка, Хорас! — подстегнул помощника Хемингуэй. — Куда?

— Я понял! — кивнул Чарлз. — Когда церковные часы показывают 6.15, на самом деле 7.15 — по летнему времени. То есть права миссис Миджхолм.

— Рад, что мы разобрались, — сказал Хемингуэй. — Вот только с временем открытия паба старикан не ошибается. При этом я весьма признателен миссис Миджхолм за ее равнодушие. Я бы продолжил путь, но...

— Разве вы не хотите дослушать наши версии? — оскорбился Чарлз. — Моя, например, — просто блеск! Мисс Дирхэм тоже может предложить неплохой вариант. Последняя версия Гэвина Пленмеллера — доказательство того, что преступник он сам, но уж больно она хитроумная. Сквайр — и тот включился в игру: он не сомневается, что убил...

— Неужели сквайр тоже стал детективом? — перебил его Хемингуэй.

— А как же! Вместе со всем Торнденом. Сквайр считает, что убийца пришлый, из Беллингэма, приехавший

на машине или на мотоцикле и залегший в кустах утесника в ожидании удобного момента.

— Какова ваша собственная версия, сэр?

— О, нет! — улыбнулся Чарлз. — Я не собираюсь выполнять вашу работу. И не хочу, кстати, отвечать по иску о клевете.

— Наверное, вы правы.

— Вот бы склонить Мэвис вчинить иск Драйбеку! — воскликнула Абби.

— Боже, неужели вы сказали ей, что он считает убийцей ее?! — вскричал Чарлз.

— Нет, но кто-то сообщил. Мэвис говорит, что не желает это обсуждать, мол, надо быть снисходительными, он не хотел ее обидеть...

— Да она попросту святая! — заключила миссис Миджхолм. — Возможно, она перегибает палку, но, согласитесь, Мэвис — пример для нас всех!

Старший инспектор подумал, что, судя по выражению лиц Чарлза и Абби, они не собираются следовать примеру мисс Уорренби. Простившись со всей компанией, он направился в сопровождении Харботтла к автомобилю.

— Что им опять понадобилось в Фокс-Хаусе? — спросила Абби после того, как детективы свернули на главную дорогу.

— Снова изучают место преступления, — предположил Чарлз.

— Только бы не пристали с вопросами к Глэдис! — заволновалась миссис Миджхолм. — Вы же знаете слуг! Она раздует все мелкие неприятности, что когда-либо случались в доме. Вместе с бесчестными попытками Тэddieаса Драйбека навлечь подозрение на бедняжку Мэвис это введет полицию в заблуждение. Что ж, я сде-

лала все, что могла, и умываю руки! Идем, Улисс! Домой, к папочке!

Чарлз одобрительно отнесся к попытке Улисса прикинуться глухим, после чего песик лениво двинулся за хозяйкой.

— Мне нравится этот пес, — сказал Чарлз. — Он понимает, что такое истинное достоинство. И все же лично мне не хотелось бы называться его папой... — Он повернулся к Абби: — Вчера вы мне отказали. Как насчет того, чтобы поехать сейчас в Файли-коув?

— Вы когда-нибудь работаете? — усмехнулась она.

— Разумеется. Например, сделал нечто важное сегодня днем. Не волнуйтесь, меня не уволят за то, что не вернулся на работу. Между прочим, я — полноценный партнер! Нет, не отпущу!

Мисс Дирхэм, планировавшая стратегическое отступление, обнаружила, что ее правая кисть прижата к верхней планке калитки, и громко возмутилась тем, что Чарлз делает ей больно. Он поднес ее руку к губам и поцеловал. Абби густо покраснела и уставилась на него из-под широкой шляпы. Чарлз умело воспользовался возможностью и перешел к настоящим поцелуям.

— Чем вы тут занимаетесь? — раздался голос мисс Паттердейл, вынырнувшей из-под навеса, с моноклем в глазу, позволявшим лучше разглядеть парочку.

— Я делаю Абби предложение выйти за меня замуж, — нагло ответил Чарлз, одной рукой обнимая Абби за плечи, а другой впившись в ее многострадальную кисть.

— Вздор! Кто делает девушке предложение при ее тете?

— Я уже несколько раз предлагал ей выйти за меня замуж не при тете, но вы всякий раз появляетесь в тот самый момент, когда предложение готовится сорваться с моего языка!

Мисс Паттердейл с подозрением переводила взгляд с Чарлза на Абби.

— Нет, куда катится мир? — воскликнула она. — Целоваться и миловаться у моей калитки! Если вы всерьез намерены жениться на Абби, то хотя бы войдите, не торчите у всех на виду! Или это опять ваши шуточки?

— Ни в коем случае! — возразил Чарлз. — Не воображаете же вы, будто я стал бы целовать Абби через вашу или чью-нибудь еще калитку, если бы не надеялся на ней жениться?

— Нынче все вы такие шалопаи, что можно вообразить что угодно! Вы намерены на ней жениться?

Чарлз посмотрел на Абби:

— Так я намерен, единственная моя?

— Да, — подтвердила она. — Если вы считаете, что из этого выйдет толк, то я согласна!

— Если это — предложение, то я рада, что никогда его не получала! — заявила мисс Паттердейл. — Вам будет о чем подумать, помимо вмешательства в расследование убийства. Пойду-ка я в дом, поставлю чайник.

— Полагаю, — промолвил Чарлз, выпуская из объятий Абби и открывая калитку, — сейчас прозвучало приглашение и благословение. Тем лучше, у меня появляется возможность с чувством поцеловать тебя. К черту убийство! Кому оно нужно?

Мисс Дирхэм пылко ответила на его поцелуй, а потом произнесла:

— Собственно, меня оно тоже больше не волнует. Хотя интересно, конечно, что здесь делали эти детективы и чем они занимаются теперь.

Детективов тем временем везли в Беллингэм. Поскольку полагаться на благоразумие констебля Милкенторпа не приходилось, их разговор в пути вряд ли привлек бы внимание мисс Дирхэм. Только в участке, когда

инспектор Харботтл передал сержанту Нарсдейлу сплюсненную пулю из ствола вяза, речь снова зашла об убийстве Сэмпсона Уорренби.

— Похоже на калибр 0,22, — сказал сержант. — Если она была выпущена не из того ружья, которое вы добыли последним, сэр, то я не знаю, что делать!

— То, что мы сегодня выяснили, все меняет, — заметил Хемингуэй. — Пошевеливайтесь, Нарсдейл! Мне срочно нужен рапорт об этой штучке. Хорас, принесите журнал регистрации огнестрельного оружия.

Вернувшись в тесный кабинет, инспектор застал шефа за разбором бумаг со стола Сэмпсона Уорренби. Отодвигая их, Хемингуэй проговорил:

— Надо усадить за эти бумаги Каупланда. Есть тут письмо, написанное в ответ на другое, которого я не могу найти. Пусть поищет! Принесли журнал? Хорошо!

— Наверное, вы считаете, сэр, что я мог что-нибудь упустить, — произнес Харботтл чопорным тоном, — но, если помните, я переписал все стволы калибра 0,22 в радиусе двадцати миль от Торндена.

— В том числе тридцать семь, которые меня не заинтересовали и никогда не интересуют. Соберитесь с духом, Хорас! До сих пор мы занимались только винтовками, потому что с такого расстояния поразить цель можно лишь из винтовки. Нас наталкивали на этот вывод. Но теперь у нас есть основания полагать, что в Уорренби стреляли с гораздо более близкого расстояния. Мне необходимо знать обо всем огнестрельном оружии, имеющемся в округе.

— Карсторн упоминал армейский револьвер майора, но он не годится, потому что...

— Калибр не тот! Хватит меня злить! — воскликнул Хемингуэй, открывая журнал.

Несколько минут он молчал, потом поднял голову.

— Хорас, тут написано, что при последнем обновлении разрешения на огнестрельное оружие пару лет назад покойный Уолтер Пленмеллер имел автоматический «кольт-вудсмен». В ружейном шкафу в Торнден-Хаусе его не было. Что скажете?

Инспектор подошел к столу и уставился на запись в журнале.

— Можно носить на себе такое оружие незаметно для окружающих? — спросил Хемингуэй.

— Думаю, можно, — ответил Харботтл. — Но, боже правый, сэр, зачем?

— В общем, пора заняться делами Пленмеллера, — мрачно произнес Хемингуэй.

— Да, но здесь никто ничего толком про него не знает. Будь хоть малейшая зацепка, нас давно поставили бы в известность. Его не любят, а поскольку все они ищут улики и мотивы, то нас уже навели бы на него.

— Вряд ли. Что бы ни раскопал Уорренби — если это послужило мотивом для убийства, — я уверен, что об этом никто больше не знал.

— Вы полагаете, что Уорренби пытался шантажировать Пленмеллера? Скорее он чем-то оскорбил его, а тот способен убить из мести, такой это человек. Но ничего подобного я пока не обнаружил. Более того, шеф, разве он твердил бы всем встречным, что от Уорренби надо избавиться, если бы собирался его пристрелить? Убийцы так не поступают.

— Да, — сухо отозвался Хемингуэй. — И ему это известно не хуже, чем нам. Если он тот, кого я ищу, то это вполне в его духе. Пленмеллер очень умен. Убийство совершено не таким замысловатым способом, чтобы мы начали приглядываться к человеку, всю жизнь сочиняющему детективы. Он не пытался обеспечить себе алиби, твердил мне и всем прочим, что не выносил Уорренби.

Более того, Пленмеллер признался нам, что способен на убийство. Он все время спокоен. Это потому, наверное, что он о себе высокого мнения и считает себя слишком умным для того, чтобы я его поймал.

— Вы же не думаете, что он совершил это просто из ненависти к Уорренби?

— Нет. Ненависть к Уорренби подстегивала его к поиску способов до него добраться. Сдается мне, он своего добился. Уорренби такое не могло понравиться. Мы знаем, что было, когда с ним пренебрежительно обошелся Линдейл.

— Подождите, шеф! — не выдержал инспектор. — Если Уорренби его шантажировал, он бы не посмел его донимать.

Хемингуэй покачал головой:

— Вряд ли это был заурядный шантаж. Но мы знаем со слов клерка Уорренби, что тот любил выяснять подноготную людей, мол, всегда может пригодиться. Заодно это давало ему ощущение силы. Вряд ли Уорренби намеревался открыть Линдейлу, что знает его тайну, это вышло случайно, когда он вспылил. Теперь предположим, что он знал нечто, дискредитирующее Пленмеллера. Неужели вы считаете, что он терпел бы грубость, нападки, помехи, которые тот ему чинил на каждом шагу, когда можно было просто поставить Пленмеллера на место, заявив, что он знает его тайну? Да и кто упустил бы шанс для торжества? Вот где он поскользнулся: таких, как Пленмеллер, опасно шантажировать.

— Не исключено, — кивнул Харботтл. — Не только опасно, но и нелегко. Он склонен хвастаться, будто что-то натворил, а не скрывать свои прегрешения. Взять хотя бы его бесстыжий рассказ про то, как он довел до смерти собственного брата!

— Именно об этом я и думаю. В общем, необходимо во всем разобраться. Вы прочитали все материалы?

— Дознание по Уолтеру Пленмеллеру? Ничего не читал, кроме письма, которое он оставил.

Хемингуэй нахмурил брови:

— Даже рапорт не изучили? Почему тогда остановились на письме?

Инспектор заморгал.

— Там было только оно. Я нашел его в жестяной коробке. Материалов коронерского дознания не видел.

— Вы хотите сказать, что Уорренби забрал письмо из соответствующей папки и сунул его в свои бумаги?

— Да, сэр. Не знаю, как принято поступать с рапортами о дознании. Поскольку Уорренби сам был коронером, я не придавал этому особенного значения. Предположил, что он собирался дразнить письмом Пленмеллера.

— Когда в следующий раз найдете подобный документ в неподобающем месте, извольте доложить мне! — гневно потребовал Хемингуэй. — Я думал, вы полностью ознакомились с тем делом! — Он выдвинул один из ящиков стола и стал в нем копаться.

— Простите, сэр, просто то дело выглядело совершенно пустым! Я обсудил его с Карсторном и пришел к выводу, что речь идет о несомненном самоубийстве.

Хемингуэй, найдя письмо, впился в него взглядом.

— Почему же тогда Уорренби припрятал письмо? — воскликнул он. — Только не надо говорить про его намерение подразнить Пленмеллера! Тот и ухом не повел бы: письмо наверняка огласили в суде!

— После всего того, что мы слышали от Каупланда, сэр, я подумал, что Уорренби хотел найти хоть что-то, чтобы уязвить Пленмеллера. Письмо — подходящий документ. Он предстает в нем бессердечным человеком, намеренно действующим брату на нервы. Простите, сэр.

— Ладно. Я тоже виноват: надо было спросить, где вы нашли письмо. Несите папку! Если офис закрыт, узнайте, где живет Каупланд и...

— Не беспокойтесь, сэр, я ее добуду! — заверил инспектор, стоя по стойке «мирно».

— Выясните заодно, на месте ли начальник полиции. Мне необходимо с ним поговорить.

Вскоре дежурный сержант доложил, что полковник Скейлз прибыл несколько минут назад для встречи с суперинтендантом. Полковник Скейлз как раз прощался с весьма дородным суперинтендантом, когда к нему в кабинет вошел Хемингуэй.

— Здравствуйте, Хемингуэй, садитесь! Надеюсь, вы напали на след?

— Кое-что есть, сэр, — ответил тот. — Один из моих сотрудников отправил вещественное доказательство вашему доктору Ротерторпу. Вечером он сможет что-то сообщить. Он сказал, что располагает небольшой лабораторией, поэтому нам не придется связываться с Ноттингэмом.

— Что за вещдок?

— Пока не могу сказать, сэр. Уверен, мы на верном пути. Это долгая история.

— Тогда возьмите сигарету или закурите собственную трубку, — предложил полковник. — Мне очень любопытно! У вас все, Митчэм?

— Да, сэр, — с сожалением признался дородный суперинтендант и вышел.

— Выкладывайте! — потребовал полковник.

— Сэмпсона Уорренби застрелили не в 7.15 и, вероятно, не из винтовки.

— Господи! Почему вы так решили?

Хемингуэй подробно объяснил. Полковник внимательно выслушал его, но, когда старший инспектор замолчал, сказал с удрученной улыбкой:

— Не отрицаю, я многое упустил в данном деле. — Он вздохнул. — Вы действуете высокопрофессионально! Если убийство совершено между 6.00 и 6.30, то это существенно сужает выбор подозреваемых.

— Если преступник — не кто-то, о ком мы ничего не знаем, сэр, что вряд ли, подозреваемых остается четверо, причем вероятными являются всего двое. Алиби на этот отрезок времени отсутствуют у викария, старшего Хасуэлла, молодого Ладисласа и Гэвина Пленмеллера. Если это викарий обзавелся чужим стволом и убил из него Уорренби или еще кого-нибудь, то я сразу подам в отставку, не дожидаясь увольнения. Мнения о Хасуэлле у меня нет, он человек замкнутый, но на него я бы не подумал, потому что не выявил у него даже подобия мотива желать устранения Уорренби.

— Уверен, что и не обнаружите, — заметил полковник. — Я знаю Хасуэлла много лет, собственно, мы друзья, и хотя это обстоятельство не должно иметь веса, оно заставляет меня утверждать, что если Уорренби убил он, то я обманывался в нем с самого момента знакомства!

— Все в порядке, сэр, на Хасуэлла я не думаю. Остаются Ладислас и Пленмеллер. В этой паре я предпочитаю второго.

— У поляка Ладисласа есть явный мотив, — напомнил полковник. — Согласен, именно Пленмеллер скорее замыслил и осуществил бы преднамеренное убийство, но у него, похоже, мотива нет вовсе.

— Именно это я и хотел с вами обсудить. В отличие от остальных, он располагал автоматическим пистолетом нужного нам калибра. Это оружие числится в арсенале брата, но его не оказалось в оружейном шкафу, когда я туда сунулся. Мы, конечно, не знаем пока, каким арсеналом может располагать Ладислас, но я не слышал, чтобы армия, английская или иностранная,

имела на вооружении пистолеты такого калибра. Если пистолет не остался у него после войны, то откуда бы ему взяться? Итак Гэвин Пленмеллер. О нем я и соби-рался с вами посоветоваться, сэр.

— Ничего не могу вам о нем сказать, — отозвался полковник. — Он мне не нравится, согласен, Пленмел-лер способен спланировать такое убийство. Правда, не понимаю, зачем ему понадобилось бы его совершать? Может, запутанные сюжеты, которые Пленмеллер при-думывает, повлияли на его мозги и он решил доказать себе, что способен посрамить полицию?

— Подобных предположений я не выдвигаю, сэр, хо-тя он, без сомнения, считает себя способным в два счета посрамить нас. У меня сильное подозрение, что это ста-рая история: человеку сошло с рук одно убийство, и он вообразил, что раз однажды уже обвел полицию вокруг пальца, то это получится снова.

Полковник вздрогнул:

— Что?! Господи! Вы хотите сказать...

— Я хочу выяснить, что именно произошло, когда Уолтер Пленмеллер ушел из жизни якобы по своей во-ле, — заявил Хемингуэй.

Глава 18

Полковник долго смотрел на старшего инспектора, а потом спросил:

— У вас есть причины предполагать подобное?

— Вот это, сэр. — Хемингуэй положил на стол пись-мо Уолтера Пленмеллера. — Найдено среди бумаг Уор-ренби. Я хочу понять, зачем он изъял письмо из папки и хранил у себя.

— Изъял из папки? Но это нарушает...

— Да, нарушает, — кивнул Хемингуэй. — Остается предположить, что у него имелись веские основания. Интуиция подсказывает, что в этом письме содержится разгадка.

Полковник схватил письмо и стал читать.

— Хорошо это помню, — сказал он. — Письмо, по моему, гадкое. Такое у меня создалось впечатление тогда... Я даже пожалел Гэвина.

— Из письма становится ясно, что братец люто ненавидел его, и, полагаю, не без причины.

— Ерунда! — возразил полковник. — Уолтер вовсе его не ненавидел! Уолтер всегда был неуравновешенным, а после ранения на войне срывался по малейшему поводу. В общем, нервы у него были совершенно ни к черту. Он страдал кошмарными мигренями, жаловался на бессонницу. Лондонский специалист, к которому Уолтер обратился, прописал снотворное. Установлено, что в вечер смерти он принял такую таблетку.

— Случайно не смертельную дозу?

— Нет. Помимо данных вскрытия, экономка показала, что утром, вытирая в комнате пыль, заметила, что в пузырьке на прикроватном столике оставалась всего одна таблетка. Другой пузырек, еще запечатанный, нашли у него в аптечке.

На лице старшего инспектора появилось настороженное выражение.

— Значит, имея под рукой простейший способ покончить с собой, он выбрал газ? Сэр, это любопытно.

— Хотите сказать, что в это следовало вникнуть?

— Боюсь, что да, — виновато сказал Хемингуэй.

— Нас это не испугало. К чести инспектора Троптона, расследовавшего дело, должен сказать, что и пугаться было нечего. Уолтер мог не знать смертельной до-

зы и ее эффекта. Неудивительно, что он принял свою обычную дозу, чтобы уснуть, и открыл газ. Легкий путь на тот свет!

— Если от таблетки он уже через минуту уснул. Но если снотворное действовало так же, как все остальные, то должно было пройти полчаса, прежде чем оно подействует. В таком случае смерть не стала легкой. Более того, я не понимаю, зачем он вообще принял его.

Полковник вынул изо рта трубку.

— Черт вас побери, Хемингуэй! Вам удалось меня смутить. Надо было об этом подумать... Но не было ни малейшей причины заподозрить чей-то злой умысел! Да, Гэвин являлся наследником своего брата, но Пленмеллер не был богачом! Остался дом, небольшое поместье, но, поверьте, Пленмеллер с трудом сводил концы с концами. Неужели Гэвин стал бы убивать брата ради крохотного дохода и дома, который все равно невозможно привести в нормальное состояние?

— Ответ зависит от положения его собственных финансов, сэра, — заметил Хемингуэй. — Судя по этому письму, оно было незавидным. «Ты приезжаешь сюда, только чтобы вытянуть из меня что-то...» — эти слова подсказывают, что он пытался добыть у Уолтера денег. На дознании выплыло что-либо на сей счет?

— Нет. Об этом почти не говорилось. Было совершенно очевидно, что Уолтер не смог справиться со своими проблемами. Его и раньше посещали такие мысли. Он часто говорил о самоубийстве. Никто не принимал его слова всерьез. Уолтер был слишком занят собой, бывал слезливо сентиментален и невыносимо скучен. А оказалось, что он не шутил! Такой вывод мы сделали...

— Понимаю, сэра. Но вы сказали, что он не ненавидел брата. Если судить по письму, то скорее все же ненавидел.

— Просто вы его не знали, — заметил полковник. — Я расценил это как очередной приступ ярости Уолтера. Доктор Уоркоп называл такое поведение нервными припадками. Вы не представляете, сколько он ссорился с разными людьми! Даже на меня однажды накинулся в клубе из-за какой-то ерунды. Я постарался не обратить внимания. Он и с Гэвином так себя вел, но я уверен, что на самом деле Уолтер любил его — по-своему, конечно. Он был гораздо старше и в былые времена, когда еще не жаловался на здоровье, сочувствовал Гэвину. И одновременно гордился им. Часто хвалил его книги. Больше всего Уолтер любил слушать, как Гэвин спорит с людьми. Но рано или поздно Гэвин должен был так же восторжествовать и над ним самим, и тогда полетели бы искры... Никто так Уолтера не раздражал, как брат. Он твердил, что не пустит Гэвина к себе на порог. Однако вскоре начинал скучать по брату. Сами понимаете, настоящих друзей у него почти не было. Люди его сторонились, и он страдал от одиночества. Но подобные резкие обличения, — полковник ткнул пальцем в письмо, — не производили впечатления на тех, кто узнал за долгие годы цену его гнева. Недели за три до смерти Уолтер в очередной раз поссорился с Гэвином и клялся, что уж теперь своего решения не изменит и не станет видеться с братом, тем более не пустит его больше в Торнден-Хаус. И что же? За три дня до смерти он встретил Гэвина на вокзале в Беллингэме, отвез его в Торнден на такси и был весьма доволен!

— Любопытно! — воскликнул Хемингуэй. — Что же натворил Гэвин всего за три дня, чтобы довести брата до самоубийства?

— Доктор Уоркоп — я знаю, как вы к нему относитесь, но все же он являлся врачом Уолтера и должен был знать о своем пациенте! — считал, что Уолтер на-

ходился тогда в неуравновешенном состоянии. Неизвестно, насколько в этом был виноват Гэвин. Он наверняка думал, будто Уолтер преувеличивает свой недуг, и прямо говорил об этом. На дознании сам Гэвин сообщил, что непосредственно перед смертью брат жаловался на головную боль, был раздражительным. Помню, его спросили, не поссорились ли они, и он откровенно ответил, что брат разозлил его своей «капризной жалостью к себе» и он высказал ему все. Уоркоп признался мне, что Уолтер находился в таком состоянии, что даже это могло подтолкнуть его к необратимому шагу. Раз так, Гэвин несет моральную ответственность за смерть брата. Его поведение было, конечно, верхом бессердечности. Но хотел ли он довести брата до самоубийства? Ответ на этот вопрос не в нашей компетенции. Его частично оправдывает то, что впоследствии он вел себя безукоризненно.

— Полагаю, из него получился хороший свидетель, — заметил Хемингуэй.

— Отличный! — подхватил полковник. — Если бы Гэвин уничтожил письмо, его вряд ли можно было бы осуждать, но он этого не сделал, передав письмо инспектору Троптону. Правда, первой письмо увидела экономка, она и вручила его инспектору. По-моему, Гэвину она симпатизировала больше, чем Уолтеру, и ее было бы легко уговорить помалкивать о письме. Но Гэвин не пытался утаить его.

— Какая добродетельность! — усмехнулся Хемингуэй.

— Вы о чем?

— Благодаря письму все вы решили, будто несчастный покончил с собой? — спросил Хемингуэй.

Раздался телефонный звонок. Полковник поднял трубку, послушал и распорядился:

— Пусть войдет! — Положив трубку, он объяснил: — Это Харботтл, к вам.

— Отлично! Я посылая его в офис Уорренби за делом о дознании. Наверное, он застал на месте Каупланда.

— Лучше вам полностью ознакомиться с делом, прежде чем продолжать разговор со мной.

— Да, сэр. — Хемингуэй взял письмо Уолтера Пленмеллера и уставился на него. — Когда читаешь это впервые, то впечатление сильное, как от любого письма самоубийцы... Но если поразмыслить, то возникает мысль: что-то здесь не так.

— В каком смысле?

Хемингуэй опустил голову, глядя на письмо. «...Это мое последнее письмо, больше мы не увидимся», — прочитал он вслух. — Можно, конечно, считать это намеком на намерение наложить на себя руки, но сформулировано странно. — «Ты приезжаешь сюда, только чтобы вытянуть из меня что-то, разозлить своим сарказмом. Я и так слишком страдаю, чтобы еще раздражаться из-за тебя...» — Он помолчал. — Знаете, сэр, чем больше я об этом размышляю, тем меньше мне это нравится. По-моему, он намекает брату, что больше не потерпит его в своем доме, а вовсе не предупреждает, что решил покончить с собой.

— А «я дошел до предела»? — возразил полковник. — Или слова о том, что дом перейдет Гэвину раньше, чем он думает?

— «...а когда ты окажешься в моей шкуре, то сможешь поздравить себя с тем, что поспособствовал моему концу», — зачитал Хемингуэй. — Он же не говорит, что Гэвин довел его до самоубийства! Скорее клеймит его за то, что брат не щадит его, хотя знает, что состояние здоровья не позволяет ему волноваться. — Видя скептическое выражение лица полковника, он добавил: — Вы

только представьте, сэр! Уолтер не заканчивал жизнь самоубийством, а Гэвин показал вам это письмо. Что бы вы могли сказать о замыслах его автора?

Дверь открылась, в кабинет заглянул Харботтл. Полковник пробормотал приветствие, забрал у Хемингуэя письмо и еще раз прочитал его.

— Может, письмо написано в припадке гнева? — произнес он. — Но ведь Уолтер покончил с собой!

Хемингуэй повернулся к Харботтлу и взял у него пачку бумаг.

— Спасибо, Хорас. Не возражаете, если я просмотрю их сейчас, сэр?

— Не возражаю, а настаиваю! А вы сядьте, инспектор.

Харботтл подвинул стул ближе к своему шефу, и они вместе прочитали рапорт о дознании. Тем временем полковник, уставший наблюдать за выражением лица Хемингуэя, выбрал новую трубку из нескольких на своем столе, набил ее, закурил и стал смотреть в окно. Некоторое время ничего не нарушало тишину, не считая шуршания листов бумаги и просьбы Харботтла к шефу читать помедленнее. Лоб Хемингуэя все сильнее бороздили морщины, несколько раз он возвращался к прочитанному. Когда все было наконец прочитано, он нахмурился.

— Ну как? — спросил полковник. — Не оставляет сомнений, верно?

— Чудесно! — отозвался Хемингуэй. — Колеса были смазаны отменно!

Полковник вспыхнул:

— По-вашему, мы что-то упустили?

— Увы, сэр, упустили. Но я ничуть не удивлен! Ни у кого из вас не было причин заподозрить в письме Уолтера нечто иное. Я сам ничего не понял бы, если бы не

наткнулся на него среди бумаг Уорренби, там, где ему не полагалось находиться. Это заставило меня задуматься.

— Вы хотите сказать, что Уорренби, выполняя обязанности коронера, с самого начала заподозрил, что письмо — подлог?

— Нет, не с самого начала, сэр, — возразил Хемингуэй. — Сомнения возникли позднее. Наверное, это случилось после того, как Гэвин поселился в Торндене и дал всем понять, каким он будет соседом. Очень глупо с его стороны было превратить в своего врага Уорренби! Он высокомерно полагал, что любого обведет вокруг пальца. У меня хватает свидетельств, чтобы предположить, как должен был отреагировать Уорренби на презрительное обращение с ним: он попросту не мог не попытаться обзавестись оружием против обидчика! А значит, разобраться со смертью Уолтера Пленмеллера. Что ему стоило снова поднять материалы дознания? Он мог отнестись к письму, как я, а мог заметить в нем что-то еще, чего я пока не заметил. Уорренби ведь изъясил его из папки не для того, чтобы читать на сон грядущий!

— Полагаете, это подделка? Я, конечно, не эксперт по почеркам, но готов поклясться, что письмо написал Уолтер.

Хемингуэй кивнул:

— Этого я не ставлю под сомнение, сэр. Вы не знаете, сохранился ли конверт?

— Не помню, но если Карсторн в участке, мы сейчас выясним. Он занимался данным делом вместе с Троптоном, — произнес полковник, снимая телефонную трубку.

— Он на месте, сэр, — подсказал инспектор. — Я только что с ним говорил.

Сержант не заставил себя ждать. Услышав вопрос, он прищурился, словно припоминая нечто давно забытое. Память его не подвела.

— Нет, сэр, — ответил сержант. — Конверта мы не видели. Мистер Пленмеллер вручил письмо инспектору Троптону уже развернутым со словами, что, наверное, должен передать его в полицию, хотя его первым — «глубинным», как он выразился, — побуждением было его сжечь.

— По-моему, его «глубинным» побуждением было вручить письмо вам. Хотел бы я взглянуть на конверт!

— Конверт видела экономка, — сообщил сержант. — Помню, она говорила вам, что увидела письмо первой. Оно лежало на столике у кровати. На нем было написано единственное слово: «Гэвин».

— Вот как? С этим уже ничего не поделаешь: экономка не определила бы, Уолтер надписал это слово или кто-либо другой.

— К чему вы клоните? — не вытерпел полковник. — Почему придаете такое значение конверту?

— Мне пришла в голову одна мысль, сэр, — ответил Хемингуэй. — Вы сказали, что за три недели до смерти Уолтер грозился, что больше не впустит Гэвина в дом и не желает его видеть.

— После этого он все же впустил брата в дом. Ссора была забыта.

— Да, сэр. Но, похоже, все происходило именно так, как сказано в письме. Я много раз читал его и заметил кое-что подозрительное. У Уолтера был размашистый почерк, он не делал разрывы между словами — ленился оторвать перо от бумаги, что ли? Взгляните на дату вверху страницы, сэр. Что вы думаете?

Хемингуэй положил письмо перед полковником. Харботтл и Карсторн приблизились к столу, чтобы ничего не упустить. Полковник взгляделся в письмо и произнес:

— Цифра «два» расположена очень близко к цифре «пять».

— Посмотрите, где ее касается легкий, идущий вверх переход от буквы «у». Он настигает двойку внизу, а не у верхней петельки, как ожидаешь. Не представляю, как он выписал двойку, начинающуюся здесь снизу, с диагональной черты. А вот если мысленно продолжить эту слабенькую линию, то она настигнет пятерку именно там, где полагается, если Уолтер датировал письмо не 25, а 5 мая.

Сержант втянул воздух, Харботтл посмотрел на своего шефа с гордостью, а полковник обессиленно откинулся в кресле.

— Боже! — простонал он. — Вы думаете, письмо написано во время той ссоры, о которой я вам рассказывал?

— Прежде чем мы сможем высказаться с полной уверенностью, понадобится услышать мнение эксперта. Пока это больше смахивает на гадание. Кстати, разве письмо не побывало в руках эксперта? — добавил он. — Пожалуй, побывало — только не нашего...

Харботтл посмотрел на часы и воскликнул:

— Доверьте это мне, шеф! Я успею на поезд в 6.35, а рано утром вернусь. Сейчас позвоню в Скотленд-Ярд, предупреджу, чтобы дождались.

Хемингуэй кивнул и вручил ему письмо. Когда инспектор стремительно покинул кабинет, сержант Карсторн спросил:

— Сэр, так это было не самоубийство?

— Я не возьмусь что-либо утверждать, пока не получу заключение о письме, — ответил Хемингуэй. — Но если предположить, что письмо написали не 25-го, а 5 мая, то самоубийство маловероятно. Во-первых, мы имеем показания миссис Бромвич, что в тот день ее хо-

зьяин пребывал в мрачном расположении духа. Что послужило причиной? Головная боль или братец Гэвин, намеренно его изводивший? Ответа мы, конечно, никогда не узнаем. В десять вечера миссис Бромвич уходит спать. Ее комната расположена над кухней, помещения слуг отделены от хозяйских спален дверью. Думаю, в эту комнату можно попасть из комнаты снизу, которую я видел. Садовник ночует над конюшней. Через полчаса Гэвин тоже отправляется на боковую — так утверждает он сам. Коронер задал ему вопрос об этом. Неужели у него уже тогда возникли сомнения? — Он полистал бумаги. — Нашел! На вопрос всегда ли Гэвин ложится так рано, последовал ответ: нет, редко. По какой причине вы изменили привычке? Ответ: брат тяготился моим присутствием, поэтому я решил удалиться. Не подкапашься! Так и видишь вышедшего из себя Уолтера и предполагаешь, что к тому моменту, когда из его комнаты пополз газ, Гэвин давно спал. Уверен, он постарался, чтобы в его комнату газ не попал. После этого — провал, пока миссис Бромвич не приносит Уолтеру утренний чай. Она сообщила, что уловила непонятный запах, закашлялась и не смогла войти в комнату Уолтера. Тогда она идет будить Гэвина, сообщает ему: что-то произошло. Он сразу чует газ, быстро встает, идет вместе с ней в комнату Уолтера, надев халат и тапочки. Все так естественно! У халата наверняка был карман. Гэвин дергает запертую дверь, наваливается на нее, ломает замок. Обоим бьет в нос запах газа. Далее следует хвалебная песнь миссис Бромвич о «мистере Гэвине». Он без колебания вбежал в комнату, раздвинул шторы и распахнул все три окна. В них подул ветер, и миссис Бромвич, наглотавшись газу, испытала приступ удушья. Учитывая, сколько газа было в комнате, я ничуть не удивлен. Гэвин подбегает к газовой плите, завертывает кран

и посылает миссис Бромвич вниз, звонить врачу. Больше она не путается под ногами. Вернувшись, она застаёт Гэвина на лестнице: вид у него ужасный, он так кашляет, что она боится, как бы у него не полопались сосуды. Еще бы! До ее возвращения ему пришлось повозиться в комнате брата. Если я прав, Гэвин должен был сунуть ключ от двери Уолтеру под подушку, чтобы его нашел там доктор Уоркоп, заткнуть тряпкой замочную скважину, наклеить изоляционной ленты на щели вокруг двери. Думаю, эту работу Гэвин начал накануне вечером: лента должна была лопнуть при взломе двери, поэтому он мог спокойно наклеить ее всюду, кроме той стороны, где дверь открывалась. Что касается полотенца, оказавшегося у них под ногами, когда распахнулась дверь, как будто им была заткнута щель под дверью, то оно, думаю, было брошено там заранее, чтобы создать такое впечатление. Итак, вернувшаяся миссис Бромвич докладывает, что врач уже едет. Гэвин говорит, что, Уолтер умер несколько часов назад и надо вызывать полицию. Как нам известно, доктор Уоркоп — не великий мастер улавливать время смерти, но в данном случае сомнения его не мучили. Тело Уолтера успело остыть. Приехавшему врачу Гэвин сказал, что ему уже поздно что-либо предпринимать, и впускает его в комнату вместе с миссис Бромвич. Тогда она и видит письмо. Она отдает его Гэвину, а Уоркоп находит ключ от комнаты. Итак, мы получаем открытое и немедленно закрытое дело, в котором все ведут себя прилично и достойно. Вскоре Гэвин даст показания на дознании, и в результате те, кто раньше считал, будто он дурно поступал с братом, готовы ему посочувствовать: каково бедняге слушать, как в суде зачитывают письмо Уолтера? Он благородно поступил, не уничтожив письмо! Держу пари, тот день принес ему высочайшее наслаждение!

Повисла пауза. Затем сержант произнес:

— Вы заставили меня поверить, что все происходило именно так.

— Я сам себя заставил поверить, — усмехнулся Хемингуэй.

— Если это так, — проговорил полковник, — и мы установим, что вы правы насчет письма, то Гэвин становится подозреваемым даже без новых доказательств.

— Я хочу вывести его на чистую воду, — возразил Хемингуэй. — Мне нужен «кольт-вудсмен».

— У него было достаточно времени, чтобы от него избавиться, — зловеще напомнил сержант.

— Посмотрим, избавился ли он от пистолета.

— Сэр, вы считаете, что он мог сохранить его?

— Не знаю. Не забывайте, Гэвин считает, что мы ищем винтовку. Еще важнее то, что избавиться от пистолета вовсе не просто, особенно не имея машины, чтобы уехать куда подальше. Я вот чего опасюсь: как бы он не выбросил его в речку, о которой я много слышал!

— Напрасные опасения, — сказал полковник. — Речка мелкая, а сейчас в ней и подавно может не оказаться воды. Не помню подобной засухи: с самого марта ни капли влаги! Наверное, Пленмеллер зачихал его в кроличью нору или где-нибудь зарыл.

— Только не рядом с Фокс-лейн, с Вуд-лейн или с тропой, — подсказал сержант. — Уверен, он сразу избавился от него. Мы там порылись, как терьеры! Впятером копались все утро воскресенья.

— Вряд ли Гэвин спрятал оружие в земле, — возразил Хемингуэй. — Засунуть пистолет в кроличью нору — не в его стиле. Как бы он замаскировал свежевскопанную землю? Есть еще собственный сад, конечно, но это рискованно, там же маячит конюх-садовник. А нора... Во первых, кроличьи норы сразу попали бы у нас под по-

дозрение, а во-вторых, какая-нибудь собака всегда может начать рыться именно в том месте. А главное, если Гэвин не нашел места, где оружие могло бы спокойно пролежать вечность, то должен иметь шанс забрать его, как только закончится охота. Навозная куча, стог сена исключены. Я бы не удивился, если бы он остановился на тайнике в собственном доме.

— А я бы удивился! — не выдержал сержант. — Зная, что следствие ведете вы, сэр! Он бы не стал так рисковать.

— Выкладывайте свою версию!

— Дело вот в чем, сэр. Я был с вами в воскресенье вечером, когда вы познакомились с Пленмеллером в «Красном льве». Помните, мне не пришлось ему рассказывать, кто вы такой, потому что он сам вас узнал и заговорил об одном из ваших прошлых дел? Стало ясно, что он отдавал себе отчет, с чем ему придется сражаться. По его разговору было ясно: Пленмеллер заранее знал, что Скотленд-Ярд пришлет сюда одного из своих лучших людей.

— В каком смысле одного? — насторожился Хемингуэй.

Полковник рассмеялся:

— Не вгоняйте старшего инспектора в краску, Карсторн! Но он может оказаться прав, Хемингуэй! Не имея алиби, Пленмеллер должен был готовиться к обыску в своем доме. Если вы считаете, что он не зарывал оружия, то как он с ним поступил?

— Я бы предположил нечто более замысловатое.

— Камера хранения на железнодорожной станции?

Хемингуэй покачал головой:

— Тривиально. И потом, Пленмеллер понимал, что, охотясь за настоящим оружием убийства, я бы сразу стал искать там. Если бы все происходило в Лондоне, то ме-

ня интересовало бы, не арендовал ли он сейф, но здесь это, наверное, невозможно?

— Боюсь, нет, сэр.

— Хотя и это было бы слишком очевидно, — заметил Хемингуэй. — Наверное, Пленмеллер спрятал его в месте, о котором я бы не подумал. Значит, пока придется опираться на косвенные улики или проштудировать все его книги — вдруг он уже использовал данный ход?

Сержант, напряженно размышлявший, вдруг сказал:

— Мистеру Пленмеллеру следовало заявить об оружии сразу после смерти брата. Хранить оружие было незаконно. Не хочу сказать, что нам надо привлечь его к ответственности, он же не обязан знать все правила и может думать, что раз срок лицензии еще не закончился, то все нормально. Давайте отправим к нему кого-нибудь из наших как бы для рутинной проверки? Констебля, который объяснил бы, что оружие покойного Пленмеллера не передано наследнику согласно закону. Как бы он тогда поступил?

— Заявил бы об оружии в шкафу, отрицая, что знал про «кольт», — ответил Хемингуэй.

— Разве это не выглядело бы подозрительно, сэр?

— Да, но вам все равно не доказать, что он лжет. Я посмотрелся на Гэвина Пленмеллера и заранее не завидую вашему констеблю. Гэвин изобразит готовность помочь, но констебль поймет, что легко отделался, если не будет вынужден перевернуть все сундуки и ящики в доме в поисках пистолета. Добьется он одного: Пленмеллер сообразит, что у меня на уме. Нет! Пусть он воображает, будто обвел меня вокруг пальца, пока я не смогу защелкнуть на нем наручники. Мало ли что, вдруг он решит, что мое место — на столе в морге?

— Ну, на подобное он не решится! — воскликнул сержант.

— А мне кажется, что если Пленмеллер примет меня за настоящего Шерлока Холмса, то сочтет это лучшим выходом. Жаль, что я не Шерлок Холмс, а то уже нашел бы тайник с «кольцом» с помощью метода дедукции. Увы, мне приходится довольствоваться имеющимися уликами...

— Послушайте! — сказал полковник. — А не слишком ли мы торопимся? Мы, все трое, говорим так, словно не существует сомнений, что убийца Уорренби — Гэвин.

— Их не существует, сэр, — спокойно ответил Хемингуэй.

Глава 19

Услышав слова Хемингуэя, полковник вопросительно уставился на него.

— Откуда такая уверенность? — спросил он.

— Чутье.

— Что? — не понял сержант.

— Старший инспектор говорит о своей интуиции, — объяснил полковник. — Что ж, Хемингуэй, вы свое дело знаете. Каковы будут ваши последующие действия?

— Я бы попросил сержанта Карсторна кое-что выяснить, если не возражаете, сэр.

— Я с радостью! — воскликнул польщенный сержант.

— Задание именно для вас, — продолжил Хемингуэй. — Вы знакомы с этим человеком и однажды даже допрашивали его. Скажите, что не записали его слова, или соворите еще что-нибудь: нам не нужно, чтобы он разнес по всей деревне, что вы задаете вопросы про Гэвина Пленмеллера.

— Можете на меня положиться, — заверил сержант. — О ком речь?

— Кажется, вы ни разу не называли мне его имени. Но я помню, как вы описывали мне действующих лиц

и упомянули некоего старожилы, чей коттедж расположен напротив Вуд-лейн.

— Его зовут Джордж Рагби, сэр.

— Рагби! Значит, вы тогда назвали его фамилию, сейчас я ее вспомнил. Память уже не та, что раньше, — пожаловался Хемингуэй, качая головой.

— Жаль, сэр. — Сержант не сдержал улыбки. — Ну, да ничего, хватит и той, что осталась. Что мне следует узнать у Рагби?

— Вы мне говорили, что он видел, как в субботу вечером миссис Клиберн и Пленмеллер уходили из «Кедров». Вы попытались узнать, не сделал ли один из них чего-нибудь подозрительного, и получили отрицательный ответ. В руках у них не было ничего, в чем могла бы быть спрятана винтовка. Тогда нас интересовали эти два вопроса. Но по-настоящему важное от вас ускользнуло. Не обижайтесь, от меня тоже — потому, наверное, что вы столько болтали, что не давали мне времени подумать, — добавил он. — Сейчас мне необходимо знать, кто первым появился на Вуд-лейн — миссис Клиберн или Пленмеллер.

— Господи! — вырвалось у сержанта. Умоляюще глядя на начальника полиции, он произнес: — Простите, сэр! Это я действительно упустил. К тому времени я столько уже опросил! Это не оправдание, но я никого не заподозрил, а старик Рагби из тех, кому на самый простой ответ нужно не менее получаса. Я решил, что он наверняка увидел сначала Пленмеллера, а потом миссис Клиберн. — Он посмотрел на часы. — Если не возражаете, сэр, я прямо сейчас отправлюсь в Торнден. Полицейский участок там в двух шагах от коттеджа Рагби, и я притворюсь, будто у меня дело к Хобкирку. Если Рагби сидит в саду, то я подойду к нему, и мы пообщаемся. Это я говорю на случай, если кто-то будет за мной наблюдать.

— Действуйте, — разрешил полковник. — Только так, чтобы Рагби не почувал подвоха, Карсторн!

— Будет исполнено, сэр. Я пожалуйюсь, что, старший инспектор сделал мне замечание, ведь я не подал письменный рапорт с его показаниями.

— А надо бы! — заметил Хемингуэй, когда за сержантом закрылась дверь.

— Вы оказываете на моих подчиненных деморализующее действие, — сурово заметил полковник. — Между прочим, вы предприняли что-нибудь в связи с тем, другим делом? Я про Эйнстейбла.

— Я попросил свое начальство аккуратно навести справки, сэр. Кстати, теперь эту просьбу можно отменить, — ответил Хемингуэй, вставая и собирая свои бумаги.

— Я рад, что вы ставите на этом точку.

— Меня это не касается, сэр. Если у вас больше нет ко мне вопросов, то я пошел. До возвращения Харботтла я почти ничего не могу предпринять, разве что усадить клерка Уорренби за документы, которые я забрал из Фокс-Хауса, хотя с этим можно подождать. Лучше я сначала поужинаю.

— Вы знаете, где он живет?

— Выясню, сэр.

Полковник поднялся и протянул ему руку:

— Всего хорошего. Удачи!

На следующее утро старший инспектор позволил себе побаловаться поздним завтраком. Он предпочитал завтракать в одиночестве, и, не ожидая возвращения Харботтла в Беллингэм до 10.27, когда там делал свою первую остановку скорый поезд из Лондона, а также отлично зная, что хозяин рассказал, кто он такой, троем коммивояжерам, поселившимся накануне в «Сан»,

не покидал своей комнаты. Хемингуэй удачно спланировал свое появление в кафе, правда, не принял в расчет мистера Уика, хозяина «Сан» и по совместительству шеф-повара, который не только зажарил для него четыре ломтика бекона, яичницу из двух яиц, две сосиски и помидор и сам все это подал, но решил не отходить от старшего инспектора, пока тот ел. Не стесняясь пятен на брюках и грязного халата, он, вцепившись волосатыми руками в спинку соседнего стула, развлекал Хемингуэя подробностями своей жизни и при этом не возражал выслушать от постояльца любопытные откровения, если они последуют. Но поскольку единственный вклад старшего инспектора в беседу представлял собой совет не показываться на глаза клиентам, чтобы не отбить у них аппетит, хозяин все же удалился, после чего Хемингуэй выпил третью чашку сладкого чая и ознакомился с содержанием своей излюбленной газеты.

Он покинул гостиницу незадолго до прибытия лондонского поезда и зашагал через городок к станции. На Саут-стрит было много людей, ставивших машины вдоль тротуаров и осуществлявших с этой целью сложные маневры, блокируя остальное движение. Дойдя до рыночной площади, он понял причину этой суматохи. Среда была в Беллингэме базарным днем, поэтому широкая площадь была заполнена автобусами и киосками, слышался непрекращающийся крик торговцев и гомон покупателей. Здесь торговали всем, что только можно представить, начиная от россыпей мелких безделушек и заканчивая чем-то широким, ярко-желтым, чем колотил по своему прилавку толстый субъект, монотонно выкрикивавший: «Треска! Треска!»

Продираясь сквозь толпу, Хемингуэй столкнулся с Абби Дирхэм, поджидавшей свою тетку, с полной корзиной в руках.

— Здравствуйте! — воскликнула она. — Какими судьбами? Тоже за покупками?

— Нет, хотя мог бы.

— Иногда бывают такие заманчивые скидки! В базарный день все стекаются на рынок, это правило без исключений. Любите козий сыр? Вон там, рядом с фруктами и овощами, Женский институт, моя тетя привозит туда свой сыр, а уж они...

Хемингуэй ждал продолжения, но неожиданно мисс Дирхэм утратила к нему интерес. Привлеченная каким-то небесным видением, она с идиотским выражением лица уставилась за спину старшего инспектора. Оглянувшись, он увидел младшего Хасуэлла, имевшего такой же глупый вид, как и мисс Дирхэм.

— Так и знал, что увижу здесь вас, — произнес он.

— Вы невыносимы, Чарлз! — улыбнулась мисс Дирхэм. — Разве вам не полагается работать?

Старший инспектор, сообразивший, что невольно нарушил чужую идиллию и что по меньшей мере двое из торнденских детективов-любителей отказались от поиска истины, зашагал к станции. Поезд уже отходил от перрона. Инспектор Харботтл ждал шефа на станционном дворе. Увидев его, он заторопился ему навстречу.

— Вы выиграли! — крикнул он издали.

— Надеюсь, хотя сейчас это мне не очень нравится, — усмехнулся Хемингуэй. — Дата подтвердилась?

— Да. Суперинтендант поручил экспертизу Эктону. Он сказал, что вы — чудо.

— Он ошибся. Но я кое-что разглядел.

— Что-то не заладилось? — тревожно спросил инспектор.

— Нет, но я перестаю нравиться самому себе. Не отрицаю, это письмо поможет мне, однако мне нужна одна вещь, а где ее искать, ума не приложу!

— Пистолет! — догадался Харботтл. — Я сам не перестаю ломать над этим голову. Вряд ли есть надежда найти его, но мы и так накопили на Пленмеллера достаточно, чтобы его арестовать. Что сказал врач про пятна на ковре?

— Кровь. Той же группы, что у Уорренби. У врача есть для сравнения окровавленный воротничок, который был на потерпевшем в момент убийства. Вчера вечером я отдал Каупланду бумаги, и он определил, что отсутствуют как минимум два письма. Так-то оно так, но ни пятна крови, ни отсутствующие письма Пленмеллера не изобличают. Еще я надеялся, что сумею установить, что он прошел по Вуд-лейн после жены викария. Помните, Карсторн говорил, будто один местный житель видел их обоих после ухода из «Кедров» в субботу? Вчера, после вашего отъезда, я отправил его в Торнден поговорить со свидетелем.

— Зря?

— Из утомительной беседы с ним Карсторна вытекает, что Пленмеллер действительно появился на Хай-стрит после миссис Клиберн, но старик трижды противоречил себе и к тому же не мог припомнить, что на самом деле происходило. В общем, на такого свидетеля лучше не полагаться.

— Обойдемся без него, — пожал плечами инспектор. — А сегодня базарный день?

— Да. По пути сюда я столкнулся с мисс Дирхэм и с младшим Хасуэллом. Наверное, здесь сейчас толчется больше половины Торндена. Предлагаю обходной путь, иначе меня принудят купить козий сыр.

Инспектор отказался гадать, почему его шефа должны принуждать к приобретению какого-либо сыра, и заподозрил его в легкомыслии. Вместе они обошли рыночную площадь стороной и зашагали по Саут-стрит.

— Как настроен полковник? — поинтересовался Харботтл.

— Полон сомнений, однако меня тревожит другое. Я знаю, что преступление совершил Пленмеллер, но мне не нравится строить дело только на косвенных уликах.

— С убийствами так часто бывает, — заметил Харботтл.

— Если на сей раз получится так же, то я утрачу доверие начальства. Ладно еще — преступник обычного типа, но наш подозреваемый слишком умен, чтобы положить на случай.

— Как же тогда... Вот он!

— Где?

— Только что вошел в банк, — сообщил инспектор, указав на здание поблизости. — Вид у него беззаботный. Удивительно, как можно... — Он прервался на полуслове, заметив, что шеф его не слушает.

Хемингуэй задержался перед бельевой лавкой. Его лицо выражало изумление, глаза были прищурены.

— В чем дело, сэр? — удивленно спросил инспектор.

— Я все понял, Хорас! — воскликнул тот. — Идемте!

Инспектор в недоумении проследовал за ним в банк.

Там было так же людно, как на улице. Большинство томившихся в очередях к окошкам были домохозяйками, отягощенными корзинами и кульками. Гэвин Пленмеллер не пристроился к очереди, а выписывал за столом чек. Он сидел спиной к двери, и Хемингуэй, взглянув на него, шагнул к широкому прилавку и отвлек от дела кассира, считавшего под грозным требованием «Не беспокоить!» грязные купюры в толстой пачке. Кассир предложил старшему инспектору перейти к другому окошку, но карточка, подсунутая под решетку, подействовала, как волшебная палочка.

— Заведующий занят? — спросил Хемингуэй.

— Нет, то есть я пойду узнаю...

— Не нужно! — весело откликнулся он и кивнул на дверь из дымчатого стекла. — Это его кабинет?

— Да, но...

— Благодарю! — Старший инспектор отвернулся от прилавка в тот момент, когда Пленмеллер отошел от стола и шагнул к окошку.

Харботтл заметил на лице Пленмеллера не одно только удивление. Обошлось без мелодраматической дрожи, однако лицо застыло, мускулы напряглись. В следующую секунду рот скривился в презрительной ухмылке.

— Опять Скотленд-Ярд! — процедил Пленмеллер. — Доброе утро, джентльмены! Чем могу быть полезен?

— Я хотел кое о чем вас спросить, — произнес Хемингуэй, сама любезность. — То, что я вас увидел, большая удача. Хотя здесь многовато людей. Может, пройдем в кабинет заведующего?

— Я полностью в вашем распоряжении. Прямо через дорогу находится паб «Голова короля». Сдается мне, заведующий банком не одобрит вторжение в его кабинет. Если не возражаете подождать, пока я обналичу чек, то...

— Это займет минут двадцать, а я тороплюсь. Уверен, заведующий не станет возражать. — И Хемингуэй подтолкнул Пленмеллера к стеклянной двери.

Тот оглянулся, увидел у себя за спиной инспектора Харботтла и вопросительно взглянул на Хемингуэя, подняв брови.

— Это так срочно? — небрежно промолвил он.

— Я подумал, что вы сумете объяснить мне кое-что... — Хемингуэй открыл дверь и втолкнул Пленмеллера внутрь.

Заведующий восседал за широким двухтумбовым столом, рядом с ним уже находился кассир, с которым раз-

говаривал Хемингуэй. Заведующий смотрел поверх очков, недовольный появлением трех непрошенных гостей.

— Мистер Пленмеллер? — удивленно воскликнул он, взглянув на Хемингуэя и Харботтла, а потом на карточку, которую передал ему кассир. — Старший инспектор... Хемингуэй? Вы ко мне?

— Собственно, это у мистера Пленмеллера к вам дело, — ответил Хемингуэй. — В понедельник он отдал вам на хранение пакет и теперь хочет показать мне, что в нем. Держите его, Харботтл!

— Но как вы узнали, шеф? — спросил Харботтл, оставшись наконец наедине со старшим инспектором.

— Ничего я не узнал, — возразил Хемингуэй. — Рискнул, вот и все.

— Рискнули? Вот уж нет! — на лице Харботтла появилось выражение, свидетельствовавшее о предчувствии неладного. — Неужели опять все свалите на свое чутье?

— Я не обязан раскрывать перед вами душу. Не обязан, но раскрою: чутье плюс кое-что еще. Собственно, это «кое-что» должно было прийти мне в голову гораздо раньше. Вчера я сказал начальнику полиции, что в Лондоне занялся бы проверкой индивидуальных сейфов. Даже не знаю, почему сразу не подумал про банковскую ячейку.

— Вас отвлекли посторонней болтовней.

— Вероятно. Если вы тоже станете болтать, то горько пожалеете!

— Сэр, неужели из моих слов, что Пленмеллер вошел в банк, вы сделали вывод, что он хранит там «кольт»?

— Не совсем, — признался Хемингуэй. — Стоило вам это сказать, меня осенило: когда я столкнулся здесь с ним утром в понедельник, он только что вышел из банка. Я сопоставил факты, поразмыслил и счел возможным положиться на свой инстинкт.

— Господи! — воскликнул инспектор. — А что было бы, если бы Пленмеллер не оставлял в банке никакого «кольта»?

— Ничего. Я все равно арестовал бы его. Но как только он меня заметил, я понял, что был прав. Пленмеллер хороший актер, однако, увидев меня в банке, испытал сильный стресс.

— Но так вломиться! — не мог успокоиться Харботтл, всегда уважавший закон. — Ворваться без разрешения в кабинет заведующего отделением банка, наврать ему о намерении Пленмеллера показать вам содержимое пакета, которого могло вообще не быть в банке! Надо было, по крайней мере, заготовить ордер...

— Это тот самый случай, когда я соображаю быстрее вас, Хорас. Попробуйте раздобыть ордер для обыска в банке! Во-первых, вам понадобятся неопровержимые доказательства, во-вторых, как вы заставите заведующего признать, что он получал от подозреваемого пакет? Вам потребуется особое предписание, а потом еще трехдневное ожидание его исполнения. Тем временем Гэвин Пленмеллер догадался бы о вашем замысле и придумал какой-нибудь хитрый ход. Нет, правильнее было одним ударом вывести его из равновесия!

— Ничего бы он не придумал! — возразил инспектор. — Мы бы наблюдали за ним и за банком.

— Разумеется. Только вы, Хорас, забыли одну вещь, Нет, даже две.

— Что я забыл? — нахмурился инспектор.

— Все, что слишком долго тянется, плохо заканчивается. Если бы не ваше глупое предубеждение против театра, вы бы это знали. А главное, — самодовольно добавил Хемингуэй, — с субботы у меня начинается двухнедельный отпуск. Как было не поторопиться?

Содержание

УБИЙСТВА НА ЧАРЛЗ-СТРИТ	5
КОМУ ПОМЕШАЛ СЭМПСОН УОРРЕНБИ?	283

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Хейер Джорджет
УБИЙСТВА НА ЧАРЛЗ-СТРИТ
КОМУ ПОМЕШАЛ СЭМПСОН УОРРЕНБИ?

Романы

Ответственный редактор *И. Горяева*
Технический редактор *О. Серкина*
Компьютерная верстка *Е. Кумшаева*
Корректор *Н. Хотинский*

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39
Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru
ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 1 құрылым, 39 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru

Қазақстан Республикасында дистрибьютор
және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а», литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 18.10.2017. Формат 84x108^{1/32}.
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,24.
Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-17-097109-1

9 785170 971091 >

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

Респектабельная партия в бридж в шикарном особняке миссис Хаддингтон завершилась убийством: кто-то задушил близкого друга хозяйки.

Однако это еще не все: очень скоро убийца нанес новый удар, и на сей раз его жертвой стала сама миссис Хаддингтон!

Но кто же убийца? Инспектор Хемингуэй, которому поручено расследование, понимает: все свидетели нагло ему лгут. Молодая секретарша, эксцентричный лорд, светская львица, даже красавица дочь одной из жертв.

Им всем явно есть что скрывать...

Убийство провинциального юриста Сэмпсона Уорренби никого не опечалило, скорее прямо наоборот.

Но преступление есть преступление, и убийца должен понести заслуженную кару.

Однако на сей раз у инспектора Хемингуэя особенно много подозреваемых: ведь Уорренби успел насолить абсолютно всем, кто хорошо его знал, от собственной племянницы

и ее возлюбленного до местного сквайра, от соседа-писателя — до отставного майора, разводящего пекинесов.

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-097109-1

9 785170 971091